

Архіепископъ Николай Японскій.

Воспоминанія и характеристика ¹⁾).

Тяжесть утраты и трудность оцѣнки дѣятельности архіепископа Николая.

Въ лицѣ почившаго высокопреосвященнаго Николая, архіепископа Японскаго, Россія понесла тяжелую, скорбную, невознаградимую утрату, и чѣмъ больше вдумываешься въ личность покойнаго и чѣмъ больше анализируешь его дѣятельность, тѣмъ больше сознаешь, что потеря эта въ буквальномъ смыслѣ слова незамѣнимая. Умеръ крупнѣйшій русскій государственный дѣятель, который въ теченіе 50-ти лѣтъ, никѣмъ не побуждаемый, по одному только собственному стремленію, по одной личной инициативѣ являлся проводникомъ неотдѣлимыхъ отъ Россіи православныхъ началъ и послѣ долгихъ испытаній и трудовъ стяжалъ, наконецъ, официальное признаніе даже со стороны бывшихъ нашихъ враговъ величія своей работы. Россія будетъ всегда гордиться именемъ архіепископа Николая Касаткина, но найдетъ ли она кѣмъ замѣнить его, это остается вопросомъ.

Умеръ вѣрный сынъ православной Церкви, трудившійся неуклонно подвигомъ добрымъ и отдавшій апостольскому служенію всего себя безъ остатка. Ни отдаленность разстоянія, ни чуждость условий, ни иноплеменность народа, среди котораго онъ жилъ, ни страхъ смерти, ни гоненія и поношенія во всѣхъ формахъ, начиная отъ грубыхъ угрозъ и кончая самыми утонченными, выработанными культурой, злоиздѣвательствами, не могли ни поколебать его, ни тѣмъ больше заставить отказаться отъ осуществленія предпринятаго дѣла.

¹⁾ Настоящій очеркъ представляетъ собою сводъ двухъ рѣчей, произнесенныхъ авторомъ 26 и 29 февраля въ засѣданіяхъ Русско-Японскаго Общества и Императорскаго Общества Востоковѣдѣнія въ память почившаго архіепископа Николая, состоявшего почетнымъ членомъ этихъ обществъ.

Умеръ тотъ, кто являлся для 115 миллионной массы православнаго русскаго населенія воплощеніемъ святого христіанскаго идеала апостола, чьи обращенія къ единовѣрцамъ заставляли людей жертвовать на то, о чемъ онъ ихъ просилъ, изъ-за одной только вѣры въ этого человѣка, изъ-за одного только святого сознанія, что послѣдняя копейка, переданная архіепископу Николаю на дѣло, имъ осуществляемое, будетъ такъ же свята, какъ лепта евангельской вдовицы. вмѣстѣ съ нами въ лицѣ почившаго японская Церковь утратила своего отца, родоначальника, учителя и руководителя. Кѣмъ же можно замѣнить и чѣмъ можно вознаграждать для Церкви и православія такую утрату?

Въ силу такого необычнаго масштаба дѣятельности покойнаго архіепископа Николая говорить и писать о немъ представляется также дѣломъ очень сложнымъ. Говорить о томъ, кто является, по отзывамъ знающихъ Дальній Востокъ современниковъ, величайшею фигурою въ миссіонерской исторіи Японіи; объ апостолѣ, оставившемъ послѣ себя до 200 церковныхъ общинъ и свыше 30.000 христіанъ; о переводчикѣ богослужебныхъ книгъ, передавшемъ Японіи почти всю Библию, почти всѣ богослужебныя православныя книги, цѣлую богословскую литературу; о педагогѣ, основавшемъ нѣсколько школъ, изъ которыхъ вышли сотни японцевъ, проникнутыхъ православнымъ духомъ; объ ученомъ, овладѣвшемъ японскимъ языкомъ, про который первые католическіе миссіонеры писали, что онъ такъ труденъ, что представляется изобрѣтеннымъ самимъ дьяволомъ съ цѣлю оградить Японію отъ христіанскихъ миссіонеровъ, а величайшій изъ ученыхъ японологовъ Б. Х. Чэмбарленъ сказалъ, что «японскій языкъ, если взять его весь въ совокупности, является труднѣйшимъ языкомъ на земномъ шарѣ и что ни одинъ взрослый европеецъ никогда не можетъ надѣяться овладѣть имъ въ совершенствѣ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, какъ скажемъ,

онъ можетъ надѣяться овладѣть языками нѣмецкимъ или испанскимъ»; говорить о томъ, кто въ одномъ историческомъ очеркѣ, написанномъ на основаніи почти никому доселѣ неизвѣстныхъ въ Россіи японскихъ исторій: Дай Нихонси, Кокусияряку, Иси и Нихонгаиси еще въ 1869 г., далъ ключъ къ уразумѣнію современной японской исторіи; о томъ, кто вынесъ на своихъ плечахъ апостольскую работу въ адскихъ условіяхъ ежесекундной клеветы, гоненій, подозрительности, о человѣкѣ, каждая сторона работы котораго дастъ послѣдующимъ изслѣдователямъ матеріалы для цѣлыхъ томовъ, говорить о такомъ титанѣ—задача не легкая. Не легка она предъ величіемъ фигуры архіепископа Николая, предъ разносторонностью его дѣятельности, предъ богатствомъ его натуры, предъ непреклонностью его воли и передъ чѣмъ-то такимъ, что не поддавалось оцѣнкѣ наблюдателя. Въ немъ, въ его словахъ, дѣйствіяхъ, сужденіяхъ, идеалахъ, инструкціяхъ и совѣтахъ чувствовалось что-то необыкновенное, его проникало то, что онъ таилъ въ себѣ не для земныхъ цѣлей. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ человѣкъ, человѣкъ какъ всѣ люди.

Читая теперь тѣ многочисленные отзывы, которые даетъ объ архіепископѣ Николаѣ пресса всего міра, я долженъ сказать, что они меня какъ-то не удовлетворяютъ. Онъ былъ аскетомъ—это правда, онъ былъ добрымъ, отзывчивымъ, любезнымъ, какъ о немъ пишутъ,—все это правда, но въ этихъ чертахъ, какъ и во всѣхъ отзывахъ объ архіепископѣ Николаѣ, еще далеко не вся его натура. Вмѣстѣ съ мягкостью, онъ былъ желѣзнымъ человѣкомъ, не знавшимъ никакихъ препятствій, практичнымъ умомъ и администраторомъ, умѣвшимъ находить выходъ изъ всякаго затруднительнаго положенія. Вмѣстѣ съ любезностью, въ немъ была способность быть ледянымъ, непреклоннымъ и рѣзкимъ съ людьми, которыхъ онъ находилъ нужнымъ воспитывать мѣрами строгости, за что-либо карать или останавливать. Вмѣстѣ съ общительностью,

въ немъ была очень большая, долгимъ опытомъ и горькими испытаніями пріобрѣтенная сдержанность, и нужно было много времени и усилий, чтобы заслужить его довѣріе и откровенность. На ряду съ какою-то дѣтской наивностью веселаго собесѣдника, въ немъ была широта идеаловъ крупнаго государственнаго ума, безконечная любовь къ родинѣ, страданіе ея страданіями и мученіе ея мученіями.

Вотъ этихъ-то именно сторонъ характера пресвященнаго Николая я не нахожу въ отзывахъ о немъ, а безъ наличности этихъ качествъ онъ, несомнѣнно, не могъ совершить и того великаго дѣла, которое онъ оставилъ послѣ себя въ наслѣдіе. Широкіе и святые идеалы, желѣзная воля и неистощимое трудолюбіе—вотъ сущность архіепископа Николая.

Пытаться въ настоящее время дать должную оцѣнку жизни и дѣятельности архіепископа Николая было бы напрасною и недостижаемою попыткой. Можно сказать безъ преувеличенія, что каждая сторона работы покойнаго владыки дастъ послѣдующимъ изслѣдователямъ матеріалы для цѣлыхъ томовъ. «Исторія распространенія православія въ Японіи», «Борьба православія съ буддизмомъ и синтоизмомъ», «Японскій переводъ Библии», «Японская версія круга православнаго богослуженія», «Японскій православно-богословскій словарь—въ его отношеніи къ буддійской и синтоистской терминологіи», «Воспитаніе православныхъ японцевъ», «Роль православныхъ японцевъ въ перенесеніи на японскую почву русской богословской, беллетристической и исторической литературы» и т. д. Вотъ заглавія цѣлага ряда послѣдующихъ научныхъ работъ, которыя совершенно легко приходять на умъ при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ дѣятельностью покойнаго архіепископа и всѣ эти сочиненія, когда они будутъ написаны, исходнымъ своимъ пунктомъ будутъ имѣть именно работу архіепископа Николая, его идеи, его знанія японскаго языка и Японіи. Десятки лицъ

будутъ со временемъ трудиться надъ выясненіемъ того, что сдѣлано однимъ почившимъ архіепископомъ, и пройдетъ много лѣтъ еще раньше, нежели его личность представится намъ во всей своей полнотѣ. Трудность въ этомъ случаѣ несомнѣнно заключается прежде всего въ томъ, что вся жизнь преосвященнаго Николая прошла въ Японіи, и вся почти его работа изложена на японскомъ языкѣ. Необходимо поэтому прежде всего, чтобы ею занялись японологи, но и одного знанія японскаго языка въ этомъ случаѣ недостаточно. Для оцѣнки, скажемъ, дѣятельности архіепископа Николая, какъ переводчика, необходимо, чтобы его критикъ былъ самъ человѣкомъ богословскаго образованія. Для анализа и правильного пониманія проповѣднической и административной работы владыки по организаціи Церкви нужно, чтобы изслѣдователь зналъ исторію современной Японіи. Для выясненія постепеннаго перехода православныхъ общинъ съ сѣвера на югъ Японіи, отъ писателя потребуются большія знанія по этнографіи Японіи и т. д. Вотъ почему мы можемъ совершенно увѣренно сказать, что въ данный моментъ нѣтъ ни одного человѣка изъ русскихъ, кто былъ бы въ состояніи, безъ большой предварительной подготовки, представить надлежащій очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго, а тѣмъ болѣе дать его подробную біографію съ полнымъ выясненіемъ его трудовъ по распространенію Церкви.

Дмитрій Позднѣвъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Для памяти.

(Голосъ мірянина).

Много пришлось пережить за послѣднее время такого, что казалось невѣроятнымъ какія-нибудь десять лѣтъ тому назадъ. Много пришлось перечувствовать, во многомъ разочароваться и многому, казалось бы, научиться. Мы пережили Мукденъ и

Цусиму, Гапоновскую недѣлю, первую Думу и Выборгское воззваніе, Герценштейновскія иллюминаціи и вторую Думу, Думу съ красными гвоздиками. Было время, когда можно было предсказывать извѣстный успѣхъ самыхъ крайнихъ теченій и если бы представители его въ то время проявили немного болѣе выдержки и такта, то быть можетъ, хотя на какое-нибудь мгновенье торжествовала бы социалистическая «четыреуховства» со всѣми ея послѣдствіями, а нынѣ, когда волею Самодержавнаго Монарха, избранные населеніемъ, люди призваны къ законодательной работѣ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ и когда наступили благоприятныя условія для спокойной и планомерной работы; казалось бы, первымъ дѣломъ нужно оглянуться назадъ, вспомнить исторію послѣдняго времени, разобраться въ ея деталяхъ и постараться изъ недавняго прошлаго извлечь уроки для близкаго будущаго

Однимъ изъ интересныхъ фактовъ періода «борьбы» было полное сліяніе всѣхъ либеральныхъ элементовъ общества безъ различія ихъ отгѣнковъ для достиженія, казалось, общей цѣли. Главнымъ образомъ по причинамъ стратегическимъ, львие элементы нашихъ земствъ, думъ и всякихъ другихъ корпорацій, или тщательно таили свои сокровенные идеалы достиженія полной государственной разрухи, или дѣлали видъ, что держать руль вправо. Они работали въ полной солидарности съ умѣренными людьми, желавшими обновленія и врачеванія больной родины. Эти послѣдніе лишній разъ проявили удивительное русское простодушіе, довѣрчиво работая съ замаскированными врагами родины. Надо было пережить всѣ ужасы 1905—1907 г.г., чтобы наконецъ понять, что кажущійся союзникъ сѣва былъ именно скрытымъ врагомъ и что ему нужно было не устроеніе государственности, не перестроеніе ея на новыхъ, обновленныхъ началахъ, а окончательное разореніе для

Архіепіскопъ Николай Японскій ¹⁾.

Воспоминанія и характеристика ²⁾.

II.

Пребываніе архіепіскопа Николая въ Хакодате.

Для насъ, знающихъ теперь реформированную Японию, въ высшей степени интересными представляются отзывы архіепіскопа Николая о его жизни и работѣ въ первые годы пребыванія въ Японіи. Ъхалъ онъ въ Хакодате съ самыми горячими идеями миссіонерской работы. «Тогда я былъ молодъ, говорить онъ позднѣе, и не лишень воображенія, которое рисовало мнѣ толпы отовсюду стекающихся слушателей, а затѣмъ и послѣдователей слова Божія, разъ это послѣднее раздастся въ японской странѣ. Каково же было мое разочарованіе, когда я, по прибытіи въ Японію, встрѣтилъ совершенно противоположное тому, о чемъ мечталъ. Тогдашніе японцы смотрѣли на иностранцевъ какъ на звѣрей, а на христіанъ—какъ на злодѣйскую секту, къ которой могутъ принадлежать только отъявленные злодѣи и чародѣи».

О какой бы то ни было открытой проповѣди при этихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи, да и трудно было думать о ней безъ знанія языка. Рассказывая объ этомъ

періодѣ пребыванія въ Японіи, покойный архіепіскопъ всегда съ глубокою благодарностью вспоминалъ о тогдашнемъ Хакодатскомъ консулѣ І. Гошкевичѣ, піонерѣ русской японологіи и авторѣ перваго японорусскаго словаря. Съ нимъ близко сошелся тогда еще іеромонахъ Николай, и, одинаково интересуясь изученіемъ японскаго языка, они имѣли много общихъ темъ для разговоровъ.

Въ этотъ періодъ архіепіскопъ впервые познакомился съ японцами, началъ приглядываться къ нимъ и оцѣнивать ихъ пригодность для христіанства и особенно для миссіонерской дѣятельности. Нельзя сказать, чтобы первыя наблюденія его были очень въ пользу японцевъ. Вотъ какъ писалъ онъ объ этомъ въ одномъ изъ писемъ къ митрополиту С.-Петербургскому Исидору:

«4 года спустя по прибытіи моемъ сюда, Богъ послалъ мнѣ одного человѣка. Спустя годъ онъ нашелъ себѣ товарища, а еще въ продолженіе года они нашли себѣ и третьяго собрата. Изъ этихъ людей и подобныхъ имъ я льстился когда-то образовывать настоящихъ миссіонеровъ: увы, надежды мои давно разлетѣлись въ прахъ! Они, правда, умны, образованы въ японскомъ смыслѣ, высоконравственны и готовы жертвовать собою для успѣха принятой ими вѣры, обнаруживаютъ отличное умѣнье пользоваться тѣми знаніями, которыя ими дѣйствительно усвоены, проявляютъ рѣдкое одушевленіе въ рѣчи, замѣчательное краснорѣчіе, но у всѣхъ у нихъ одни и тѣ же недостатки: отсутствіе всякаго навыка къ систематическому построенію своихъ знаній и недостатокъ памяти. Да и можетъ ли быть иначе, когда фундаментальное образованіе японца состоитъ въ безсмысленномъ заучиваніи китайскихъ знаковъ по Конфуцію и въ чтеніи равныхъ пустыхъ книжекъ безъ связи и направленія. Словомъ, онъ убѣдилъ меня, что на миссіонеровъ изъ японцевъ надѣяться нечего: когда появится на японскомъ языкѣ полная богословская литера-

¹⁾ Продолженіе. См. № 11 «Церк. Вѣд.» с. г.

²⁾ Архіепіскопъ Николай, въ мірѣ Иванъ Димитріевичъ Касаткинъ, родился 1 августа 1836 г., образованіе получилъ въ духовномъ училищѣ и въ Смоленской духовной семинаріи. Студентомъ С.-Петербургской духовной академіи онъ принялъ въ 1860 году предложеніе Святѣйшаго Синода занять мѣсто священника при Хакодатскомъ консульствѣ съ миссіонерскою дѣлью. Былъ посвященъ въ санъ іеромонаха 30 июня 1860 г. и немедленно же выѣхалъ въ Японію, куда прибылъ 2 июня 1861 г. За все это время онъ былъ въ Россіи только два раза: въ первый разъ въ 1869 году съ ходатайствомъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи въ Японіи православной миссіи, во второй—въ 1880 году, когда онъ былъ вызванъ въ Россію для рукоположенія во епископа. Съ тѣхъ поръ до дня кончины, 3 февраля 1912 года, онъ родины не видѣлъ.

тура, тогда, съ нею за плечами, японецъ можетъ идти на проповѣдь, но до этого еще далеко. Теперь же японцы могутъ быть полезны только какъ катехизаторы подь непосредственнымъ руководствомъ дѣйствительнаго миссіонера» («Хр. Чт.» 1869 г. I, стр. 250—252).

Въ разговорахъ съ архіепископомъ я обращалъ его вниманіе на этотъ прежній отрицательный отзывъ объ японцахъ. Онъ говорилъ, что, въ сущности, недостатокъ логическаго мышленія замѣчается въ японцахъ въ массѣ и теперь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ долженъ признать, что введенная въ годы правленія Мэизи (т. е. нынѣшняго императора) система народнаго образованія во многомъ реформировала японскую голову. Въ тѣ времена, когда онъ давалъ этотъ отзывъ, японцы учились совершенно по китайской системѣ, не имѣвшей ни послѣдовательности, ни логики. Въ послѣдующія десятилѣтія въ Японіи въ этомъ отношеніи произошла удивительная перемѣна. И такъ, какъ думаютъ и пишутъ теперь молодые японцы, старики думать и писать не умѣли.

Въ бытность въ Хакодате же архіепископу пришлось впервые примѣнять и свой практическій тактъ въ приспособленіи къ существующимъ обстоятельствамъ и условіямъ жизни, основываемой имъ Церквю. Онъ только что обучилъ нѣсколькихъ катехизаторовъ, которые начали собирать у себя на домахъ лицъ, готовыхъ слушать, христіанское ученіе и таковыхъ нашлось до 20 человекъ, какъ въ Хакодате былъ полученъ указъ новаго правительства съ запрещеніемъ принимать христіанскую вѣру. Катехизаторамъ угрожала такимъ образомъ опасность быть посаженными въ тюрьмы и, быть можетъ, казненными. Не колеблясь долго, архіепископъ рѣшилъ извѣстить ихъ отъ этой участи: онъ снабдилъ ихъ книгами и расослалъ изъ Хакодате въ разныя стороны на проповѣдь. «Цѣлью ихъ путешествія, писалъ онъ, кромѣ ближайшей—скрытись отъ опасности, поставлено еще

то, чтобы они хорошенько разузнали вездѣ направленіе умовъ, постарались найти людей нужныхъ для нашего дѣла и, наконецъ, если можно, положили бы по мѣстамъ хотя начатки христіанскихъ обществъ. Но все это на всякій случай: въ глубинѣ души я очень мало питаю надежды на ихъ успѣхи, пусть бы хоть сами остались цѣлы, да не компрометировали себя». («Хр. Чт.» 1869. I, стр. 254).

Періодъ пребыванія въ Хакодате съ 1861—1869 г. былъ лишь подготовительною стадіей къ послѣдующей дѣятельности архіепископа Николая. Главнѣйшая работа его въ эти годы была сосредоточена на изученіи японскаго языка и Японіи.

Изученіе архіепископомъ Николаемъ японскаго языка.

Располагая теперь огромнымъ количествомъ всевозможныхъ грамматикъ, словарей, изданныхъ съ переводами и комментаріями текстовъ, громаднымъ количествомъ пособій по исторіи, религіи и быту Японіи, мы все же говоримъ, что изученіе японскаго языка представляетъ собою чрезвычайную трудность. Въ какомъ же положеніи былъ архіепископъ Николай, брошенный одинокимъ въ этотъ огромный японскій міръ съ однимъ только желаніемъ изученія языка и Японіи, но безъ маломальски удовлетворительныхъ пособій къ этому на доступныхъ для него языкахъ. Вотъ какъ онъ характеризуетъ самъ свои первые шаги въ области изученія японскаго языка.

«Пріѣхавъ въ Японію, я насколько хватало силъ, сталъ изучать здѣшній языкъ. Много было потрачено времени и труда, пока я успѣлъ присмотрѣться къ этому варварскому языку, положительно труднѣйшему въ свѣтѣ, такъ какъ онъ состоитъ изъ двухъ: природнаго японскаго и китайскаго, перемѣшанныхъ между собою, но отнюдь не слившихся въ одинъ. Сколько родовъ разговорнаго языка, начинающаго почти отъ чисто-китайскаго діалекта

до вульгарной рѣчи, въ которой, однако, неминуемо влетаютъ китайскія односложныя слова. Сколько разныхъ способовъ письма, начиная также отъ чисто китайской книги до книгъ, писанныхъ фонетическими знаками, между которыми опять таки неизбежно путаются китайскіе иероглифы. Отъ взаимной встрѣчи и переплетенія этихъ двухъ языковъ, принадлежащихъ къ двумъ различнымъ семействамъ, съ грамматическими конструкціями, совершенно непохожими одна на другую, какое громадное количество выродилось и самыхъ невѣроятныхъ грамматическихъ сочетаній, формъ, частичекъ, хвостиковъ, часто, по видимому, ничего не значущихъ, но требующихъ, однако, большой деликатности въ обращеніи съ собою. И такіе люди, какъ пресловутый quasi-знаюкъ японскаго языка, французъ Рони, осмѣлываются писать грамматику японскаго языка. Хороши грамматики, которыя приходится бросить въ уголь, какъ ненужный хламъ, спустя недѣлю по приѣздѣ въ Японію. Видно, долго еще изучающимъ японскій языкъ придется изучать его инстинктомъ, чрезъ чтеніе книгъ и механическое приученіе себя къ тѣмъ или другимъ оборотамъ разговорной и письменной рѣчи. Такъ инстинктивно и я научился, наконецъ, кое-какъ говорить и овладѣлъ тѣмъ самымъ простымъ и легкимъ способомъ письма, который употребляется для оригинальныхъ и переводныхъ ученыхъ сочиненій». («Хр. Чт.» 1869. I, стр. 247—248).

Не смотря однако на такія неблагоприятныя условія, архіепископъ Николай, путемъ постоянного чтенія японской литературы и постоянного общенія съ японцами, достигъ удивительнаго знанія японскаго и разговорнаго и книжнаго языка. Я никогда не забуду того собранія, которое состоялось въ Токио при отъѣздѣ изъ Японіи епископа Андроника въ залѣ Young Men Christian Association, гдѣ присутствовала аудиторія болѣе чѣмъ въ 1000 человѣка японцевъ, обращаясь къ которой,

архіепископъ Николай говорилъ почти 2 часа. У архіепископа былъ сильный иностранный акцентъ. Кромѣ того, 8 лѣтъ пребыванія въ Хакодате дали его произношенію сильный отгѣнокъ сѣверо-японскаго діалекта. Но это нисколько не мѣшало ему быть понимаемымъ всѣми японцами отъ мала до велика, богатство словаря и легкость построенія фразъ давали его рѣчи силу, приводившую въ восторгъ всѣхъ японцевъ. Архіепископъ не былъ ораторомъ въ парламентскомъ смыслѣ, рѣчь его не лилась такими длинными, безконечными періодами, какъ у японскихъ адвокатовъ, фразы были короткія, обороты самыя неожиданныя, но чрезвычайно яркіе и сильные. Нѣсколько разъ аудиторія перебивала его громкими одобреніями и аплодисментами, и это особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ черпалъ изъ своей изумительной эрудиціи образы, примѣры и сравненія, о которыхъ японцы никогда и не думаютъ, что они могутъ быть извѣстными европейцу. Рѣчь эта имѣла своимъ предметомъ обзорѣніе всей японской культуры и исторіи, анализъ японскихъ религій и системы государственнаго управленія въ древней и новой Японіи и сведена была къ тому, что вся культура и исторія Японіи служатъ подготовительной стадіей къ принятію Японіей христіанства.

Впечатлѣніе этою рѣчью было произведено громадное, что объяснялось чрезвычайнымъ подъемомъ, силою экспрессіи и тою свободою обращенія съ японскимъ языкомъ, съ которою она была произнесена.

Я считаю нужнымъ отмѣтить именно эту, слышанную мною рѣчь архіепископа, такъ какъ она совершенно выходила изъ предѣловъ его обычной повседневной работы. Что же касается до рѣчей христіанскаго и богословскаго содержанія, то онѣ произносились имъ постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ. То были и рѣчи въ храмѣ, и рѣчи на всякаго рода христіанскихъ собраніяхъ, и увѣщанія и поученія отдѣль-

нымъ вѣрующимъ, приходившимъ къ своему пастырю за словомъ утѣшенія, за разъясненіемъ всякаго рода религиозныхъ сомнѣній, за инструкціями для опроверженія аргументовъ, выставляемыхъ буддистами, синтоистами и инославными миссіонерами противъ православія. Въ этой области архіепископъ, какъ специалистъ, естественно не зналъ себѣ равнаго.

Приходилось мнѣ видѣть архіепископа и въ японскомъ обществѣ на различныхъ приемахъ, объѣздахъ, собраніяхъ. Здѣсь онъ былъ всегда веселымъ собесѣдникомъ, у котораго сыпались разнаго рода шутки, историческіе рассказы, описаніе японскаго быта и пр. Постоянныя путешествія по Японіи и столкновенія съ японскимъ народомъ, при огромной памяти архіепископа, давали ему неистощимый матеріалъ для разсказовъ, и его всегда можно было видѣть окруженнымъ на такихъ собраніяхъ цѣлою толпою слушателей. При этомъ, однако, всѣ его разсказы всегда носили характеръ благородства, его юморъ никогда не спускался до вульгарности, и собесѣдники—японцы уходили послѣ разговора съ нимъ съ пополненнымъ багажомъ полезныхъ знаній и чувствомъ глубокаго уваженія къ этому иностранцу. Недаромъ въ японской прессѣ можно постоянно находить замѣчанія, что архіепископъ Николай зналъ Японію лучше самихъ японцевъ.

Что касается до степени знанія архіепископомъ книжнаго японскаго языка, то въ записанныхъ мною протоколахъ предъсоборныхъ засѣданій православнаго духовенства въ Токио въ июлѣ 1906 года имѣется слѣдующее о томъ свидѣтельство.

Обсуждался вопросъ о необходимости для православной японской церкви избрать благочиннаго, на котораго была бы возложена обязанность объѣзжать японскія церкви и общины и контролировать дѣятельность священниковъ и катихизаторовъ. По этому поводу одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ церкви, редакторъ православнаго журнала Сэйгё симпоу, Петръ, Исикава, сказалъ слѣдующее:

«По моему мнѣнію, долженъ быть поставленъ благочинный, чтобы замѣнять архіепископа при объѣздѣ церквей. Архіепископъ Николай самъ теперь ѣздить не можетъ. Я имѣлъ съ нимъ по этому поводу неоднократные разговоры, но онъ отвѣчалъ, что предпочитаетъ заниматься переводами. Онъ сказалъ мнѣ такъ: «Я не изъ гордости говорю, но по глубокому сознанию, что я дѣйствительно теперь могу лучше всякаго другого заниматься переводами богослужебныхъ книгъ. Я знаю русскій и славянскій языки и знаю греческій языкъ, а потому могу сличать славянскій текстъ съ греческими оригиналами; знаю японскій и китайскій языки и потому могу излагать переводы. Наконецъ я имѣю уже опытность въ дѣлѣ переводовъ, и потому мнѣ лучше всего сосредоточить все свое вниманіе на удовлетвореніи именно этой, самой важной нужды Церкви».

Когда соборъ всего духовенства въ этомъ засѣданіи, на которомъ преосвященный не присутствовалъ и потому критика церковнаго строя велась совершенно открыто, перешелъ къ обсужденію даннаго вопроса, то всѣ единогласно высказались, что ни одинъ изъ японцевъ не въ силахъ замѣнить архіепископа въ его переводческой работѣ. Здѣсь только я почувствовалъ всю ту силу уваженія японцевъ къ учености и эрудиціи преосвященнаго Николая въ области японологіи, о которой мнѣ приходилось слышать раньше. Можно ли дѣйствительно представить себѣ болѣе высокое признаніе авторитета, чѣмъ постановленіе всего православнаго собора о необходимости врученія переводовъ на японскій языкъ именно архіепископу, хотя онъ по происхожденію и иностранецъ? Мы знаемъ, что прожившій 50 лѣтъ въ Японіи и потерявшій глаза надъ изученіемъ японскаго языка проф. Чембарленъ былъ избранъ, заслуженнымъ профессоромъ Токиосскаго университета по кафедрѣ японской литературы. Мнѣ думается, что вышеприведенное постановленіе православнаго собора является аналогичнымъ съ этимъ фактомъ.

Къ области знанія архіепископомъ книжнаго японскаго языка нужно отнести и веденіе имъ текущихъ дѣлъ православной Церкви. Управлять японскою Церковью безъ знанія разговорнаго и книжнаго языка абсолютно невозможно. Съ 6-ти часовъ утра до 12-ти дня архіепископъ ежедневно занимался церковными дѣлами, и занятія эти состояли главнымъ образомъ въ корреспонденціи съ вѣрующими. Писалъ онъ самъ отвѣты очень рѣдко, такъ какъ это потребовало бы отъ него слишкомъ большой механической работы. Но каждое письмо имъ прочитывалось, обсуждалось съ секретаремъ, и послѣднему архіепископъ диктовалъ отвѣтъ. Затѣмъ, написанное по такимъ указаніямъ письмо архіепископомъ редактировалось, иногда исправлялось, иногда подписывалось безъ помарокъ. Содержаніе этихъ писемъ обнимало, само собою разумѣется, всю церковную жизнь миссіи и частную жизнь вѣрующихъ, и понятно по-этому, что знанія японскаго языка и письменности архіепископа были совершенно адекватными этимъ требованіямъ. Затѣмъ, раньше опубликованія, онъ редактировалъ все миссійскія изданія, слѣдилъ тщательно за публикуемыми миссіею періодическими органами и былъ въ курсѣ всей текущей государственной жизни Японіи, за которою слѣдилъ по японской прессѣ. Читалъ онъ постоянно и газеты англійскія.

Таковы были результаты изученія архіепископомъ Николаемъ японскаго языка, которое было начато имъ въ Хакодате. Онъ самъ говорилъ постоянно, что безъ 8-ми лѣтъ работы на Хоккаидо надъ изученіемъ языка и Японіи, онъ никогда не былъ бы въ состояніи вести дѣло миссіи съ такою продуктивною.

III.

Распространеніе архіепископомъ Николаемъ православія въ Японіи.

Возвратившись въ 1871 году изъ Россіи, архіепископъ Николай въ скоромъ вре-

мени имѣлъ уже возможность переѣхать въ Токио, гдѣ и обосновался на господствующемъ надо всемъ Токио холмѣ Суругадай. Съ этого времени дѣло миссіи становится на болѣе прочную ногу, и архіепископъ развѣтываетъ свои миссіонерскія и административныя дарованія во всю ширь. Слѣдить годъ за годомъ за этою работою архіепископа намъ не представляется сейчасъ возможности, и потому мы должны ограничиться только указаніемъ на тѣ общія условія, въ которыхъ шла работа архіепископа Николая, и затѣмъ обрисовать вкратцѣ достигнутые имъ результаты.

Вопросъ о распространенія православія въ Японіи представляется чрезвычайно труднымъ для объясненія съ церковно-исторической точки зрѣнія.

Нынѣ намъ уже документально извѣстно, что, съ самыхъ первыхъ шаговъ знакомства съ русскими, японцы прониклись къ нашей родинѣ самою глубокою подозрительностью. Какъ большіе патриоты, они боялись, что Россія желаетъ завладѣть Японіей и съ начала XIX вѣка уже принимали самыя активныя мѣры для изученія Россіи и отысканія средствъ для противодѣйствія ея мнимымъ покушеніемъ на независимость Японской имперіи. Сѣогунатъ Токугава воспитывалъ на ненависти къ Россіи дѣлныя поколѣнія и искалъ въ этой ненависти пищу для развитія въ народѣ патриотизма. Захватъ Головинна съ товарищами былъ умысленнымъ и заранѣе подготовленнымъ отвѣтомъ на набѣги Хвостова и Давыдова. Цѣлый рядъ мѣропріятій по изслѣдованію сѣверной Японіи, Курильскихъ острововъ и Сахалина и по укрѣпленію ихъ былъ предпринятъ изъ боязни Россіи. Появленіе русскихъ судовъ у не принадлежавшей еще тогда Японіи Цусимѣ было сочтено прямой угрозой независимости Японіи и съ этого времени вся Японія не могла иначе говорить о Россіи, какъ со скрежетомъ зубовымъ.

Только при свѣтѣ этихъ фактовъ намъ становится понятною та ненависть, съ ко-

торую смотрѣлъ на появившагося въ Хаткодате іеромонаха Николая сянтоистскій жрецъ и самурай Савабэ и только, зная исторію дышавшихъ невѣроятною подозрительностью отношеній японскаго общества къ Россіи, мы можемъ уяснить себѣ весь смыслъ его словъ нашему миссіонеру: «Васъ, иностранцевъ, нужно всѣхъ перебить. Вы пришли сюда выглядывать нашу землю. А ты, съ своею проповѣдью, всего больше повредишь Японіи!» Совершенно такіе же взгляды мы находимъ у японскаго путешественника Ридзуанъ Камисима Нагахиса, который въ 1893 году постигилъ перешедшій къ русскимъ Сахалинъ и излагалъ свое негодованіе такъ: «широко открывъ свои глаза отъ душившей меня злобы, смотрѣлъ я въ сторону С.-Петербурга, на западъ, гдѣ черными пятнами клубились, сливаясь съ водою, зловѣщія облака». И вся Японія была полна именно этою злобою, ненавистью, фанатическимъ зложелательствомъ по отношенію къ Россіи. Не знала этого только Россія, но архіепископу Николаю пришлось съ нею столкнуться первому изъ русскихъ на дѣлѣ.

Почему же именно, при такомъ отношеніи къ намъ японскаго народа, православіе имѣло успѣхъ?

Мнѣ приходилось слышать въ Японіи, и этотъ взглядъ проникъ отчасти уже и въ русскую литературу, что первый періодъ дѣятельности арх. Николая совпалъ какъ разъ съ борьбою послѣднихъ приверженцевъ сеогуната Токугава съ возрождавшимся къ жизни императорскимъ правительствомъ, и что первые послѣдователи Пр. Николая принимали православіе потому, что надѣялись черезъ религію найти поддержку въ Россіи для борьбы сеогуната противъ правительства Мэизи, что именно поэтому онъ больше всего нашелъ учениковъ и неофитовъ на сѣверѣ Японіи, гдѣ привязанность къ дому Токугава была сильнѣе, нежели на югѣ. Мнѣ, однако, такое объясненіе представляется мало удовлетворительнымъ. Во 1-хъ, японцы, при

всей своей склонности отстаивать права Токугавасскаго дома, были все же слишкомъ патріотичны, чтобы мечтать о союзѣ съ ненавистною для нихъ Россіей; во 2-хъ, самый контингентъ первыхъ послѣдователей православія, за очень немногими исключеніями, былъ по своему классовому строю слишкомъ далекъ отъ какой бы то ни было политики: съ самаго начала и до сего дня православіе распространяется главнымъ образомъ среди бѣднѣйшаго класса японцевъ. Въ Японской православной церкви аристократіи чрезвычайно мало, богатыхъ купцовъ, зажиточной интеллигенціи, крупныхъ землевладѣльцевъ не было съ самаго начала, нѣтъ почти и теперь. Отсюда именно исходитъ и чрезвычайная бѣдность православной японской церкви.

Чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить распространеніе православія? Для насъ въ данный моментъ всего интереснѣе взгляды на этотъ вопросъ почившаго владыки.

Уже въ 1869 г. онъ писалъ: «Характеристично для православія въ Японіи то, что православная миссія, всего 8 лѣтъ существующая, при двухъ постоянныхъ за это время миссіонерахъ безъ всякихъ опредѣленныхъ матеріальныхъ средствъ, числомъ христіанъ уже вдвое сильнѣе, чѣмъ католическая и всѣ протестантскія миссіи, взятая вмѣстѣ, не смотря на то, что католическая и протестантская миссіи болѣе 20 лѣтъ, какъ основаны въ Японіи, что у нихъ сотни миссіонеровъ и миссіонерокъ и неистощимыя матеріальныя средства». (Древняя и Новая Россія. 1879 г. X, стр. 231).

Въ вышеупомянутой рѣчи, произнесенной въ 1907 г. при отъѣздѣ изъ Токіо епископа Андроника на большомъ собраніи японцевъ, равно какъ и въ другихъ своихъ опубликованныхъ трудахъ архіеп. Николай неоднократно и самымъ обстоятельнымъ образомъ доказывалъ, что въ Японіи наступила пора принять христіанство, и что это принятіе христіанства является завершеніемъ всей прежней вѣковой, ум-

ственной и моральной культуры Японіи. Онъ разсматривалъ современное богоскательство интеллигентныхъ и философски настроенныхъ круговъ Японіи и выяснять, что ихъ религіозный индифферентизмъ происходитъ отъ неудовлетворенности существующими религіями.

Синтоизмъ создалъ въ душѣ японца патриотизмъ, уваженіе къ императорскому дому и преданность Японіи, но по своему религіозному содержанію онъ не можетъ наполнить душу мыслящаго человѣка. Сами японцы съ ученыхъ кафедръ высказываютъ сомнѣніе въ божественномъ происхожденіи своей династіи, они ищутъ болѣе высокихъ формъ богопоклоненія и отсюда въ самомъ синтоизмѣ создаютъ секреты, но создаютъ ихъ лишь для того, чтобы ихъ оставить.

Существующій на ряду съ синтоизмомъ буддизмъ, конечно, является болѣе высокою формою религіи и при перенесеніи буддизма на японскую почву синтоизмъ предъ нимъ совершенно ступеался, но и буддизмъ былъ въ состояніи удовлетворять только древнихъ японцевъ. Онъ распался затѣмъ на цѣлый рядъ сектъ, которыя для привлеченія послѣдователей не останавливаются предъ всякими выдумками. Нѣтъ возможности перечислить всѣхъ выдуманныхъ ими чудесъ, сновъ, пѣсенъ боговъ. Всѣ буддійскія секты наперерывъ одна передъ другой стараются щеголять чудесами, изъ которыхъ одно другого нелѣпѣе, одно другого фантастичнѣе. Для интеллигентнаго человѣка всѣ эти выдумки до того наивны и смѣшны, что придавать серьезное значеніе буддизму современный японецъ не можетъ. Архіепископъ указалъ, что современныя популярныя сочиненія буддизма полны такими историческими нелѣпостями и несообразностями, что отъ нихъ буквально вянуть уши. Такъ въ одномъ жизнеописаніи будды ему пришлось читать прѣблагочестивое увѣреніе автора, будто за матерью будды въ приданое даны были, между прочимъ, 7 полныхъ возовъ «голландскихъ рѣдкостей», а когда

она забеременѣла буддой, то другая жена царя изъ зависти, чтобы убить въ ней младенца, обратилась къ одному изъ христіанъ, которые, какъ извѣстно, всѣ колдуньи, чтобы, при помощи его волхвованій, испортить свою соперницу. Съ мельчайшими подробностями здѣсь же былъ описанъ способъ волхвованія христіанина, приложенъ даже его портретъ и изображено какъ онъ погибъ среди волхвованій, пораженный небесными силами.

Кромѣ синтоизма и буддизма въ Японіи, въ видѣ нравственно-богословской школы, существуетъ еще конфуціанство, но и оно не можетъ заполнить религіозной мысли ищущаго бога японца.

Почему же доселѣ Японія не приняла христіанства?—Причина этому, по словамъ архіепископа, заключается главнымъ образомъ въ самихъ христіанахъ. Въ XVI вѣкѣ уже японцы насчитывали въ своихъ рядахъ не мало христіанъ, но чья была вина, если христіанство смѣшалось съ политикою и вызвало поэтому запретительныя распоряженія лучшихъ изъ японскихъ правителей? «Христіанская религія хороша, но она не годится для моей страны», былъ короткій отвѣтъ гениальнаго Тоётоми Хидэеси одному епископу. И дѣйствительно, могли ли относиться японцы къ христіанству иначе, если сами христіане пятнали себя политическимъ интриганствомъ? Вотъ совершенно достовѣрный фактъ: по смерти одного удѣльнаго князя, когда за нѣкоторыя вины имущество его было конфисковано, въ его домѣ совершенно неожиданно найденъ былъ сундукъ, наполненный драгоценными золотыми подарками и корреспонденціей, открывшей, что князь былъ въ самыхъ интимныхъ сношеніяхъ съ папой и собирался предать свое отечество во власть нинземцевъ. Вотъ гдѣ лежитъ причина антихристіанскихъ правительственныхъ эдиктовъ, формулировавшихся такъ: «хотя бы самъ богъ христіанскій пришелъ въ Японію,—и ему голова долой».

Архіепископъ въ этой рѣчи усматривалъ особую руку Промысла Божія, спасающую Японію отъ того политически интригующаго христіанства, которое пришло въ страну восходящаго солнца въ XVI вѣкѣ. Онъ закончилъ свою рѣчь указаніемъ на то, что теперь времена совершенно пере-мѣнились, что въ Японіи христіанство проповѣдуется внѣ всякой связи съ политикой и потому принятіе его естественно для человѣка съ одной стороны и не грозитъ опасностями ни націи, ни правительству съ другой.

По своему принципу воздерживаться отъ публичнаго осужденія инославныхъ исповѣданій, архіепископъ въ этой рѣчи не говорилъ объ отношеніи японцевъ къ католичеству и протестантству, но мы имѣемъ его взглядъ на этотъ вопросъ, изложенный еще въ 1869 году.

«Японцы, кажется, и обнаруживаютъ наклонность къ православію. Не нравятся имъ, и не можетъ нравиться такому развиту и пытливому народу, гнѣтъ католичества, которое, проповѣдуя христіанство, не позволяеть читать въ подлинникъ ученіе Христа, уже этимъ однимъ возбуждая недобѣріе и сомнѣніе въ подлинности проповѣдуемаго».

«Не нравятся японцамъ и протестанство. Они изнурены и своею собственною религіозною неурядицей и пустою; и протестанство, давая лишь библію въ руки, но предоставляя каждому понимать ее какъ угодно, т. е. то же что и въ язычествѣ, оставляя людей въ дѣлѣ религіи руководствоваться человѣческими воззрѣніями, а не указывая ясно и опредѣленно Божественной истины, конечно, не можетъ удовлетворить и успокоить ихъ. Характеристично для протестантства въ Японіи то, что лучшие люди изъ протестантскихъ прозелитовъ, многіе годы, бывшіе преданными протестантами и проповѣдниками протестантства, даже терпѣвшіе гоненія за него, безъ всякихъ постороннихъ вліяній, сами собою, бросаютъ его и дѣ-

лаются злыми врагами и поносителями его и, по невѣжеству, всего христіанства; это значить, что они прошли сквозь узкое и тощее ученіе и вновь очутились въ пустотѣ, съ неудовлетворенною какъ прежде религіозною жаждою».

«Повидимому, недалеко поэтому то время, когда для Японіи разрѣшится вопросъ, какое вѣроисповѣданіе будетъ въ ней господствующимъ. Въ Россіи когда-то князь Владиміръ, въ виду необыкновенной важности подобнаго вопроса для Россіи, принялъ все мѣры къ наилучшему разрѣшенію его,—самъ выслушивалъ всѣхъ разнорѣчныхъ миссіонеровъ, совѣтовался съ вельможами, посылалъ особое посольство за границу для изученія вѣръ и избранія лучшей изъ всѣхъ. Дай Богъ, чтобы и японское правительство со всею осмотрительностью и мудростью рѣшило этотъ вопросъ для Японіи какъ въ интересахъ самой истины, такъ и въ видахъ духовныхъ и вещественныхъ пользъ своего народа. Вопросъ этотъ—неизмѣримо важности. Отъ просвѣщенія Японіи христіанствомъ будетъ много зависѣть просвѣщеніе и другихъ монгольскихъ народовъ». («Японія и Россія». «Древняя и Новая Россія». 1879. Окт. стр. 230—231).

Итакъ причиною распространенія православія въ Японіи почившій владыка считалъ прежде всего подготовленность Японіи къ воспріятію христіанства вообще. Вторымъ условіемъ его распространенія онъ считалъ полную свободу въ православіи отъ связи съ политикой. Въ этомъ отношеніи его можно скорѣе считать педантомъ, но его педантизмъ, какъ мы видимъ, основывался на глубокомъ знаніи японской исторіи, въ которой уже одинъ разъ было запрещено христіанство за политическія интриги. Во много разъ скорѣе онъ могъ ожидать того же по отношенію къ русскому православію, такъ какъ и руссофобская литература и подозрительность японцевъ къ Россіи и ненавистничество къ ней японскихъ шовинистовъ были ему прекрасно извѣстны.

Сила православія въ Японіи заключа- лась и заключается несомнѣнно въ томъ, что оно построено всецѣло на японской почвѣ, что распространителями его являют- ся сами японцы, что оно въ своихъ стрем- леніяхъ не ищетъ матеріальныхъ выгодъ, не заискиваетъ у аристократіи и богатыхъ классовъ, а идетъ самостоятельной доро- гою и невольно привлекаетъ поэтому ува- женіе всѣхъ честныхъ людей, ищущихъ Бога.

Созданіе японской православ- ной Церкви.

По отчетамъ православной японской ду- ховной миссіи къ 1-му января 1910 года въ японской православной Церкви состояло 265 церковныхъ общинъ, въ которыхъ чис- лилось 31.538 христіанъ обоаго пола.

Японская миссія издаетъ ежегодно карты распространенія христіанства съ точнымъ обозначеніемъ мѣстонахожденія православ- ныхъ христіанскихъ общинъ. Въ миссій- скихъ календаряхъ указывается и перечень всѣхъ этихъ общинъ, какъ по провинціямъ (куни), такъ и по префектурамъ (кэнъ) Японіи. Представляемая нынѣ карта отно- сится къ 1906 году. Взглядъ на нее по- казываетъ, что главнѣйшимъ центромъ православія въ Японіи являются сѣверные округа. Церкви сѣверной Японіи считаются наиболѣе состоятельными и, какъ болѣе раннія по своему основанію, онѣ всегда указываютъ направленіе при возникновеніи новыхъ вопросовъ въ жизни миссіи. Изъ сѣверныхъ церквей особенно любовью архі- епископа Николая пользовалась, и намъ рус- скимъ особенно интересно представляется маленькая община православныхъ на островѣ Сикотанѣ. Церковь эта имѣетъ свою особую исторію. Когда въ 1875 г. произо- шель обмѣнъ Сахалина на Курильскіе острова, японское правительство, по поли- тическимъ соображеніямъ, приняло мѣры къ удаленію съ ближайшаго къ Камчаткѣ острова Сумусю всѣхъ проживавшихъ тамъ айну, бывшихъ русскихъ подданныхъ, ко-

торые жили раньше съ русскими, получали образованіе въ русскихъ школахъ, говорили по русски и могли бы быть такимъ обра- зомъ, нежелательнымъ для Японіи населе- ніемъ на случай столкновенія ея съ Рос- сіей. Изъ этихъ же соображеній и мѣстомъ новаго жительства для Сумусюскихъ айну былъ избранъ почти необитаемый дотолѣ островъ Сикотанъ, гдѣ бывшихъ русскихъ подданныхъ никто не могъ видѣть. Выѣздъ для этихъ айну съ острова былъ воспре- щенъ. Немедленно были приняты мѣры объапониванія этихъ айну, путемъ распро- страненія между ними японскаго языка и обученія айнскихъ дѣтей въ японскихъ школахъ. Была попытка и совращенія айну изъ православія въ буддизмъ. Для этой дѣли около 12 лѣтъ тому назадъ на Сико- танъ прибылъ бонза буддійской секты Мон- тосюу, который жилъ на островѣ нѣсколько лѣтъ проповѣдуя буддизмъ, но его айну не слушали. Затѣмъ, желая внушить айну возможно большее впечатлѣніе о величии и значеніи буддизма, онъ взялъ съ собою двухъ молодыхъ айну, возилъ ихъ по Японіи, въ Кіото, Токио и другіе центры буддизма и знакомилъ ихъ съ важнѣй- шими кумирнями и другими учрежде- ніями своей вѣры. Молодые люди, прибывъ въ Токио, заявили здѣсь православнымъ христіанамъ, что отказаться отъ даровой поѣздки по Японіи имъ не хотѣлось, но что никто изъ сикотанскихъ айну никогда не отступитъ отъ православія. Они забрали съ собою цѣлую бібліотеку изданій право- славной японской миссіи и возвратились домой.

Бѣдственное положеніе этихъ айну на островѣ Сикотанѣ удостовѣрено цѣлымъ рядомъ японскихъ писателей, съ Торіи Рюзоо во главѣ, и имъ то на помощь пришелъ съ духовнымъ утѣшеніемъ архі- епископъ Николай, вначалѣ командиро- вавшій туда священника Тита Комацу, съ переводчикомъ Алексѣемъ Саваба, а за- тѣмъ поселившій на Сикотанѣ у айну ка- тихизатора Сайтоо Раку-у. Отъ этихъ

японцевъ мы имѣемъ въ журналѣ Сайкёо симпоо въ высшей степени трогательныя описанія ихъ пребыванія у Сикотанскихъ айну, и, можетъ быть, ни отъ кого въ жизни архіепископъ не получалъ такой благодарности какъ отъ этихъ несчастныхъ. «Когда я прибылъ въ Токио съ Сикотана, пишетъ о. Титъ Комацу, то немедленно же доложилъ о положеніи дѣлъ епископу. Епископъ молча плакалъ и послѣ вѣкотораго времени сказалъ мнѣ: «Ты ихъ ближайшій пастырь и священникъ и долженъ осуществлять на дѣлѣ слова нашего Господа Иисуса, а потому подумай объ этомъ обстоятельстве». Послѣ этого во всей японской православной Церкви были открыты сборъ пожертвованій въ пользу несчастныхъ сикотанскихъ айну, и между маленькой айнуской общиной и японской Церковью съ тѣхъ поръ установилось духовное единеніе, которое архіепископъ Николай тщательно подерживалъ.

Изъ церквей на сѣверномъ островѣ Хоккайдоо первое мѣсто занимаетъ Хакодатская, какъ старѣйшая. Къ ней архіепископъ относился съ особенной нѣжностью, и когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время большого хакодатскаго пожара, сгорѣлъ православный храмъ, то это доставило ему много скорби. Хоккайдоо раздѣленъ на три округа, каждый округъ находится подъ надзоромъ рукоположеннаго священника, который совершаетъ объѣзды по своему округу три раза въ годъ. На всемъ островѣ существуетъ болѣе 30 церковныхъ общинъ, катехизаторовъ же только 9, такъ что на долю cadaго изъ нихъ приходится очень тяжелая работа. Покойный архіепископъ смотрѣлъ на Хоккайдоо съ большою надеждою и говорилъ всегда, что тамошніе жители наиболѣе склонны къ принятію христіанства.

Главный островъ Японіи Хонсюу раздѣленъ въ церковно-православномъ отношеніи на 18 округовъ, раскинутыхъ отъ Аомори до Хиросима, изъ нихъ большая часть христіанъ находится въ сѣверныхъ

провинціяхъ острова и только въ послѣднее время православіе обнаружилось наглядную тенденцію движенія на югъ. На картѣ нанесены общины въ 39 провинціяхъ главнаго острова и лишь въ 9 провинціяхъ православныхъ общинъ не имѣется. На островѣ Кюсюу изъ 9 провинцій не имѣется православныхъ лишь въ одной. Здѣсь работаютъ пять катехизаторовъ подъ руководствомъ двухъ священниковъ. На островѣ Сикоку православные имѣются во всѣхъ 4-хъ провинціяхъ и проживаетъ одинъ священникъ.

За послѣдніе годы миссія особо выделяетъ, какъ образцовыя, церкви по линіи Токайдоосской ж. д. въ Оказаки, Хамамацу, Тоёхаси и Нагоѣ. Послѣдній объѣздъ ихъ епископомъ Сергіемъ доставилъ много утѣшенія покойному архіепископу. Послѣ японо-русской войны православная Церковь въ Японіи приняла на себя обязанности удовлетворенія религиозныхъ потребностей также и православнаго населенія Южнаго Сахалина, а расширеніе власти Японіи надъ Формозою и Корею создало необходимость отправленія православныхъ катехизаторовъ и въ эти страны. Такимъ образомъ дѣло православной миссіи за послѣдніе годы въ значительной мѣрѣ усложняется, что создавалось и самимъ архіепископомъ Николаемъ и доставляло ему не мало заботъ.

Димитрій Позднѣевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Церковнослужительницы въ православной Церкви ¹⁾.

Посвященіе діакониссъ.

Памятники древней церковной письменности не говорятъ ясно, существовало ли посвященіе вдовъ-церковнослужительницъ. Употребленный въ отношеніи къ нимъ у ап. Павла (1 Тим. 5, 9) глаголь *ката*

¹⁾ Продолженіе. См. № 10, гдѣ ошибочно напечатано «Священнослужительницы».

Архіепископъ Николай Японскій ¹⁾.

Воспоминанія и характеристика.

IV.

Организація архіепископомъ Николаемъ православной японской миссіи.

Православная японская миссія въ томъ видѣ какъ существуетъ она сейчасъ создавалась не сразу. Много было положено архіепископомъ трудовъ для приведенія отдѣльных частей миссіи на ту высоту, на которой онѣ стоятъ нынѣ. Каждый отдѣлъ миссіи имѣетъ свою исторію, иногда очень сложную, останавливаться на которой въ общемъ очеркѣ не представляется возможнымъ. Одно только необходимо сказать, что если въ данный моментъ нѣкоторые изъ отдѣловъ миссіи идутъ уже самостоятельно, только руководясь высшими указами главы миссіи, то въ своихъ первыхъ стадіяхъ развитія они всё шли, жили и дѣйствовали при непосредственномъ участіи архіепископа Николая, какъ инициатора, участника и души всего дѣла.

Въ данный моментъ въ миссіи существуютъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Переводческій отдѣлъ. 2) Редакція журнала «Сэйкё симпо». 3) Духовная семинарія. 4) Женская школа. 5) Катехизаторская школа. 6) Дѣтскій сиротскій пріютъ. 7) Иконописный отдѣлъ. 8) Церковный хоръ. 9) Библиотека. Остановимся вкратцѣ на каждомъ изъ этихъ отдѣловъ.

I. Переводческій отдѣлъ.

Ни одной изъ частей миссіи не придавалъ такъ много значенія архіепископъ Николай, какъ переводческому отдѣлу. «Въ немъ, говорилъ онъ, заключается вся суть миссійскаго дѣла. Въ настоящее время вообще работа миссіи, въ какой бы то ни было странѣ, не можетъ ограничиваться

одною устною проповѣдью. Времена Франциска Ксаверія, бѣгавшаго по улицамъ съ колокольчикомъ и созывавшаго такимъ путемъ слушателей, прошли. Въ Японіи же, при любви населенія къ чтенію и при развитіи уваженія къ печатному слову, вѣрующимъ и оглашаемымъ прежде всего нужно давать книгу, написанную на ихъ родномъ языкѣ, непременно хорошимъ слогомъ и тщательно, красиво и дешево изданную. Особенное значеніе у насъ имѣютъ книги, выясняющія вѣроисповѣдныя разности съ католичествомъ и протестантствомъ. «Мнѣ, говорилъ преосвященный Николай, много разъ приходилось быть очевидцемъ того, какъ наши христіане, вооруженные знаменіями, почерпнутыми изъ миссійскихъ изданій, вели собѣдованія со своими соотечественниками католиками и протестантами и оставались побѣдителями. Печатное слово должно быть душою миссіи».

Этому принципу архіепископъ Николай слѣдовалъ всю свою жизнь неуклонно. Въ теченіи 30 послѣднихъ лѣтъ, минута въ минуту въ шесть часовъ вечера входилъ въ его келью его постоянный сотрудникъ по переводамъ Накаи-санъ, садился рядомъ съ архіепископомъ на низенькій, аршина полтора въ квадратѣ, табуретъ, на которомъ лежала подушка, называемая по японски «забутонъ», и начиналъ писать подъ диктовку архіепископа переводы. Работа эта продолжалась въ теченіи четырехъ часовъ и оканчивалась въ 10 часовъ вечера. Откладывалась она только въ дни вечернихъ богослуженій и праздниковъ. Въ часы работы надъ переводами, двери кельи высокопресвященнаго были абсолютно закрыты, и входилъ туда только слуга пресвященнаго, Иванъ-санъ, чтобы подать чаю. «Хотя бы небо разверзлось, говорилъ владыка, а я не имѣю права отнѣнить занятій по переводу».

Въ высшей степени интересными представляются для насъ первые шаги архіепископа Николая въ его переводческой дѣятельности. Какъ человѣкъ вѣчно стре-

¹⁾ Продолженіе. См. № 13—14 «Ц. Вѣд.» с. г.

мившійся къ совершенствованію, архіепископъ Николай никогда не бывалъ доволенъ своими переводами. Онъ неустанно искалъ новыхъ и новыхъ формъ, и переводъ молитвы Господней, напримѣръ, онъ исправлялъ, кажется, 3 или 4 раза. И съ самаго начала онъ пытался найти для себя хотя бы какую-либо опору, хотя бы какой-либо контроль своихъ первыхъ шаговъ въ переводческомъ дѣлѣ. Еще будучи въ Хакодате, онъ старался утилизировать существовавшіе уже православные переводы Библии и богослужебныхъ книгъ на *китайскомъ* языкѣ. Но эта попытка не была удачною. Вотъ какъ пишетъ о своихъ первыхъ попыткахъ переводовъ самъ архіепископъ.

Когда «научился я, наконецъ, кое-какъ говорить и овладѣлъ тѣмъ, самымъ простымъ и легкимъ способомъ письма, который употребляется для оригинальныхъ и переводныхъ ученыхъ сочиненій, то съ этимъ знаніемъ немедленно же приступилъ къ переводу Новаго Завѣта на японскій,— переводу не съ русскаго: отыскивать китайскіе знаки для каждаго русскаго слова—трудъ далеко еще не подъ силу мнѣ, да и бесполезный,—а съ китайскаго; дѣло, повидимому, легкое: японецъ, хорошо понимающій китайскую книгу, переводить Евангеліе на японскій, причемъ каждое слово выражено китайскимъ знакомъ, но около него поставлено японское чтеніе, и затѣмъ всѣ грамматическія формы выражены также японскими фонетическими знаками; мое дѣло было—съ другимъ ученымъ японцемъ провѣрять и поправлять переводъ. Работа шла очень быстро, пока я, постепенно знакомясь съ китайскимъ текстомъ, не дошелъ до окончательнаго разочарованія въ авторитетности его самого. Я выписалъ изъ Китая другой переводъ Новаго Завѣта. Оказывается, что одинъ букваленъ до шероховатости языка и часто до непонятности, другой изукрашенъ—очень часто до совершенной перефразировки и до пропуска и вставки многихъ словъ.

Это заставило меня тщательно слѣдить за текстомъ по русскому и славянскому переводамъ. Изрѣдка встрѣчающіяся несогласія между тѣмъ и другимъ (всегда, сколько я замѣтилъ, не въ пользу перваго) побудили меня заглядывать еще въ Вульгату и въ англійскій текстъ, наконецъ, я досталъ и греческій Новый Завѣтъ. Просматривая каждый стихъ во всѣхъ этихъ чтеніяхъ, а въ трудныхъ мѣстахъ прочитывая и толкованіе Златоуста, я, наконецъ, дошелъ до такой медленности въ переводѣ, что въ 5 часовъ, которые посвящались въ сутки на эту работу, переводилъ не болѣе 15 стиховъ. Переводить въ послѣднее время я уже сталъ самъ, отдавая текстъ лишь послѣ на просмотръ ученому японцу. Такъ переведены: Соборныя посланія ап. Павла къ Галатамъ, Ефесеямъ, Филиппійцамъ и Колоссянамъ и половина посланія къ Римлянамъ. Оглядываясь теперь на эти переводы, я снова вижу въ нихъ безчисленныя неисправности. Переведенныя же сначала Четыре Евангелія и Дѣянія Апостоловъ требуютъ новаго перевода. Въ промежуткахъ этой работы переведены съ китайскаго: Православное вѣроисповѣданіе святаго Димитрія Ростовскаго, Катехизисъ для оглашенныхъ, краткая Священная Исторія Ветхаго Завѣта, утреннія и вечернія молитвы; съ славянскаго: обрядъ присоединенія иновѣрныхъ и крещенія» (Хр. Чт. 1869 г. I, стр. 248—249).

Такимъ образомъ уже въ бытность на Хокаидо архіепископъ началъ свою переводческую работу въ довольно широкихъ размѣрахъ. Но еще шире были въ этомъ отношеніи его идеалы и виды на будущее, на осуществленіе которыхъ онъ истратилъ всю свою жизнь. Вотъ какъ онъ объ этомъ писалъ въ 1869 году:

«Изъ всего вышесказаннаго доселѣ, кажется, можно вывести заключеніе, что въ Японіи, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ: *жатава многа*. А дѣятелей съ нашей стороны вѣтъ ни одного, если не считать мою, совершенно частную дѣятель-

ность... Пусть бы я и продолжалъ свои занятія въ прежнемъ направленіи, но силы одного человѣка здѣсь почти то же, что капля въ морѣ. Одинъ переводъ Нового Завѣта, если дѣлать его отчетливо (а можно ли дѣлать иначе?) займетъ еще, по крайней мѣрѣ, два года исключительнаго труда. Затѣмъ необходимъ переводъ и Ветхаго Завѣта; кромѣ того, если имѣть хоть самую малую христіанскую Церковь, рѣшительно необходимо совершать службу на японскомъ языкѣ; а прочія книги, какъ Священная исторія, Церковная исторія, Литургика, Богословіе? Все это тоже предметы насущной потребности. И все это и другое подобное нужно переводить на «японскій», о которомъ еще неизвѣстно, дастся ли онъ когда иностранцу такъ, чтобы на немъ можно было писать хотя на половину такъ легко и скоро, какъ иностранецъ обыкновенно пишетъ на своемъ» (Хр. Чт. 1869, I, стр. 255).

Въ особенности широко былъ въ состояніи развитъ переводческую дѣятельность архіепископъ Николай послѣ переезда въ Токио. Здѣсь съ открытіемъ православнаго богослуженія ему потребовались уже японскія богослужебныя книги въ полномъ ихъ объемѣ, потребовались образцы проповѣдей, нужно было сформировать хоръ, словомъ открылась широкая работа. Началъ свои переводы богослужебныхъ книгъ архіепископъ Николай съ круга воскреснаго богослуженія, затѣмъ перешелъ къ цвѣтной тріоди, далѣе перевелъ тріодъ постную и потомъ постепенно заполнялъ весь кругъ богослуженій. Одновременно съ этимъ шелъ переводъ Евангелія, которое было архіепископомъ переиздано нѣсколько разъ. Изъ Ветхаго Завѣта имъ переведены всѣ части, которыя необходимы для годового круга богослуженій и завѣтною мечтою его было восполнить недостающее и издать всю Библию. Въ 1910 году онъ говорилъ мнѣ, что для завершения этого труда, по его расчетамъ, ему нужно еще пять лѣтъ, а потому мнѣ совершенно неизвѣстно, въ

какомъ положеніи находится эта работа въ данный моментъ.

Переводческая работа архіепископа Николая представляетъ собою, внѣ всякаго сомнѣнія, величайшій ученый трудъ, который доселѣ русскимъ обществомъ не оцѣненъ, и пройдетъ несомнѣнно еще очень много лѣтъ, раньше нежели развѣсившееся среди лицъ богословскаго образованія знаніе японскаго языка и письменности дастъ возможность русскимъ японологамъ уяснить себѣ научную стоимость этихъ переводовъ. Теперь мы можемъ только констатировать нѣкоторыя черты системы работы архіепископа Николая:

1) Работа эта велась имъ чрезвычайно осторожно. У архіепископа подъ руками, кромѣ славянскаго текста, былъ всегда еще и греческій, равно какъ и толкованія богослужебныхъ текстовъ, составленныя православными учеными. Далѣе, Накаи-санъ, его помощникъ былъ выбранъ имъ изъ среды православныхъ ученыхъ японцевъ за его глубокое знаніе іероглифической письменности, громадную трудоспособность и преданность православной вѣрѣ. При переводахъ на японскій языкъ, главѣйшую опасность для православія представляетъ собою употребленіе тѣхъ китайскихъ іероглифовъ, которые имѣютъ въ буддійскомъ и синтоистскомъ церковномъ канонѣ особый смыслъ, расходящійся съ православіемъ. Въ этомъ отношеніи всѣ термины, касающіеся, на примѣръ, буддійскаго абсолютнаго существа, какъ безличнаго, — нирваны, поглощающей въ себѣ все существующее; детерминистическаго опредѣленія человѣческой воли, и т. п. понятій, составляли особую трудность, какъ совершенно расходящіяся съ православнымъ представленіемъ о личномъ Богѣ, раѣ, свободной волѣ человѣка. Иногда установленіе одного іероглифа требовало долгихъ часовъ совѣщанія архіепископа съ Накаи-санъ, а бывали и такіе случаи, что о переводѣ одной фразы разсылались по всей Церкви архипастырскія посланія, съ просьбою къ вѣрующимъ высказаться

о соотвѣтствующей православію редакціи текста.

2) Архіепископъ Николай въ своихъ переводахъ является совершенно оригинальнымъ работникомъ. Онъ относился къ этому вопросу чрезвычайно педантично, и говорилъ такъ: «Я по принципу никогда не читаю ни католическихъ, ни протестантскихъ переводовъ Библии, изъ опасенія подчиниться имъ и хотя бы невольно что-либо изъ нихъ заимствовать. Лучше самому, исходя изъ личнаго пониманія православія, преодолѣвать трудности японской письменности и искать въ нихъ соотвѣтствія съ нашими текстами, чѣмъ подчиняться инославнымъ переводамъ, и брать изъ нихъ готовые термины».

Вслѣдствіе такого отношенія архіепископа къ дѣлу переводовъ, имъ выработаны на японскомъ языкѣ совершенно особый православно богословскій словарь, что представляетъ собою гигантскую, имѣющую большое научное значеніе, лексикологическую работу. Термины архіепископа Николая являются точнымъ переводомъ славянскихъ и греческихъ православныхъ словъ. И поэтому японскій языкъ архіепископскихъ переводовъ представляетъ собою полную новизну и въ самой японской литературѣ.

Критики и научныхъ разборовъ переводовъ архіепископа Николая доселѣ не появлялось. Японцы, съ которыми мнѣ приходилось говорить о его переводахъ, равно какъ и инославные миссіонеры отмѣчаютъ въ нихъ двѣ черты: 1) близость къ подлиннику; 2) въ значительной мѣрѣ трудный для общей массы японцевъ подборъ іероглифовъ. Поэтому поводу я имѣлъ бесѣду съ архіепископомъ и онъ отвѣтилъ мнѣ такъ: «Я полагаю, что не переводъ Евангелія и богослуженія долженъ спускаться до уровня развитія народной массы, а, наоборотъ, вѣрующіе должны возвышаться до пониманія евангельскихъ и богослужебныхъ текстовъ. Языкъ вульгарный въ Евангеліи недопустимъ. Если мнѣ встрѣчаются два совершенно тождественныхъ іероглифа или

выраженія и оба они для японскаго уха и глаза одинаково благородны, то я, конечно, отдамъ предпочтеніе общераспространенному, но никогда не дѣлаю уступокъ невѣжеству и не допускаю ни малѣйшихъ компромиссовъ въ отношеніи точности переводовъ, хотя бы мнѣ приходилось употребить и очень малоизвѣстный въ Японіи китайскій іероглифъ. Я самъ чувствую, что иногда мой переводъ для пониманія требуетъ большого напряженія со стороны японцевъ. Но это въ значительной мѣрѣ объясняется новостью для нихъ самого православія. Вначалѣ такіе упреки были еще сильнѣе, чѣмъ теперь; по мѣрѣ же развитія работы нашего переводческаго отдѣла и созданія въ Японіи православно-богословской бібліотеки, японцы привыкаютъ сами къ христіанско-православному мышленію и, благодаря этому, имъ и переводы мои становятся легче».

Выясненію этого же вопроса служить одно хранящееся у меня письмо къ американскому миссіонеру Джеффрису, котораго протестантскій епископъ въ Кіото просилъ прислать партію книгъ, переведенныхъ архіепископомъ Николаемъ и среди нихъ переводъ Евангелія въ 50 экземплярахъ. «Чтобы ни говорили о переводахъ архіепископа Николая, пишетъ этотъ епископъ, но не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что его переводъ книги Дѣяній Апостольскихъ и Евангелія отъ Іоанна неизмѣримо выше всѣхъ существующихъ».

На ряду съ владыкою подъ его контролемъ и при его ближайшемъ участіи трудился надъ переводомъ русской богословской литературы и православно-христіанскій японскій миссіонскій переводческій отдѣлъ. Въ составъ его входили раньше главнымъ образомъ лица, получившія высшее богословское образованіе въ Россіи. Позднѣе же, когда создался соотвѣтствующій контингентъ японцевъ, знающихъ русскій языкъ и окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи, то наиболѣе способные изъ нихъ также зачислялись въ его со-

ставъ. Въ имѣющемся сейчасъ въ моемъ распоряженіи каталогъ японскихъ изданій до 1896 года записано 123 изданныя книги и брошюры, а затѣмъ на отдѣльныхъ листкахъ отмѣчены изданныя въ 1903 году 9, а въ 1904 году 20 книгъ и брошюръ. Владыка съ гордостью отмѣчалъ, что за послѣдніе годы все болѣе и болѣе часто появляются и оригинальныя японскія православно-богословскія сочиненія. Такъ, въ одномъ 1903 году ихъ было опубликовано 15.

Въ систематическомъ каталогѣ по 1896 годъ изданія переводческаго отдѣла распределены по слѣдующимъ классамъ: 1) Богослужбныя книги и молитвословы. 2) Священное Писаніе. 3) Священное преданіе и символическія книги. 4) Творенія святыхъ отцовъ и учителей Церкви. 5) Толкованіе на Священное Писаніе и ученіе о Священномъ Писаніи. 6) Догматика, догматическія монографіи и законоучительныя сочиненія. 7) Нравственное Богословіе и правоучительныя сочиненія. 8) Церковное законовѣдѣніе. 9) Литургика. 10) Священная Исторія. 11) Церковная Исторія. 12) Житія Святыхъ. 13) Проповѣдничество. 14) Обличительное Богословіе. 15) Новѣйшая христіанская апологетика. 16) Оригинальныя японскія сочиненія.

Въ моемъ распоряженіи въ данный моментъ, къ сожалѣнію, не имѣется полныхъ каталоговъ изданій переводческаго отдѣла миссіи послѣ 1896 года, но за послѣднія 15 лѣтъ отдѣлъ этотъ чрезвычайно развилъ свою дѣятельность, и потому нынѣ существующая православная бібліотека въ Японіи во много кратъ превосходитъ ту, которая существовала до 1896 года. Можно сказать безъ преувеличенія, что всѣ почти богословскія сочиненія, признаваемыя у насъ классическими, переведены на японскій языкъ. Изъ оригинальныхъ японскихъ сочиненій мы можемъ назвать изданныя въ 1903 году: 1) «Сборникъ религіозно-философскихъ статей», *Павла Ямада*. 2) «Религія и красота природы», *Василія Ямада*.

3) Двѣ брошюры *Акилы Казима*: «Ново-прославленный святой преподобный Серафимъ Саровскій», составленная для раздачи въ день прославленія, и «Преподобный отецъ нашъ Серафимъ Саровскій чудотворецъ». 4) «Краткое объясненіе всенощнаго бдѣнія и литургіи», *Свящ. Сергія Сузуки*. 5) «Краткое изложеніе православнаго вѣроученія», *свящ. Симеона Мін.* 6) «Невѣдомый Богъ», *Петра Исикава*. Въ 1904 году писатель *Исаія Мизусима* издалъ слѣдующія брошюры: а) «Альбомъ собора Воскресенія Христова въ Токио». б) «Иллюстрированное описаніе храма Благовѣщенія въ Киото», в) «О положеніи японской православной Церкви» (по поводу объявленія войны Японіи съ Россіей). г) «Война Японіи съ Россіей и японскіе православные христіане». (Отношеніе японской православной Церкви къ Россійскому Святейшему Синоду) и «Состояніе японской православной Церкви во время войны Японіи съ Россіей». д) «Четыре св. угодника XIX столѣтія». е) «Святая равноапостольная мученица Марія Магдалина». ж) «Богъ Творецъ». з) «Императорскій домъ и православная вѣра». и) «Начатки православнаго христіанскаго вѣроученія». Иллюстрированный учебникъ для воскресныхъ школъ, книга 4-я. *Петръ Исикава* издалъ двѣ работы: «Семейная жизнь и нравственность съ христіанской точки зрѣнія» (240 стр.) и «Отвѣтъ миссіонера римско-католической церкви Гиру о мнимыхъ заблужденіяхъ греческой православной Церкви» (280 страницъ).

Я не имѣю возможности перечислять здѣсь дальнѣйшія изданія, но уже и перечисленные въ достаточной мѣрѣ характеризуютъ то направленіе, въ которомъ, по указаніямъ арх. Николая, ведется работа японскимъ переводческимъ отдѣломъ.

2. Редакціи журналовъ.

За время существованія миссіи имѣла четыре періодическихъ органа:

- 1) Сэйкёо симпоо, т. е. Православный

Вѣстникъ. Это—официальный органъ миссіи, полумѣсячное изданіе, начатое 15 декабря 1880 года. Онъ продолжается и до сего времени подъ редакторствомъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ работниковъ православной миссіи Петра Исикава. Нумеръ обнимаетъ обыкновенно до 40 страницъ мелкаго шрифта и содержитъ въ себѣ обзоръ жизни всего христіанства, при чемъ явленія инославной христіанской жизни обязательно освѣщаются въ немъ съ православной точки зрѣнія. Для будущаго историка православной Церкви въ Японіи Сэйкёо симпоо явится однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ. Журналъ этотъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду христіанскихъ миссіонерскихъ изданій всей Японіи. Въ англійскомъ журналѣ «Japan Daily Mail» печатаются разъ въ мѣсяцъ библиографическіе обзоры религиозной прессы въ Японіи, и въ очень рѣдкомъ изъ такихъ обзоровъ мы не встрѣчаемъ самыхъ лестныхъ отзывовъ по поводу статей, помѣщаемыхъ въ Сэйкёо симпоо.

2) Уранисики («Парчевая изнанка», терминъ для обозначенія скромности). Это ежемѣсячное изданіе было начато 15 ноября 1902 года. Издавался оно при женской школѣ и содержало въ себѣ рядъ статей, полезныхъ для воспитанія въ православномъ духѣ японскихъ женщинъ. Въ 1909 году за недостаткомъ средствъ прекращено.

3) Существовалъ еще ежемѣсячный журналъ «Синъ-каи»—«Духовное Море», начатый 25 сентября 1893 года, но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, за недостаткомъ средствъ, также прекращенъ.

4) «Православная Бесѣда», («Сэйкео ёва»), ежемѣсячный журналъ, посвященный исключительно рѣчамъ, проповѣдямъ и религиозному выясненію истинъ въ цѣляхъ выработки у вѣрующихъ японцевъ христіанскаго мышленія. Это изданіе существуетъ по нынѣ.

3. Японская духовная семинарія.

Въ Японіи, какъ извѣстно, преподаваніе религіи исключено изъ программъ народ-

ныхъ школъ, въ силу чего всѣ религиозныя школы буддѣйскія, синтоистскія и миссіонерскія считаются школами частными. Такое же положеніе занимаетъ и православная духовная семинарія. Она не даетъ своимъ воспитанникамъ никакихъ служебныхъ или иныхъ правъ или преимуществъ, и потому необходимо считать, что поступающіе въ нее ученики преслѣдуютъ исключительно цѣли полученія христіанскаго православнаго образованія. Курсъ ея семилѣтній. Число учениковъ варьируется въ зависимости отъ тѣхъ средствъ, которыми располагаетъ семинарія на содержаніе интерната, гдѣ проживаютъ всѣ воспитанники. Въ лучшіе годы число ихъ доходило до ста, въ худшіе уменьшается на половину. Въ первые годы существованія семинаріи, преподавателями въ ней состояли самъ архіепископъ Николай и русскіе члены миссіи, напримѣръ о. Гавріилъ (Чаевъ, 1870—1873), о. Владиміръ (Соколовскій, 1879—1886), о. Геденъ (Покровскій, 1885—87), о. Сергій (Глѣбовъ, 1888—1904), о. Сергій (Старгородскій нынѣ архіепископъ Финляндскій, 1890—1894 и 1898). Позднѣе, когда возвратились въ Японию японцы, окончившіе курсъ въ русскихъ духовныхъ академіяхъ, они заняли мѣста преподавателей, и съ этого времени въ семинаріи преподаваніе пошло исключительно на японскомъ языкѣ. Въ настоящее время, когда переводческимъ отдѣломъ изданы почти всѣ необходимыя для семинаріи учебники, воспитанникамъ сравнительно рѣдко приходится обращаться къ русскимъ посібіямъ, что же касается до учителей, то русская богословская литература и до сего дня служить для нихъ необходимымъ источникомъ знаній при разъясненіи всѣхъ сложныхъ богословскихъ вопросовъ. Въ данное время изъ окончившихъ духовныя академіи преподавателями семинаріи состоятъ только трое: Сэнума Иванъ, Ивасава Арсеній и Саикаиси Маркъ. Остальными преподавателями являются уже лица, окончившія курсъ семинаріи и прошедшія подготов-

тельный къ преподаванію курсъ при самой семинаріи.

Вопросъ о подготовкѣ преподавателей семинаріи всегда чрезвычайно озабочивалъ покойнаго архіепископа, и ему доставляло постоянную скорбь сознание невозможности должнымъ образомъ оплачивать труды лицъ, окончившихъ курсъ духовныхъ академій. Въ самомъ дѣлѣ Сэнума за всѣ обязанности ректора семинаріи и преподавателя двухъ предметовъ получалъ 60 руб. въ мѣсяцъ и казенную квартиру въ четыре маленькихъ комнаты. Ивасава и Сайкаиси за преподаваніе богословскихъ предметовъ, для которыхъ они должны пользоваться русскими источниками и зачастую составлять лекціи, получаютъ по 30 руб. въ мѣсяцъ. Естественно при такомъ положеніи вещей, что удержать лицъ, хорошо овладѣвшихъ русскимъ языкомъ, на службѣ миссіи за такое ничтожное вознагражденіе представлялось чрезвычайно затруднительнымъ. Японское правительство предлагало имъ при надобности другія мѣста, и они уходили изъ семинаріи. Всего изъ японской православной миссіи получило высшее богословское образованіе въ Россіи 12 человекъ. Изъ нихъ только три названныхъ преподавателя семинаріи и о. Симеонъ Миіи остались на службѣ воспитавшаго ихъ учрежденія. Остальные же ушли изъ миссіи на другую службу: Исигами Петръ—переводчикомъ въ дипломатическую миссію; Кониси Даниль—въ частную коммерческую фирму; Хигуци Емельянъ—учителемъ въ военное училище и затѣмъ переводчикомъ въ военное министерство; Сёози Сергѣй—агентомъ Южно-Маньчжурской ж. д., Кавасаки (Минамото) Андрей—въ Нагасаки—переводчикомъ; нѣсколько человекъ изъ кандидатовъ духовной академіи умерло.

Это бѣгство кандидатовъ духовныхъ академій изъ миссіи дѣйствовало на покойнаго владыку удручающе. Архіепископъ Николай, хотя и сознавалъ, что при возрастающей дороговизнѣ жизни въ Японіи много-

семейнымъ преподавателямъ невозможно жить на тѣ средства, которыя уплачивала имъ миссія, но относился ко всякому оставленію прежнимъ питомцемъ миссіи съ глубокою скорбью. Это бѣгство лицъ высшаго образованія побудило его въ послѣдніе годы даже воздерживаться отъ командированія учениковъ семинаріи въ православныя духовныя академіи, къ чему онъ самъ относился съ большимъ сожалѣніемъ. Нужно надѣяться, что миссія отыщетъ средства и возобновитъ командированіе семинаристовъ въ духовныя академіи, что для роста православія въ Японіи безусловно необходимо.

Архіепископъ Николай до самыхъ послѣднихъ дней жизни относился самымъ бдительнымъ образомъ къ ходу дѣлъ семинаріи, ректоръ которой почти ежедневно являлся къ нему съ докладомъ. Онъ совѣщался съ преподавательскимъ персоналомъ о всѣхъ необходимыхъ для семинаріи ученыхъ трудахъ, входилъ подробно во всѣ нужды школы и зналъ каждаго изъ учениковъ въ лицо и поименно.

Ближайшимъ образомъ дѣлами семинаріи вѣдаетъ совѣтъ преподавателей, который представлялъ всѣ свои соображенія и нужды на разсмотрѣніе и утвержденіе архіепископа. Образованіе въ семинаріи дается очень основательное. Съ окончившими курсъ семинаристами можно разсуждать обо всѣхъ богословскихъ вопросахъ и получать отъ нихъ вполне сознательные и свидѣтельствующіе о хорошей подготовкѣ отвѣты. Ученики упражняются въ произношеніи проповѣдей и, по свидѣтельству архіепископа, развитію ихъ чрезвычайно много способствуютъ такъ называемые «энзэцу-каи», т. е. собранія для произнесенія рѣчей и веденія дебатовъ. Эти собранія происходятъ во всѣхъ японскихъ школахъ постоянно, но кругъ обсуждаемыхъ вопросовъ строго ограничивается изучаемыми учениками предметами.

По окончаніи семинаріи воспитанники назначаются по большей части на долж-

ности катехизаторовъ, лучшіе же изъ нихъ оставляются при семинаріи для подготовки къ дѣятельности преподавателей.

4. Женская школа.

Женская миссійская школа построена по образцу, до извѣстной степени, русскихъ епархіальныхъ училищъ, хотя въ значительной мѣрѣ приспособлена къ японскому быту женщины, для каковой цѣли воспитанницамъ даются гораздо больше практическихъ знаній по домоводству и хозяйству. Ученицъ въ ней около 80. Онѣ въ большинствѣ случаевъ—дочери православныхъ христіанъ, выходящія потомъ замужъ за православныхъ же. Преподавателями въ женской школѣ состоятъ въ старшихъ классахъ учителя семинаріи, въ младшихъ же классахъ и спеціальные предметы преподаютъ учительницы.

Миссія содержитъ еще одну православную женскую школу въ Кіото, гдѣ при трехъ учителяхъ имѣется около 20 ученицъ.

Архіепископъ Николай придавалъ огромное значеніе существованію женскихъ школъ, такъ какъ православныя японки отличаются большой религіозностью, и благодаря имъ церковь получаетъ распространеніе въ странѣ. Нерѣдко бываетъ, что православная дѣвушка выходитъ замужъ за язычника-японца и въ такомъ случаѣ въ концѣ концовъ обыкновенно вся семья становится православною.

5. Катехизаторская школа.

Катехизаторская школа вызвана была къ жизни необходимостью образованія контингента проповѣдниковъ и катехизаторовъ для дѣятельности въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ, куда японское православное духовенство не могло постоянно проникать. Японскіе приходы раскинуты на большомъ пространствѣ, православныхъ храмовъ въ Японіи сравнительно мало, и потому громадное большинство общинъ довольствуется молитвенными домами, находящимися въ завѣдываніи катехизаторовъ. Въ катехизатор-

скую школу поступали обыкновенно на два или три года уже взрослые православные японцы, обнаруживавшіе стремленіе къ занятію богословскими предметами и проповѣдничеству. Здѣсь они проходили подъ руководствомъ тѣхъ же учителей семинаріи по спеціальной для нихъ программѣ выработанный курсъ наукъ и затѣмъ назначались на мѣста. Нѣкоторые изъ нихъ путемъ саморазвитія приобрѣтали очень основательныя богословскія познанія и отдавались всею душой дѣлу проповѣди. Такимъ образомъ, институтъ катехизаторовъ, получившихъ образованіе въ катехизаторскихъ школахъ, былъ очень полезенъ и послужилъ японской Церкви хорошую службу.

За послѣднее десятилѣтіе, однако, условія существованія японской православной Церкви, по отзывамъ самихъ христіанъ, сильно измѣнились. Прежде всего поднялъ голову буддизмъ во главѣ со своею сектою Хонганзи. Буддійскія духовныя академіи начали выпускать серьезно образованныхъ проповѣдниковъ и бонзъ, которые фанатически борются съ христіанствомъ всюду, гдѣ они только замѣчаютъ въ населеніи склонность къ отпаденію отъ буддизма. Отъ катехизаторовъ православія требуется поэтому теперь гораздо большая научная подготовка для борьбы съ буддизмомъ. Усиливается равнымъ образомъ и дѣятельность миссіонеровъ протестантскихъ и католическихъ, которые также не прочь иногда вступать въ публичныя собесѣдованія и состязанія съ православными катехизаторами. Все это привело православную Церковь съ архіепископомъ во главѣ къ убѣжденію въ недостаточности богословской подготовки, сообщаемой катехизаторской школой, и въ 1909 г. новый пріемъ въ нее былъ закрытъ. Средства же, отпущавшіяся на катехизаторскую школу, обращены на развитіе работы въ духовной семинаріи, окончившихъ курсъ которой и постановлено назначать отсельъ впредь на катехизаторскія должности.

6. Дѣтскій сиротскій пріютъ и 7. Иконо-

писный отдѣлъ представляютъ собою учрежденія недавно лишь основанныя при миссіи и только еще развивающіяся.

8. Церковный хоръ.

Нисколько не меньшей доли вниманія и трудовъ со стороны архіепископа Николая и его сотрудниковъ требовали работы по созданію церковнаго хора и по урегулированію дѣла церковнаго пѣнія въ православной миссіи. Съ самаго начала основанія миссіи архіепископъ Николай придавалъ огромное значеніе перенесенію на японскую почву и русской православной музыки. Въ этомъ отношеніи сотрудниками его явились два лица: 1) покойный нынѣ Я. Д. Тихай и 2) доселѣ здравствующій дьяконъ Димитрій Константиновичъ Львовскій.

Тихай, получившій музыкальное образованіе въ регентскихъ классахъ при капеллѣ, пріѣхалъ въ Токио въ 1874 году въ качествѣ учителя пѣнія, въ 1876 году онъ женился на японкѣ, а въ 1883 году поступилъ вторымъ драгоманомъ въ дипломатическую миссію, совмѣщая вмѣстѣ должность псаломщика посольской церкви. На него именно, подъ руководствомъ архіепископа, выпала первая организационная работа по устройству миссійскаго хора, и имъ былъ переложень съ китайскаго обиходъ одногласнаго пѣнія всенощнаго бдѣнія, литургіи и священныхъ требъ. Тихай оставался въ миссіи до 1885 года.

Д. К. Львовскій прибылъ въ миссію въ качествѣ учителя пѣнія въ 1881 году и немедленно же занялся вмѣстѣ съ Тихаемъ аранжировкою церковныхъ пѣсень. Такъ ими былъ изданъ обиходъ одногласнаго пѣнія праздничной и пасхальной службъ, и послѣ большихъ усилій они, наконецъ, организовали четырехголосный хоръ и издали четырехголосное изложеніе всенощнаго бдѣнія, а затѣмъ четырехголосное же пѣніе литургіи и священныхъ требъ. По отъѣздѣ Тихая изъ Японіи вся работа заведенія церковнымъ хоромъ лежитъ до

сего времени на дьяконѣ Львовскомъ. Путемъ долгихъ усилій Львовскимъ былъ приготовленъ и отправленъ архіепископомъ Николаемъ въ С.-Петербургъ японецъ Кису для изученія музыки въ здѣшней консерваторіи. Онъ является нынѣ помощникомъ Львовскаго. Былъ и еще одинъ молодой человекъ, обучившійся пѣнію настолько, что могъ дирижировать хоромъ, но въ 1909 г. онъ похищенъ смертью.

Дѣло организаціи хора и переложеніе на нашу музыку церковныхъ текстовъ въ японскомъ изложеніи представляетъ собою огромныя трудности, такъ какъ, во-первыхъ, японскіе тексты гораздо длиннѣе славянскихъ, во-вторыхъ, вся конструкція японскаго языка диаметрально противоположна нашей. Если обязанность справляться съ длиннотою текстовъ легла исключительно на Тихая и Львовскаго, то осмысливаніе пѣсь въ первое время, по недостаточному знанію ими японскаго языка, составило работу преимущественно архіепископа. Чрезвычайную трудность для пѣнія представляетъ собою, напримѣръ, японскій носовой звукъ «н», являющійся сокращеніемъ изъ слога «ну» или «му» и потому, по требованію японской просодіи, составляющій собою отдѣльный слогъ. Само собою понятно, какую страшную трудность для пѣнія представляетъ собою этотъ, къ несчастію очень употребительный въ языкѣ слогъ, когда на него падаетъ въ мелодіи полтактъ или тактъ. Японцы признаютъ совершенно недопустимымъ игнорированіе этого слога, между тѣмъ тянуть пѣльи тактъ хору одну согласную «н» для нашей музыки равнымъ образомъ невозможно. Съ такими и подобными трудностями приходилось бороться архіепископу и его сотрудникамъ въ дѣлѣ организаціи церковнаго пѣнія, но какъ бы то ни было, а эти трудности были превзойдены, и хоръ православной духовной миссіи въ Токио, въ составѣ болѣе ста душъ изъ мужскихъ и женскихъ голосовъ, является украшеніемъ японской столицы и конкурируетъ

даже съ хоромъ высшей музыкальной школы въ Токио.

9. Библіотека.

Библіотека православной японской мисіи представляетъ собою по истинѣ удивительное учрежденіе. Какимъ образомъ арх. Николай успѣлъ собрать такую чудную коллекцію книгъ, извѣстно одному Господу Богу! Библіотека эта помѣщается въ специальномъ зданіи, построенномъ со всеми противопожарными приспособленіями, какія только были возможны. Однихъ европейскихъ книгъ въ ней насчитывается свыше 12.000 названій, изъ коихъ большинство книгъ на русскомъ языкѣ, но много также книгъ английскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ. Независимо отъ этого существуютъ также особая коллекція книгъ: японская и китайская.

Миссійская библіотека является удивительнѣйшимъ доказательствомъ аккуратнаго и любовнаго отношенія почившаго архіепископа къ миссійскому дѣлу и миссійской собственности. Каждая получавшаяся книга не только заносилась имъ *собственноручно* въ каталогъ, но послѣ переплета онъ даже самъ наклеивалъ ярлыки и ставилъ книги на полки. Библіотека и до сихъ поръ, въ глазахъ православныхъ японцевъ, составляетъ какъ бы святилище, куда доступъ разрѣшается только лицамъ, преданнымъ научнымъ занятіямъ и стяжавшимъ себѣ полное довѣріе архіепископа. До самыхъ послѣднихъ лѣтъ архіепископъ собственноручно въ назначенные часы выдавалъ книги изъ этой библіотеки, собственноручно записывалъ ихъ въ отпускной журналъ и собственноручно дѣлалъ отмѣтки о возвращеніи. Ясно, что при такомъ порядкѣ библіотека оставалась и остается въ идеальномъ порядкѣ и сохранности. Только въ самое послѣднее время выдача и полученіе книгъ довѣрялась владыкою ректору семинаріи Сэнума.

Димитрій Позднѣевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Церковнослужительницы въ православной Церкви ¹⁾.

Гдѣ и когда существовали діакоиссы. Діакоиссы въ Сиріи, Палестинѣ, Месопотаміи, Арменіи, Грузіи, на о. Кипрѣ, въ Сициліи и въ патриархатахъ Константинопольскомъ и Александрійскомъ и въ Галліи. Діакоиссы въ еретическихъ обществахъ—у манихеевъ, павлианитовъ, македоніанъ, павликианъ, несторіанъ, монофизитовъ и монофелитовъ.

Со внутренней исторіей чина діакоиссъ мы покончили. Остается рассмотреть его внѣшнюю исторію, его границы въ категоріяхъ пространства и времени.

Гдѣ же и когда существовалъ этотъ чинъ?

Предшественницы діакоиссъ—церковнослужительницы вдовы появились, можно сказать, въ первые же дни исторіи церкви и распространились вездѣ, гдѣ распространилось и христіанство. Онѣ существуютъ на всемъ Востокѣ (Оригенъ), въ Африкѣ (Тертуліанъ), въ Римѣ (Ерма, каноны Ипполита), въ Сардиніи ²⁾, въ Галліи (Иринеи Лионскій), въ Малой Азіи (Игнатій Богоносецъ, Поликарпъ Смирнскій), и т. д. Діакоиссы появились позднѣе и границы распространенія ихъ были гораздо уже.

Если подъ *ministrae* Плинія разумѣть діакоиссъ, то временемъ возникновенія чина нужно считать начало II-го вѣка, а мѣстомъ—Визавію. Но если и такъ, то во всякомъ случаѣ до половины III вѣка сфера распространенія его была чрезвычайно узка и какихъ-либо другихъ слѣдовъ ея существованія нѣтъ совершенно. Начиная съ Дидакалии мы имѣемъ уже не гипотетическій лишь, а несомнѣнный фактъ существованія діакоиссъ. По Дидакалии выдѣленные изъ вдовъ діакоиссы существу-

¹⁾ Продолженіе. См. № 13 «Перк. Вѣдом.»

²⁾ См. любопытное упоминаніе Григорія Великаго объ аббатисѣ одного монастыря, не желавшей одѣваться монашескую одежду и продолжавшую пользоваться одеждами «*quibus loci illius utantur presbiterae*, т. е., очевидно, старшія вдовы (Er. lib. IX, ep. 7).

церковной власти, церковнаго правитель-ства.

Естественно и всему русскому народу оказывать сочувствіе, вниманіе, поддержку переселенцамъ: вѣдь переселенцы—это наши родные братья, крестьяне, близкіе и свои для народа, идутъ они въ далекій край, оставляя родину, изъ-за тѣсноты земельной внутри Россіи, изъ-за нужды и бѣдности; къ тому же, вмѣстѣ съ тѣмъ, они совершаютъ такое большое и важное государственное дѣло, что мы теперь и понять и оцѣнить его всецѣло еще не въ состояніи; его поймутъ и оцѣнятъ только въ будущемъ. Они заселяютъ пустынные окраины, они укрѣпляютъ границы государства, они самими дѣломъ приобщаютъ къ Россіи тотъ край, который, будучи безлюднымъ, доселѣ принадлежалъ Россіи какъ бы только по имени.

Все сказанное понятно само собою, съ точки зрѣнія земной, государственной. Но если бы всѣ имѣли только одну такую земную точку зрѣнія, то это было бы очень печально и прямо гибельно для нашего народа. Ибо и звѣрь имѣетъ нужду въ пищѣ и питьѣ, а человекъ вѣдь имѣетъ другую, высшую нужду, которая дѣлаетъ его безмѣрно выше скотовъ несмысленныхъ: онъ имѣетъ нужду въ духовномъ питаніи, въ общеніи съ Богомъ, въ покаяніи, въ Церкви Христовой, въ спасеніи душевномъ. Если этого нѣтъ, то народъ становится звѣремъ; если этого нѣтъ, то народъ обреченъ на смерть: рано или поздно среди него водарятся звѣринныя нравы, скотскія потребности, и народъ самъ себя погубить.

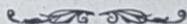
Народъ тогда великъ и долговѣченъ, когда онъ живетъ духовною жизнью, когда онъ является народомъ церковнымъ, то есть когда онъ входитъ въ Церковь Христову. И вотъ, нынѣ мы радуемся, что и Царь, и правительство, и самъ русскій народъ сегодняшнимъ сборомъ пожертвованій на храмы для переселенцевъ подтверждаютъ, что эта истина не забыта, что всѣ понимаютъ и дѣлать духовную

сторону жизни народа, что Богъ нами не забыть, что Церковь Христова намъ вѣмъ по-прежнему дорога.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, слышимъ мы церковную торжественную пѣснь, говорящую о томъ, что Духъ Святой сохраняетъ Церковь, освящаетъ священниковъ—и *весь совершаетъ народъ церковный*... Отъ Него, отъ Духа Святаго, мы ожидаемъ и молимъ и просимъ одухотворенія и жизни нашему русскому православному народу.

Во имя Духа Святаго, просимъ васъ, братіе, просимъ васъ, вѣрующіе русскіе люди, просимъ васъ, сыны святой Матери-Церкви,—помогите нашимъ роднымъ братьямъ-переселенцамъ остаться народомъ церковнымъ, народомъ одухотвореннымъ, жизнеспособнымъ, помогате вашей жертвою на построеніе храмовъ для переселенцевъ Сибири и Дальняго Востока! Духъ Святой да согрѣетъ наши сердца вѣрою и любовью! Аминь.

Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

Архіепископъ Николай Японскій ¹⁾.

Воспоминаніа и характеристика.

Всякому понятно, какой огромной затраты силъ и энергій со стороны архіепископа потребовало проведеніе въ жизнь вышеизложенной организаціи православной духовной миссіи. Ему недостаточно было только дать другимъ идею каждаго изъ вышеназванныхъ учрежденій миссіи, но требовалось прежде всего самому лично стать и исполнителемъ этой идеи, продѣлать почти единолично всю черную учредительскую работу, подготовить людей, которые могли бы продолжать начатое имъ дѣло, отыскать для учрежденія помѣщеніе и средства, выработать его бюджетъ, и постоянно соразмѣрять этотъ бюджетъ со

¹⁾ Продолженіе. См. № 14 «Церк. Вѣд.» с. г.

средствами миссіи, всячески воздерживаясь отъ неосторожнаго расширенія дѣла, на веденіе котораго не хватало бы средствъ. Такъ, онъ самъ былъ первымъ переводчикомъ, онъ былъ первымъ ректоромъ, преподавателемъ и экономомъ семинаріи, велъ катихизаторскіе курсы, организовалъ женскую школу и дѣтскій пріютъ и внушилъ способнымъ къ живописи японцамъ идею воспользоваться имѣющимися въ соборѣ образцами русской православной живописи и начать подражать имъ. Но эта вся работа была для архіепископа только радостью и утѣшеніемъ, хотя протекала она далеко не въ легкихъ условіяхъ.

Окидывая общимъ взглядомъ всю жизнь почившаго арх. Николая мы должны по чистой совѣсти сказать, что до послѣднихъ лѣтъ, она далеко не была усыпана розами, и въ этомъ отношеніи терновый вѣнецъ на него налагался одинаково и японскимъ и русскимъ обществомъ.

Въ Японіи, какъ уже извѣстно, архіепископу приходилось всю жизнь до самыхъ послѣднихъ дней бороться съ ненавистью. На него, какъ на крупную фигуру, обрушилась вся злоба, душившая японское общество по отношенію къ Россіи до послѣдней войны. Начиная съ жреца Саваба, желавшаго убить архіепископа, проявленіе ненависти со стороны японцевъ преслѣдовало владыку постоянно. Безъ преувеличенія миллионы газетныхъ статей за эти 50 лѣтъ объявляли его «ротаномъ», т. е. русскимъ шпиономъ. Православные христіане назывались въ Японіи: «Никораи но яцу», т. е. Николаевскіе негодяи или «Суругадаи но яцу», т. е. Суругадайскіе негодяи. Всякій шагъ архіепископа на почвѣ распространенія православія и апостольскаго служенія толковался печатью какъ зловредный для Японіи, всякое открытіе молитвеннаго дома или церковной общины трактовалось какъ расширеніе сѣти русскихъ шпионовъ, опасное для государственной независимости Японіи. Когда же архіепископъ вздумалъ соорудить Суругадай-

скій храмъ, то злоба японцевъ совершено не имѣла границъ. Строились самые фантастическіе планы для того, чтобы помешать постройкѣ церкви, причемъ все дѣлалось на почвѣ патриотизма. Въ расположеніи православнаго храма на высшемъ холмѣ Суругадаи усматривали опасность для императорскаго дворца и чуть ли не оскорбленіе величества. Если біографъ покойнаго архіепископа вздумаетъ когда-нибудь собрать всѣ тѣ клеветы, которыя распространяла про покойнаго японская печать, то его изданіе займетъ десятки, если сотни томовъ.

Только послѣ японо-русской войны отпавши подъ впечатленіемъ удовлетворенія національной гордости, отчасти на удивившись, какъ далека была вся деятельность покойнаго владыки отъ политическихъ интригъ, японское общество начинаетъ смотрѣть на него разумнѣе и сознательно признаетъ свою несправедливость. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характернымъ является отзывъ одной изъ самыхъ шовинистскихъ и русофобскихъ газетъ «Ниппона», напечатанный объ арх. Николаѣ въ 1909 г. «Если бы архіеп. Николай былъ рожденъ въ другой странѣ и принадлежалъ къ другой церкви, писала эта газета, онъ былъ высоко уважаемъ нашимъ народомъ, какъ талантливый иностранецъ, имѣющій самыя разнообразныя и тѣсныя отношенія къ японцамъ, оказавшій странѣ большія услуги и любящій послѣднюю, какъ свою родную. Но какъ русскій по происхожденію и епископъ греческой Церкви Николай пользуется, въ лучшемъ случаѣ, индифферентнымъ отношеніемъ со стороны японцевъ». И этотъ отзывъ нельзя не считать въ высокой мѣрѣ справедливымъ.

Каково же было отношеніе къ архіепископу Николаю со стороны русскихъ?

Намъ всѣмъ прекрасно извѣстно отношеніе русскаго общества къ Японіи во время японо-китайской войны. «У всякаго, писалъ въ одной изъ своихъ статей архіепископъ, при упоминаніи объ японцахъ

суется въ воображеніи только какая-то фигура въ халатѣ, смѣшно присѣдающая и хихикающая». Въ этотъ періодъ отношенія русскихъ къ архіеп. Николаю съ его занятіями японскимъ языкомъ и китайскою письменностью было въ лучшемъ смыслѣ снисходительно-насмѣшливое и покровительственное, какъ къ умственной ограниченности, въ худшемъ же совершенно презрительное. Намъ, занимающимся языками Дальнаго Востока, отлично еще памятны тѣ времена, когда открыто высказывались взгляды, что «заниматься іероглифическою письменностью и языками могутъ только идіоты», а объ японской прессѣ и вѣче не говорили, какъ только снисходительно искажая слова: «Ну что, какъ у васъ тамъ ваши Ничи-Ничи» или «Жи-жи» или «Хони симбуны?»

Какъ на наглядный примѣръ того, насколько мало въ Россіи считались со взглядами архіепископа Николая на Японію и его значеніе для Россіи, насколько мало цѣнили его занятія японскимъ языкомъ и придавали имъ какую-либо реальную стоимость, достаточно указать на фактъ полнаго небреженія его докладами и литературными трудами, имѣющими всецѣло общечеловѣческое значеніе. Въ 1869 году, на примѣръ, когда архіепископъ Николай ходатайствовалъ въ С.-Петербургѣ объ основаніи православной японской миссіи, имъ подава была директору тогдашняго Азіатскаго Департамента Министерства Иностраннхъ Дѣлъ Стремоухову записка, въ которой излагался обзоръ исторіи, религіи, государственнаго строя и условій жизни Японіи и доказывалась идея о большой государственной будущности этой страны, вполне оправданная послѣдующими событіями. Въ этой запискѣ не имѣлось никакихъ ни секретовъ, ни политическихъ соображеній. И что же? Она пролежала въ архивахъ Министерства Иностраннхъ Дѣлъ цѣлыхъ 39 лѣтъ, пока, наконецъ, какими-то судьбами оказалась извлеченною изъ пыли и напечатанною на страницахъ

апрѣльской книжки Русскаго Архива за 1907 г., подъ заглавіемъ «Японія». Докладная записка іеромонаха Николаа П. Н. Стремоухову, 1869 г. «Можно ли считать большаго игнорированія челоѣка, большаго пренебреженія къ его трудамъ надъ изученіемъ никому невѣдомой тогда Японіи?»

Если такъ относились къ дѣятельности архіепископа Николая сферы, ближайшимъ образомъ, казалось бы, заинтересованнымъ въ его работѣ, то о кругахъ, вообще скептически мыслящихъ о пользѣ миссіонерства, и говорить было нечего: имъ покойный владыка былъ прямо бѣльмомъ на глазу.

Такимъ образомъ дѣлавшаго свое прямое, святое культурное дѣло и ни въ чемъ кромѣ этого неповиннаго архіепископа Николая трвили съ двухъ сторонъ: японцы,—какъ русскаго политическаго агента, шпіона, агитатора, сѣющаго на японской почвѣ измѣну и симпатіи къ вѣроломной, хищнической Россіи; русскіе,—какъ дѣятеля, сообщающаго Японіи о Россіи то, чего ей не нужно знать, подготовляющаго изъ японцевъ знатоковъ русскаго языка и расточающаго русскія деньги для того, чтобы готовить враговъ Россіи. Дѣятельность архіепископа объявлялась такимъ образомъ не только бесполезною, но и вредною, а на него самого многіе въ Россіи смотрѣли просто какъ на охваченнаго странною маніей оригинала. Нечего и говорить, что работать подъ этими условіями въ теченіе 50 слишкомъ лѣтъ можно, только обладавъ нечеловѣческой силой воли.

Архіепископа Николая спасли для дѣла двѣ, руководившія имъ во всю жизнь, идеи: первая—идея апостольскаго служенія, подвига распространенія православія среди язычниковъ; вторая—горячее убѣжденіе, добытое путемъ изученія исторіи Японіи и проверенное опытомъ, въ томъ, что его работа должна стоять внѣ всякой связи съ политикой, что она носитъ чисто религіозный характеръ и не допускаетъ никакихъ дѣловыхъ сношеній съ Россіей, кромѣ какъ на почвѣ чистой религіи.

Кромѣ этихъ общихъ, крайне тяжелыхъ условіи повседневной жизни, архіепископу выпадали отъ времени до времени тяжелыя испытанія и церковнаго настроенія, съ которыми приходилось ему бороться не одною только ласкою, примѣромъ личнаго подвига и настойчивостью, но и примѣненіемъ архіпапстырскаго права власти на благо и для спасенія дѣла японской православной Церкви.

Намъ очень мало извѣстно доселѣ о внутренней жизни Церкви въ Японіи. Но нельзя сказать, чтобы она всегда шла совершенно гладко и спокойно, и чтобы архіепископу Николаю не приходилось переживать тяжелыхъ минутъ.

Въ этомъ отношеніи много скорби доставляло ему неумѣренное стремленіе молодыхъ членовъ японской Церкви къ ея самостоятельности и независимости отъ Церкви русской, такъ называемый вопросъ о «докурицу» (т. е. самостоятельности). Исходною точкою сторонниковъ этой идеи было признаніе справедливости тѣхъ упрековъ, которыхъ дѣлались православной японской Церкви со стороны японскихъ патриотовъ, обвинявшихъ православныхъ японцевъ въ измѣнѣ отечеству и въ томъ, что они существуютъ на получаемыя средства отъ Россіи, которая стремится якобы черезъ православіе распространить свое политическое вліяніе на Японію и присоединить ее къ своимъ владѣніямъ. Во время поѣздки архіепископа въ Россію въ 1879—1880 г.г. эти реформаторы организовали специальное общество, называвшееся «Юсигикаи», т. е. «Общество, стремящееся къ справедливости», и выработали проектъ полного преобразованія церковнаго управленія и особенно завѣдыванія ея деньгами. Подъ этимъ проектомъ подписался между прочимъ ближайшій сотрудникъ архіепископа Николая о. Павелъ Саваба и затѣмъ катехизаторы Цуда, Ясуги, Канамори, Саваидэ и др. Всѣхъ этихъ реформаторовъ, очень хорошихъ христіанъ, мнѣ описывали какъ идеалистовъ, не имѣвшихъ никакого понятія ни въ управленіи

Церковью, ни вообще въ практической жизни. Ихъ чрезвычайно смущала форма полученія Церковью денегъ изъ Россіи, про которое тогдашніе руссофобы чрезвычайно любили говорить японской посольства: «абу во пуцуите, хэби во дасу», т. е. «потряса кусть и вытрясешь змѣю (вытряся тебя ужалить)».

Пресвященный Николай отлично сознавалъ всю незрѣлость и необдуманность подобныхъ стремленій. Онъ очень хорошо зналъ, что православная Церковь въ Японіи, не успѣвшая еще окрѣпнуть, не имѣющая ни монашества, ни достаточнаго числа лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ, ни матеріальныхъ средствъ для содержанія церкви, миссіи съ ея учрежденіями и школами и духовенства, не имѣла пока существовать самостоятельно, поэтому, по возвращеніи изъ Россіи, онъ принялъ въ отношеніи къ обществу «Юсигикаи» мѣры большой строгости. О. Павелъ Саваба былъ переведенъ изъ Токио въ провинцію, нѣкоторые катехизаторы уволены со службы, а другіе удалены изъ глухіе приходы.

Идея о самостоятельности японской Церкви никогда не прекращала своего существованія въ ней, и архіепископъ являлся самымъ первымъ и горячимъ ея сторонникомъ. Но онъ строго, даже безпоощадно относился ко всѣмъ тѣмъ японцамъ, которые подъ прикрытіемъ этой идеи фактически желали взять въ свои руки то завѣдываніе получаемую Церковью субсидіей. По отношенію къ такимъ лицамъ архіепископа былъ всегда только одинъ отвѣтъ: «всѣ тѣ суммы, которыя собираютъ православные съ японцевъ, поступаютъ естественнымъ образомъ въ распоряженіе церкви и расходуются по усмотрѣнію приходскихъ совѣтовъ. Что же касается до суммъ, получаемыхъ изъ Россіи, онѣ находятся въ распоряженіи начальника православно-японской миссіи и предѣленіе ихъ зависитъ исключительно отъ его усмотрѣнія».

Нельзя сказать, чтобы охотниковъ на завѣдываніе русскою субсидіею въ японской Церкви было мало. Въ 1910 году сторонники этихъ притязаній, главнымъ образомъ міряне, составили даже особыя въѣсборныя засѣданія, о которыхъ въ газетахъ помѣщалось множество статей. Когда ихъ засѣданія окончились, то архіепископъ собралъ ихъ на общее совѣщаніе съ духовенствомъ и произнесъ большую рѣчь о необходимости для японской Церкви изысканія самостоятельныхъ средствъ для поддержанія своего существованія. При этомъ онъ прямо и открыто обратился къ пинциаторамъ движенія съ подписнымъ листомъ, назвалъ суммы ихъ годового заработка и потребовалъ, чтобы они здѣсь же подписались пропорціонально своему достатку. Такимъ прямымъ оборотомъ дѣла они были такъ сконфужены, что не могли ничего отвѣтить, и одинъ изъ нихъ послѣ этого, кажется, даже вышелъ изъ православной Церкви. Архіепископъ же на другой день помѣстилъ за подписью своего секретаря въ лучшей японской газетѣ «Зизи-симпоо» описаніе этого совѣщанія и изложилъ совершенно открыто вышеуказанный свой взглядъ на правильную, по его мнѣнію, постановку завѣдыванія церковными средствами.

Вопросъ о полученіи японскимъ духовенствомъ содержанія отъ прихода былъ всегда одною изъ самыхъ основныхъ заботъ архіепископа. Онъ не уставалъ говорить о немъ при каждомъ удобномъ случаѣ и разсылалъ о немъ цѣлый рядъ пастырскихъ посланій къ христіанамъ. Посланія эти чрезвычайно практичны, дѣловиты и поучительны и даютъ намъ совершенно ясное понятіе о матеріальномъ положеніи какъ японской православной Церкви, такъ и тамошняго духовенства, а потому я позволю себѣ предложить вниманію читателей одно изъ такихъ посланій архіепископа съ разъяснительнымъ къ нему дополненіемъ.

Окружное письмо къ христіанамъ японской православной Церкви.

Возлюбленные братья и сестры во Христѣ, благословеніе Божіе да освѣщаетъ всѣхъ васъ, и да помогаетъ вамъ и всей Церкви Божіей возрастать изъ силы въ силу.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, посылая Своихъ учениковъ на проповѣдь Евангелія, не велѣлъ имъ заботиться о ихъ пропитаніи, а сказалъ имъ, что служащіе и принимающіе ихъ будутъ питать ихъ. Вотъ слова Господа: «жаты много, а дѣлателей мало... идите... не берите ни мѣшка, ни сумы, ни обуви... въ какой домъ войдете, сперва говорите: миръ дому сему... въ домъ томъ оставайтесь, ѣшьте и пейте, что у нихъ есть, ибо трудящійся достоинъ награды за труды свои» (Лук. 10, 2—7. М. 10, 9—11). Что Господь установилъ, то всегда исполнялось, всегда и должно исполняться. Служащіе проповѣди отъ проповѣди должны питаться; вообще, служащіе Церкви отъ Церкви должны получать свое содержаніе. Но здѣсь, въ японской Церкви это еще не вошло въ обычай. Чтобы подать примѣръ христіанской благотворительности, иностранцы христіане до сихъ поръ жертвовали на содержаніе здѣшнихъ проповѣдниковъ Евангелія и всѣхъ служащихъ. Неизвѣстно, долго ли это продлится; во всякое время японская Церковь должна быть готова принять своихъ служащихъ на полное свое содержаніе. Но теперь еще обычное пожертвованіе иностранныхъ христіанъ приходитъ; только съ постепеннымъ увеличеніемъ числа служащихъ Церкви и въ то же время съ постепеннымъ возрастаніемъ цѣны на всѣ жизненные предметы, сдѣлалось оно крайне недостаточнымъ; оттого наши проповѣдники крайне бѣдствуютъ. Почти отовсюду христіане просятъ къ себѣ катехизаторовъ семейныхъ, и наши катехизаторы почти всѣ семейные. Получаютъ же они отъ миссіи на свое со-

держаніе: катехизаторскіе ученики 10 іанъ¹⁾ въ мѣсяцъ, помощники катехизаторовъ 12 іанъ, катехизаторы 14 іанъ, и изъ нихъ самыя многосемейныя 16 и иногда 18 іанъ. Истинно удивляться нужно, какъ Господь хранить ихъ отъ голодной смерти, какъ они съ своими семействами питаются, одѣваются и имѣютъ все прочее для жизни на такія малыя средства. Правда, въ нѣкоторыхъ церквахъ христіане отъ себя оказываютъ помощь, но и это весьма недостаточно. Такъ не можетъ продолжаться далѣе. Возлюбленные братья и сестры! Умоляю васъ исполнить заповѣдь Божию, позаботьтесь о содержаніи вашихъ проповѣдниковъ. Если мы посѣяли въ васъ духовное, велико ли то, если пожжемъ у васъ тѣлесное? (1 Кор. 9, 11), писалъ апостолъ Павелъ Кориноскимъ христіанамъ. Слово его простирается и къ вамъ о преподававшихъ вамъ Евангеліе душевнаго спасенія. Помогите имъ, кто чѣмъ можетъ: служащій государству—отъ своего жалованья, купецъ—отъ предметовъ своей торговли, земледѣлецъ—отъ плодовъ своей нивы, ремесленникъ—отъ своихъ издѣлій и пр. Кто богатъ, давай отъ своего избытка, кто бѣденъ, отдѣлай и отъ скудости своей. И всякій дѣлай это съ радостью, въ той мысли и въ той увѣренности, что это есть руками человѣческими приносимая жертва Богу, ибо по Божію повелѣнію и въ угожденіе Богу это дѣлается. Помни всякій, что это будетъ не только тѣлесная помощь проповѣднику, но и духовная: проповѣдникъ, получая тѣлесное, одушевится благодарностью и вящею любовью къ благодетелямъ ему и большею ревностью къ исполненію своей духовной обязанности; а отсюда произойдетъ большой успѣхъ проповѣди и оживленіе, и возрастаніе Церкви Божіей вездѣ, гдѣ это будетъ твориться. Итакъ, да возгрѣветъ Господь Своєю благодатію въ вашихъ сердцахъ ревность къ

исполненію Его святой воли о проповѣдующихъ вамъ слово спасенія.

Архіепископъ *Николай*

Нѣсколько времени спустя, владыка было разслано дополненіе къ этому му, ставившее вопросъ о содержаніи ховенства на строго практическую почву. Вотъ это посланіе:

Возлюбленные братья и сестры.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа да изливается обильно на васъ всѣхъ.

Въ окружномъ письмѣ я убѣждалъ васъ сообразно съ волею Божією, позаботиться о содержаніи вашихъ катехизаторовъ. Чѣмъ бы успѣшнѣе это было исполнено, считая нужнымъ предложить вамъ въ руководствѣ слѣдующія правила.

1) Непремѣнно всѣ смотрите на помощь, оказываемую въ содержаніи катехизаторамъ, какъ на пожертвованіе Богу, и это дѣйствительно есть таковое, какъ и все, что делается по повелѣнію Божію и въ угожденіе Богу. Эта увѣренность удержитъ васъ отъ смущенія и неохоты жертвовать, если вы увидите, что катехизаторъ не ревностно исполняетъ свои обязанности, не смущаетъ васъ это. Катехизаторъ не вѣритъ Богу за свое небреженіе; вы исполните свой долгъ, не переставая приносить Богу вашу жертву, и будете имѣть похвалу отъ Бога. Не переставайте приносить Богу разъ опредѣленное и обѣщанное даже и тогда, когда какимъ-нибудь причинамъ катехизаторъ нѣтъ въ вашей церкви, напримѣръ, посланъ священникомъ временно для проповѣди въ другое мѣсто, или же при предѣленіи служащихъ Церкви, по неустатку катехизаторовъ, вы оставлены на нѣкоторое время безъ катехизатора. Считайте для себя обычаемъ, привычкою обѣщанное Богу непремѣнно приносить. Не смотря ни на какія обстоятельства, тогда основаніе самостоятельности вашей церкви будетъ положено; вы переставаете быть, какъ теперь, въ зависимости отъ иностранной Церкви, и въ постоянномъ опасеніи

¹⁾ 1 іанъ равенъ приблизительно 1 рублю.

что при внезапномъ отнятіи отъ васъ постоянной руки помощи, ваша Церковь подвергнется страшному бѣдствію потерять всѣхъ своихъ служащихъ. Считаю умѣстнымъ продолжить нѣсколько объ этомъ. Устроить содержаніе служащимъ Церкви предметъ не легкій. Трудность его испытывали у всѣхъ народовъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ возникла Церковь Божія. И вигдѣ не открыто другого лучшаго средства содержанія служащихъ церкви, какъ добровольныя пожертвованія людей, составляющихъ Церковь. И вникогда, до скончанія міра, не будетъ открыто другого, болѣе совершеннаго, средства, потому что такъ установилъ Богъ, и не только устнымъ повелѣніемъ установилъ, но, когда явился въ человѣческомъ образѣ на землю, самъ же подавъ примѣръ подчиненія сему постановленію. Смотрите, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, немногими хлѣбами чудесно насыщавшій тысячи народа, Самъ съ Своими учениками, во время Своего земнаго служенія чѣмъ питался? чѣмъ содержался? Добровольными приношеніями слушающихъ Его ученіе,—для чего у учениковъ Его былъ ковчезекъ, въ который влагались приношенія, употреблявшіяся на нужды Его и Апостоловъ, составлявшихъ въ то время число служителей Церкви. Всемогущій Господь могъ бы сотворить и указать сотни и тысячи способовъ содержанія служащихъ Церкви, но онъ указалъ только одно приношеніе лицъ, составляющихъ Церковь. И причина сего такъ ясна, что ее и объяснять много не нужно. Спаситель сказалъ: «гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше» (Мат. 6, 21). Ты жертвуешь на Церковь сокровище твое, быть можетъ, тяжелымъ трудомъ добытое тобою; понятно, что вмѣстѣ съ сокровищемъ твоимъ идетъ и сердце твое въ жертву Богу; ты непременно и мыслью и чувствомъ участвуешь въ дѣлѣ Церкви, а не остаешься холоднымъ зрителемъ его; итакъ, вмѣстѣ съ твоею матеріальною помощью катехизатору, твоя мысль, твое чувство, твое участливое слово, твоя мо-

литва помогаютъ ему въ служеніи его. Такъ и творится общее дѣло церкви всѣми членами, составляющими Церковь; катехизаторъ и священникъ проповѣдью и священнослуженіемъ въ церкви творятъ это дѣло, ты трудомъ рукъ своихъ и душевнымъ участіемъ помогаешь въ семъ твореніи; благодать Господа, всегда пребывающаго въ Церкви Своей, невидимо содѣйствуетъ круговращенію этого взаимнаго труда церковнаго; и такимъ образомъ совершается это духовное кровообращеніе въ тѣлѣ Церкви и тѣло растетъ изъ силы въ силу. Такъ ли теперь въ японской Церкви? Нѣтъ, не такъ. Теперь служачій церкви получаетъ содержаніе отъ миссіи и не считаетъ себя ничѣмъ обязаннымъ мѣстнымъ христіанамъ, оттого и истиннаго чувства любви къ нимъ и попеченія о нихъ не можетъ возбудиться у него; мѣстные христіане, ничѣмъ крѣпко не связанные съ нимъ, холодно относятся къ нему и его дѣлу; и церковное дѣло не творится какъ должно, такъ какъ нѣтъ къ нему достодолжнаго взаимнаго участія служащихъ церкви и христіанъ; оттого наши церкви такъ мало возрастаютъ, не являютъ себя оживленными, а находятся какъ бы въ полусонномъ состояніи. Совсѣмъ другое будетъ, когда христіане матеріальною помощью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сердечнымъ участіемъ и добрымъ словомъ и совѣтомъ примутъ участіе въ дѣлѣ Церкви, а служащіе церкви, отвѣчая на все это сердечною признательностью и любовью, одушевятся къ исполненію своего служенія всѣми своими душевными силами. Кремень и сталь, близко лежа другъ къ другу, не даютъ искры и не дадутъ до тѣхъ поръ, пока не ударятся другъ о друга,—тогда только посыпятся искры, возжжется огонь и засияетъ яркимъ свѣтомъ.

2) Итакъ, въ удобное всѣмъ время, собравшись и помолвившись Богу, разсудите, кто, что и сколько можетъ приносить на содержаніе служащихъ церкви. При семъ буду говорить вамъ словами св. апостола

Павла: «не требуется, чтобы другимъ было облегченіе, а вамъ тяжесть, но чтобы была равномѣрность» (2 Кор. 8, 13). При семъ скажу: кто съѣтъ скупо, тотъ скупо и пожнетъ. Каждый удѣляя по расположенію сердца, не съ огорченіемъ и не съ принужденіемъ; ибо добродотливо дающаго любить Богъ. Богъ же силенъ обогатить васъ всякою благодатію, чтобы вы всегда и во всемъ имѣли всякое довольство, были богаты на всякое доброе дѣло, какъ написано: расточилъ, раздалъ нищимъ; правда его пребываетъ въ вѣкъ (Псал. III, 9). Дающій же сѣмя сѣющему и хлѣбъ въ пишу подастъ обиліе посѣянному вами и умножитъ плоды правды вашей такъ, чтобы вы всѣмъ были богаты на всякую щедрость, которая чрезъ насъ приноситъ благодареніе Богу (2 Кор. 9, 6—11).

3) Опредѣливши, кто, что именно и сколько можетъ жертвовать, для удобства распределенія этого служащимъ церкви, переведите все на денежный счетъ. Напримѣръ, земледѣлецъ N даетъ столько-то рису,—на деньги это будетъ составлять столько-то; N даетъ столько-то мѣшковъ угля, деньгами это будетъ столько-то, и проч. и проч. Итого, всего мѣстною Церковью на ежемѣсячное содержаніе служащихъ церкви будетъ даваться столько-то іэнь.

4) Какъ же распределить жертвуемое? По моему мнѣнію, на первый разъ слѣдующимъ образомъ:

Катехизат. учен., безсемейному, въ мѣс.	1 іэнь.
Катехизатору учен. семейному,	2 іэна.
Помощ. катехизат., безсемейному	2 „
„ „ семейному	3 „
Катехизатору безсемейному	2 „
„ „ семейному,	4 „

Катехизатору въ санѣ діакона, котораго содержаніе влѣтъ 20 іэнь, прибавить 5 іэнь.

5) Въ окружномъ письмѣ я писалъ, что настоятельно нѣжно позаботиться о прибавкѣ содержанія катехизаторамъ, отъ скудости содержанія, особенно бѣдствующимъ. Но и священники, которыхъ обыкновенное содержаніе нынѣ 25 іэнь, также имѣютъ нужду въ прибавкѣ къ сему; они всѣ се-

мейные и почти всѣ многосемейные; томъ же у нихъ бываетъ увеличеніе расходовъ оттого, что къ нимъ стекаются стіане ихъ церковей. Итакъ, по удовольствію особенно вопіющей нужды катехизаторовъ, что останется отъ вышеозначеннаго употребленія на нихъ, то мѣстныя церкви пусть отсылаютъ священникамъ на добавленіе къ ихъ содержанію. Вездѣ, гдѣ видится возможность, слѣдуетъ прибавлять священникамъ къ нынѣшнему ихъ содержанію, по моему мнѣнію, не меньше 10 іэнь въ мѣсяцъ.

6) Если священникъ изъ всѣхъ церквей своего вѣдѣнія получить 10 іэнь, которые должны итти въ добавокъ къ его содержанію отъ миссии, то излишекъ онъ долженъ отсылать въ миссію, на содержаніе церковныхъ учебныхъ заведеній. Церковь можетъ обойтись безъ школъ, иначе школьницъ церкви скоро оскудѣетъ. А содержаніе школъ, съ возрастающими нами на все, также стало недостаточнымъ жертвуемаго изъ Россіи. Да и это жертвуемое не всегда будетъ приходить; наступитъ время,—и быть можетъ оно близко,—когда совсѣмъ прекратится эта иностранная помощь,—такъ что японской Церкви придется готовиться и къ принятію этой статьи расхода на свои средства.

7) Христіане, жертвуя на содержаніе своихъ служащихъ церкви, имѣютъ право и должны ожидать, чтобы служащіе честно исполняли свои обязанности. Если катехизаторъ не дѣлаетъ этого, то христіане, устроивши церковное собраніе и основательно разсудивъ и уяснивъ недостатки служенія катехизатора, т. е. что онъ дѣлаетъ, не слѣдуетъ проповѣдывать язычникамъ, или не стараться о дальнѣйшемъ религіозномъ ученіи и руководствѣ христіанъ, или осуждать ихъ дѣтей безъ наученія вѣрнопод., должны представить катехизатору, если они ожидаютъ отъ него достоюжнаго исполненія его обязанностей. Если катехизаторъ послѣ этого замѣчанія не исправится, или, исправившись на короткое время, опять

бъжится, то церковный совѣтъ долженъ представить дѣло священнику и просить его о вразумленіи ихъ катехизатора. Если же и вразумленіе отъ священника не обратиться къ катехизатора къ болѣе дѣятельному служенію, то совѣтъ христіанъ мѣстной церкви и священникъ представляютъ объ этомъ миссіи, которая исключаетъ катехизатора, какъ негоднаго къ служенію, изъ числа служащихъ церкви.

8) Для сбора, хранения и расиределенія пожертвованій на служащихъ церкви вездѣ по церквамъ должны быть избраны христіане изъ ихъ среды, благонадежные старосты, а ими заведены точныя записи, которыя во всякое время должны быть доступны обзору христіанъ и должны быть свидѣтельствуемы священникомъ и благочиннымъ при посѣщеніи ими церкви и принимаемы ими въ присутствіи христіанъ.

Господь Богъ, въ прославленіи святого имени Своего въ любезномъ отечествѣ вашемъ и въ душевное спасеніе всѣхъ васъ, да поможетъ вамъ привести въ исполненіе нынѣ предлагаемое вамъ».

Архіепископъ Николай.

Далѣе архіепископу Николаю доставляло всегда скорбь сознаніе чрезвычайной трудности основанія въ японской Церкви монашества. Какъ епископу, такъ и его сотрудникамъ-русскимъ, Церковь безъ монашества представлялась всегда чѣмъ-то незаконченнымъ. Кромѣ того безъ монашества японская Церковь не можетъ надѣяться и на рукоположеніе туземнаго епископа, который могъ бы стать со-временемъ во главѣ ея. Архіепископъ и его сотрудники настолько были озабочены вопросомъ о насажденіи монашества въ японской Церкви, что приобрѣли даже участокъ земли въ мѣстности Тоносавы, въ горахъ Хаконэ, для того, чтобы устроить тамъ монастырь, но доселѣ на этомъ поприщѣ имъ не удалось ничего сдѣлать.

Архіепископу одно время казалось, что онъ совсѣмъ близокъ къ осуществленію этой мысли. Въ восьмидесятыхъ годахъ

его расположеніе приобрѣлъ одинъ катехизаторъ, котораго я не буду называть здѣсь по имени, обнаружившій чрезвычайныя дарованія и краснорѣчіе. По отзывамъ японцевъ, онъ обладалъ такимъ огнемъ въ словѣ, которое увлекло за нимъ всѣхъ слушателей, и кромѣ того отличался весьма строгимъ образомъ жизни. Архіепископъ Николай возлагалъ очень большія надежды на этого катехизатора, безгранично довѣрялъ ему и, по выраженному имъ желанію, постригъ его въ монахи и поставилъ іеромонахомъ. Его перевели для отправленія священническихъ обязанностей въ одинъ изъ важнѣйшихъ кварталовъ Токио, Коозимацзи, гдѣ была устроена церковь. Здѣсь новый іеромонахъ обставилъ себя съ нѣкоторою пышностью, имѣлъ часто двухъ священниковъ, съ которыми служилъ соборнѣ, бралъ съ Суругады изъ хора лучшіе голоса и имѣлъ въ своемъ распоряженіи много катехизаторовъ. Онъ проявлялъ большое усердіе къ проповѣди, и его таланты привлекали къ нему такъ много слушателей, что церковь въ Коозимацзи въ одинъ годъ увеличилась вдвое. Кромѣ дѣятельности по церкви, въ Коозимацзи были открыты тогда іеромонахомъ вторая катехизаторская школа и женское училище, куда было собрано значительное количество ученицъ и учительницъ.

Въ это время, пользуясь своимъ вліяніемъ у архіепископа, іеромонахъ началъ уже проявлять отрицательныя стороны своего характера; самовластіе и чрезвычайную партійность. Онъ организовалъ вокругъ себя своихъ сторонниковъ и началъ обнаруживать неумѣренное честолюбіе. При соборномъ строѣ японской православной Церкви это не могло продолжаться долго: на соборахъ духовенство стало обращать вниманіе архіепископа на эту сторону дѣятельности іеромонаха. Далѣе въ Церкви начали циркулировать слухи о нарушеніи іеромонахомъ обѣта цѣломудрія, послѣ чего Церковь прямо потребовала отъ архіепископа производства слѣдствія и дознанія.

Слѣдствіе было возложено на одного пользующагося общимъ и полнымъ довѣріемъ Церкви діакона, который подтвердилъ справедливость обвиненій, и въ 1891 году съ іеромонаха былъ снятъ санъ. Обнаруженные имъ таланты и сформированіе цѣлой партіи сторонниковъ долго однако отражались на спокойствіи Церкви въ Коозимади. Прихожане не желали подчиняться вновь назначенному священнику, и прошло значительное время, раньше нежели все успокоилось.

Съ тѣхъ поръ архіепископъ не считалъ возможнымъ ни одного изъ японцевъ посвящать въ монашество въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, и только въ 1908 году, по представленію служащаго на Хоккаидо священника Романа Фукуи, былъ рукоположенъ въ іеродіакона уже пожилой катехизаторъ Моисей Минато. Это единственный японецъ, носящій вынѣ иноческій санъ.

Урегулированіе епископомъ неумѣренныхъ стремленій японской молодежи къ самостоятельности Церкви и неоправданіе іеромонахомъ, возлагавшихся на него архіепископомъ надеждъ, являются единственными случаями нѣкотораго раздора и несогласій во внутренней жизни японской Церкви, о которыхъ мнѣ удалось узнать во время пятилѣтняго пребыванія въ Японіи и общенія съ православными японцами. Нельзя не сказать, что для полувѣкового существованія цѣлой Церкви это удивительно малая сумма отрицательныхъ сторонъ.

Димитрій Позднѣевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Церковнослужительницы въ православной Церкви ¹⁾.

Мнимыя и истинныя причины прекращенія хиротоніи діакониссъ.—Современныя діакониссы на Востокѣ.—Выводы.

Если чинъ діакониссъ получилъ такое распространеніе въ православной Церкви и

¹⁾ Окончаніе. См. № 14 «Церк. Вѣдом.».

даже за ея предѣлами, то когда и почему онъ исчезъ или, точнѣе, почти исчезъ изъ Церкви? Протестантскіе ученые, не упускающіе случая выразить свое отрицательное отношеніе къ монашеству, главной причиною исчезновенія діакониссъ считаютъ монашество, будто бы поглотившее и забывшее этотъ чинъ. На самомъ же дѣлѣ женское монашество столь же мало могло повести къ отмианію чина діакониссъ, какъ и монашество мужское какихъ-либо священнослужительскихъ и церковнослужительскихъ должностей. Несомнѣнно, монашество имѣло вліяніе на исторію церковнаго служенія женщины, но вліяніе это проявилось не въ томъ, въ чемъ думаютъ протестанты. Только въ первыя времена монашество и принадлежность къ клиру считалось дѣломъ несомнѣннымъ и подобно тому, какъ подвижники не отказывались отъ іерархическихъ должностей, чтобъ быть монахами, такъ и подвижницы, напримѣръ Никарета ¹⁾, отказывались во имя монашескаго идеала отъ служенія діакониссы. Но уже въ пятнадцатомъ вѣкѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и раньше совмѣщеніе принадлежности къ клиру съ монашествомъ становится не только возможнымъ, но и желательнымъ, и, напримѣръ, епископы начинаютъ потомъ ставиться главнымъ образомъ изъ монаховъ. Слились съ монашествомъ и слились довольно рано и женская часть клира—діакониссы. Такое объединеніе чина діакониссъ съ монашествомъ, помимо причинъ общихъ и для всего клира, объясняется и спеціальными причинами, касающимися лишь однихъ діакониссъ.

а) Подготовительными институтами чина діакониссъ служили чины церковныхъ вдовъ и обѣтныхъ дѣвъ ²⁾, но обѣ

¹⁾ Созом. Церк. Ист., VIII, 23.

²⁾ Въ толкованіи на 140 карагенское правленіе Вальсамонъ утверждаетъ, что «по 6 и 53 правилу настоящаго (т. е. карагенскаго) собора дѣвы посвящаются для того, чтобы въ надлежащемъ возрастѣ онѣ могли быть поставлены въ діакониссы» (Прав. съ толк. 742). Въ 2. 10.

Спаситель около себя собираетъ учениковъ, собираетъ народъ; апостоламъ Онъ заповѣдуетъ вѣровать не въ одиночку, не для себя, а идти въ міръ весь и проповѣдывать Евангеліе всей твари; предъ смертью Онъ молитъ Отца о всѣхъ вѣрующихъ въ Него и о тѣхъ, которые увѣруютъ въ Него по призывамъ апостоловъ, *да вси едино будутъ*; являясь ученикамъ по воскресеніи, Онъ въ теченіе сорока дней учитъ ихъ тайнамъ царствія Божія,—имя, которое Онъ усвоилъ Церкви—и несомнѣнно даетъ имъ единство дѣйствій, ибо, разсѣявшись по всему міру, они проповѣдуютъ одно и то же, даютъ одно и то же священство, одни и тѣ же таинства, даже одинаковый обрядъ и укладъ церковной жизни.

Все это сохранилось въ исторической Церкви, каковою по милости Божіей и остается Церковь православная. На Западѣ, несомнѣнно, сознаютъ это, и оттого то, при всей западной гордыни и часто при всемъ культурномъ превосходствѣ предъ нами, къ нашей Церкви всегда привлечено было вниманіе Европы, и еще недавно англиканскіе епископы продолжали то, что начато англиканами болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ—исканіе сближенія и единенія съ православіемъ: величіе, истинность и историчность православной апостольской Церкви есть свѣтъ, котораго нельзя не видѣть имѣющему очи.

И сколько бы ни кружилось современное Богоискательство, оно не найдетъ себѣ удовлетворенія, успокоенія, доколѣ не войдетъ въ Церковь: въ ней одной не погибнетъ корабль вѣры. Все прочее обречено гибели.

Церковь есть воплощеніе религіи, истинной религіи, ибо и религія и Церковь есть одно: это—союзъ Богочеловѣческой. Вѣра безъ Церкви—блуждающая вѣра, дающая больше страданій, чѣмъ открытое невѣріе, и обреченная на безконечныя блужданія по распутиямъ лжи и заблужденій.

Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

Архіепископъ Николай Японскій ¹⁾.

Воспоминанія и характеристика.

V.

Дѣятельность архіепископа Николая въ области сближенія Японіи и Россіи.

Отдавъ свою жизнь просвѣщенію Японіи христіанствомъ, архіепископъ Николай вмѣстѣ съ тѣмъ оставался горячо любящимъ сыномъ своей родины. Когда онъ ѣхалъ молодымъ человѣкомъ въ Японію, его душа жаждала одного только апостольскаго подвига. Но затѣмъ, познакомившись съ географіею и исторіею Восточной Сибири и выяснивъ себѣ исторію японо-русскихъ отношеній, онъ не могъ остаться и никогда не оставался безучастнымъ къ вопросу о сближеніи между Японіей и Россіей. Его существу были чужды всѣ тѣ приемы проповѣди, которые примѣнялись, напримѣръ, католическими миссіонерами, никогда не упускавшими выгодъ земныхъ и не брезгавшими тѣмъ, чтобы служить политическими агентами въ угоду разнымъ европейскимъ государствамъ, но широта воззрѣній заставляла архіепископа понимать, что и дѣло христіанской миссіи представляетъ собою не болѣе, какъ одну изъ формъ движенія западно-европейской культуры, и въ этомъ смыслѣ онъ считалъ и свою миссію работою на пользу сближенія между Японіей и Россіей. Въ статьѣ «Японія и Россія», опубликованной въ журналѣ «Древняя и Новая Россія» въ октябрѣ 1875 года, достойной быть написанною золотыми буквами, онъ высказалъ ясно свой взглядъ на японо-русскія отношенія. Для него, какъ миссіонера, центромъ связи между ними должно быть православіе. Вотъ его подлинныя слова:

«Жизнь человѣческая, — по преимуществу, жизнь духа, и только въ области

¹⁾ Продолженіе. См. № 15 «Церк. Вѣд.» с. 1.

духовной могутъ быть связаны и отдѣльные люди, и цѣлыя народы истинно-прочвою связью. Въ этомъ отношеніи духовная миссія, преслѣдующая и обязанная преслѣдовать только духовныя, но никакъ не мірскія цѣли, имѣетъ тѣмъ не менѣе и важное политическое значеніе.

Счастлива будетъ Японія, если она, помимо католичества и протестантства, прямо приметъ истинное христіанство. Избѣжить она и папскаго гнета, и вмѣшательства въ государственныя дѣла ея, избѣжить и протестантскаго дробленія, и вновь религиознаго разложенія на подобіе того, каксе она переживаетъ нынѣ. Только истинное, неиспорченное людьми, Христово ученіе, по мѣрѣ того, какъ оно проникаетъ въ умы, сердца и жизнь людей, даетъ прочную, непоколебимую основу и государственной стойкости, и благосостоянію.

«Желательно и для Россіи, чтобы сдѣлалась единовѣрною ей. Это несомнѣнно закрѣпитъ самую прочную связь между двумя народами и дастъ возможность многимъ и многимъ вѣка идти рука объ руку во взаимной дружбѣ, всегда взаимно помогая и охраняя другъ друга» (стр. 229—230).

На пути къ достиженію этой цѣли архіепископъ Николай не хотѣлъ знать никакихъ препятствій и вѣрилъ въ то, что рано или поздно, но Японія и Россія узнаютъ и поймутъ другъ друга. Еще въ 1869 г. по тому же поводу онъ писалъ:

«Вотъ и еще страна (т. е. Японія), уже послѣдняя въ ряду новоткрытій: хоть бы здѣсь мы могли стать на ряду съ другими, не для соперничества и брани;—это не свойственно православію, но для того, чтобы предложить людямъ прямую истину, вмѣсто искаженной,—и ужели станемъ позади, сложа руки, или ограничимъ ничтожными дѣйствіями? «Въ Россіи», говорятъ, «денегъ нѣтъ!» А въ Іудеѣ развѣ больше было денегъ, когда она высылала проповѣдниковъ во всѣ концы міра? А въ Греціи развѣ больше нашего было средствъ, когда

она просвѣщала Россію? «Людей тоже нѣтъ!» У какихъ-нибудь моравскихъ братій, которыхъ и самихъ то не больше пяти-шести тысячъ, есть люди, чтобъ идти на проповѣдь къ лапландцамъ а у семидесятимилліонной Россіи людей нѣтъ! Боже, да когда же у насъ люди будутъ? И развѣ люди могутъ сами твориться, если ихъ не вызовутъ къ бытію? Отчего же ихъ не вызываютъ? Гдѣ творческія силы? Или онѣ изсякли?... Нѣтъ, нѣтъ, тамъ вдали виднѣется живое, полное непочатыхъ силъ движеніе. По мановенію Царя, освобождаются милліоны, вливается духъ новой исторической жизни въ великій организмъ. Загорается заря новой дѣятельности и для сердца этого организма—духовенства;—та дѣятельность будетъ не отечественная только, она будетъ общеміровая. Буду, дасть Богъ, не заброшенъ и я здѣсь одинъ, обреченный на бесплодный одиночный трудъ. Съ этою надеждою я ѣхалъ сюда, ею семь лѣтъ живу здѣсь; объ осуществленіи ея самая усердная моя молитва!» (Христ. Чтен. 1869, I, стр. 256—257).

По роду своей дѣятельности архіепископъ Николай могъ очень мало сдѣлать для изученія Россіею Японіи. Мы всѣ теперь знаемъ, что Россія, пока не грянулъ громъ, не желала знать Японіи, не хотѣла ее изучать и не придавала ей никакого значенія. Открывавшія Россіи глаза на Японію «Записки флота капитана Головнина», бывшаго полтора года въ плѣну у японцевъ, оставались никому неизвѣстными. Поданное покойнымъ академикомъ В. П. Васильевымъ еще въ 70-хъ годахъ представленіе въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, о необходимости открытія на факультетѣ восточныхъ языковъ кафедръ японскаго языка, лежало безъ движенія. Географическое общество не командировало въ Японію ни одной экспедиціи. Драгоманскихъ штатовъ при японской дипломатической миссіи почти не существовало. Въ Военномъ Министерствѣ не

было ни одного специалиста по японскому языку. Что могъ при этихъ условіяхъ сдѣлать архіепископъ Николай? И всетаки онъ дѣлалъ все, что было въ его силахъ.

Необходимость изученія Японіи для Россіи была вѣчнымъ сознаниемъ архіепископа Николая, и онъ не упускалъ положительно ни одного случая для того, чтобы свидѣтельствовать объ этой необходимости, настаивать на ней, просить, совѣтовать о ней и выяснять ея важность. Что же именно сдѣлано архіепископомъ въ этой области?

Прежде всего, дѣло православной миссіи поставлено архіепископомъ такъ, что безъ знанія японскаго языка и японской письменности служить въ ней невозможно. Поэтому всѣ сотрудники архіепископа Николая, безъ исключенія, по пріѣздѣ въ Японію садились за изученіе языка и достигали въ немъ большей или меньшей степени совершенства. Яковъ Тихай, напримѣръ, служилъ драгоманомъ дипломатической миссіи. Если же мы обратимся къ русской журнальной литературѣ объ Японіи, то увидимъ, что цѣлый рядъ статей объ этой странѣ написанъ именно учениками и сотрудниками архіепископа Николая. Такъ, напримѣръ, И. Сэнума помѣщалъ и помѣщаетъ свои корреспонденціи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; Д. Кониси печаталъ статьи и переводы съ японскаго въ «Вопросахъ философіи и психологіи»; И. Сэнумою составлено «Практическое руководство къ самостоятельному изученію японскаго языка» для русскихъ.

Когда же послѣ японо-русской войны на изученіе Японіи въ Россіи стали обращать нѣкоторое вниманіе, то можно безъ преувеличенія сказать, что всѣ пріѣзжающіе въ Токио и вообще въ Японію русскіе пользовались постояннымъ содѣйствіемъ покойнаго архіепископа и его учениковъ. Это фактъ всѣмъ намъ хорошо извѣстный. Выборъ моихъ личныхъ работъ для установленія системы практическаго изученія японскаго языка всегда дѣлался по совѣту

съ архіепископомъ. Проведенная мною въ работахъ русская транскрипція совпадаетъ съ принимавшеюся покойнымъ владыкою, и отступленія отъ послѣдней, требовавшіяся при систематическомъ проведеніи транскрипціи въ лексическихъ работахъ опять-таки дѣлались мною большею частью по совѣщанію съ преосвященнымъ. Оставленный Восточнымъ институтомъ для приготовленія къ профессорскому званію В. М. Мендринъ издастъ нынѣ переводъ японской исторіи «Нихонъ-гаиси». Выборъ этой исторіи также находится въ зависимости отъ вліянія архіепископа Николая, который придавалъ данному труду японскаго ученаго Раи Санъ-ѳо огромное значеніе для изученія исторіи сѣогуната, самъ въ свое время изучалъ ее и очеркъ изъ нея вмѣстѣ съ тремя другими японскими исторіями: Даи Нихонси, Кокусиряку и Иси напечаталъ въ свое время въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Издавшій недавно «Правовую учебную Хрестоматію» для начальныхъ школъ Японіи, протоіерей Посольской церкви въ Токио, о. Петръ Булгаковъ свои жалобы на трудность изученія японскаго языка заканчиваетъ словами: «и не приди со словомъ ободренія и совѣта въ эти приемо-критическія минуты моей работы высокопреосвященный Николай, возможно, что я не удержался бы въ своемъ намѣреніи учить японскій языкъ, учить настолько, насколько позволяли силы и время». Въ этомъ же трудѣ мы находимъ и письмо архіепископа, высказавшаго свой взглядъ на изданіе и его значеніе для Россіи. Нечего и говорить, что работа ректора семинаріи Сэнумы по составленію пособія для изученія японскаго языка была постоянно одухотворяема совѣтами архіепископа Николая.

Я привожу въ данномъ случаѣ только тѣ примѣры, которые знаю лично и видѣлъ въ теченіе пятилѣтняго пребыванія въ Токио, но несомнѣнно, что русскіе унесли съ собою еще больше совѣтовъ архіепископа объ изученіи японскаго языка и Японіи, оставшихся мнѣ неизвѣстными и

полученныхъ ими во время бесѣдъ съ по-
войнымъ.

Наконецъ, мы не можемъ не остано-
виться на организаціи архіепископомъ
цѣлой школы для изученія японскаго язы-
ка русскими мальчиками, командиремыми
для этой цѣли изъ Восточной Сибири. На-
чалось это дѣло такъ: за годъ или за два
до начала русско-японской войны адми-
ралъ Алексѣевъ командировалъ въ Токио
двухъ мальчиковъ Ѳедора Легасова и
Андрея Романовскаго къ пресвященному
Николаю для обученія ихъ японскому язы-
ку и грамотѣ въ духовной семинаріи.
Владыка съ удовольствіемъ принялъ этихъ
мальчиковъ, за содержаніе которыхъ мис-
сіи уплачивались самыя ничтожныя сум-
мы. Началась однако война, и объ этихъ
мальчикахъ въ Россіи совсѣмъ забыли.
Высылка денегъ на ихъ содержаніе пре-
кратилась, и епископъ имѣлъ бы полное
право отправить ихъ на родину вмѣстѣ съ
уѣзжавшими передъ войною русскими.
Онъ, однако, такъ не сдѣлалъ. Наоборотъ,
онъ убѣдилъ мальчиковъ остаться въ Япо-
ніи, объяснивъ имъ всю важность изуче-
нія японскаго языка. И прошло цѣлыхъ
три года, прежде чѣмъ наши восточно-
сибирскія власти вспомнили о забытыхъ
дѣтяхъ. Ихъ содержала, кормила и обуча-
ла все это время православная японская
миссія и обучила настолько, что по пер-
вому же требованію они были въ состоя-
ніи выѣхать и занять мѣста переводчи-
ковъ: одинъ—въ Харбинѣ, другой—въ Ха-
баровскѣ.

Этотъ примѣръ побудилъ Харбинскихъ
и Хабаровскихъ властей командировать въ
духовную семинарію уже цѣлый комплектъ
русскихъ мальчиковъ, которые и обучают-
ся доселѣ тамъ японскому языку и пись-
менности.

Судьба этихъ мальчиковъ всегда сильно
озабочивала архіепископа. Онъ чувствовалъ,
что въ миссіи слишкомъ много прямого дѣла
для того, чтобы удѣлять силы дѣлу сто-
роннему, но признавая, что такая система

командировки дѣтей въ страну является
наилучшею изъ всѣхъ для подготовки рус-
скихъ толмачей, съ мирился съ неудоб-
ствами и продолжалъ работать. Его глубо-
ко возмущали статьи дальневосточной прес-
сы, настаивавшія на бесполезности коман-
дировокъ такихъ мальчиковъ въ Токио,
только потому, что нѣкоторые изъ нихъ,
оказавшись непригодными для изученія
японскаго языка, были отправлены архі-
епископомъ обратно на родину. «Уди-
вительно мало у насъ системы и выдержки,
говаривалъ онъ по этому поводу. У рус-
скихъ въ крови какой-то анархизмъ, не-
премѣнно все ломать и разрушать до осно-
ванія. Скажемъ, построены домъ. Если онъ
неудовлетворителенъ, то раньше чѣмъ его
сломать, нужно хорошенько обдумать, во-
первыхъ, гдѣ жить во время постройки,
во-вторыхъ, чѣмъ его замѣнить; у рус-
скихъ же не такъ: прежде всего сломать,
отмѣнить, уничтожить, разрушить, а по-
томъ уже будемъ думать, что дѣлать даль-
ше. Вотъ теперь съ этой школой: только
что налаживается дѣло, только что ребята
начинаютъ переходить на настоящую ра-
боту, учатся вмѣстѣ съ японцами, ходятъ
въ японскіе классы, начинаютъ привыкать
къ японской скорописи, только что дѣло
налаживается, сейчасъ ужъ и закрывать.
И опять останемся, какъ старуха въ сказ-
кѣ: будемъ сидѣть предъ своей избушкой
съ разбитымъ корытомъ».

Архіепископъ сильно желалъ развитія
дѣла толмаческой школы въ Токио, но онъ
признавалъ для этого необходимымъ дать
ей нѣсколько другую постановку, а имен-
но, выдѣлить ее въ особое учрежденіе, уси-
лить въ ней преподаваніе русскаго языка
и русскихъ предметовъ и ввести для уча-
щихся особую систему командировокъ, по
которой дѣти, по усвоеніи японскаго язы-
ка и письменности настолько, чтобы учиться
вмѣстѣ съ японцами, отсылались бы,
каждый въ отдѣльности, изъ Токио въ япон-
скія школы въ провинцію на годъ или
на два, гдѣ они усвершенствовались бы

въ языкѣ, не видя ни одного русскаго и не слыша за это время ни одного русскаго звука. Для этого, конечно, онъ считалъ необходимымъ особое соглашеніе съ японскимъ правительствомъ.

Покойный владыка смотрѣлъ на дѣло сближенія Японіи и Россіи съ чисто-государственной и культурной точекъ зрѣнія и смотрѣлъ чрезвычайно широко. Онъ видѣлъ въ этихъ двухъ державахъ добрыхъ сосѣдей и считалъ, что отношенія между ними должны быть именно добрососѣдскія, для установленія которыхъ необходимо, чтобы и Россія знала Японію въ совершенствѣ и Японія знала Россію въ такой же мѣрѣ. «Но что мнѣ дѣлать, говаривалъ онъ, если всѣ преимущества для этого изученія лежатъ на сторонѣ Японіи. Японецъ страшно усидчивъ и работоспособенъ. Онъ при томъ горячъ. Онъ берется за каждое дѣло безотлагательно и ведетъ его настойчиво и неуклонно. И правительство, и общество, и отдѣльныя лица въ Японіи въ большинствѣ случаевъ таковы. Разъ что бы то ни было признано необходимымъ, — конечно: находятъ немедленно и средства, и деньги, и пути, и люди, и дѣло кипитъ. Существуетъ и еще нѣсколько условій, благоприятствующихъ изученію Россіи японцами. Во-первыхъ, японцы бѣдны, и они ѣдутъ повсюду, гдѣ только можно обезпечить для себя благосостояніе. Русскія владѣнія для нихъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно удобны, а потому и много японцевъ знаютъ по-русски. Во-вторыхъ, за время изученія иероглифовъ японцы до такой степени тренируютъ свою память, что имъ изученіе всякой другой письменности представляется дѣломъ почти шуточнымъ, а сидѣть часами за книгою они привыкаютъ также съ самаго ранняго дѣтства, такъ какъ изученіе грамоты и усидчивость для нихъ представляются понятіями совершенно неотдѣлимыми: выучить иероглифы безъ усидчивости невозможно. Въ третьихъ, у японца существуетъ какая-то прирожденная или, можетъ быть,

выработанная тысячелѣтней культурой жажда знанія. Онъ хочетъ все знать, все перечитать. На книги никто почти изъ нихъ не скупится тратить деньги, и только этимъ можно объяснить и огромный тиражъ японскихъ газетъ и то большое число изданій, которое выдерживаютъ ихъ книги. Словомъ, японцы, если и не всегда талантливые, то въ большинствѣ случаевъ трудолюбивые и исполнительные ученики, и въ этомъ — большой залогъ ихъ успѣха».

Къ области работъ, предпринятыхъ архіепископомъ Николаемъ въ дѣлахъ просвѣщенія Японіи относительно православія, нужно причислить прежде всего его труды по переводамъ Священнаго Писанія, богослужебныхъ книгъ и богословской литературы. Переводы послѣдней дѣлались исключительно съ русскаго языка, и отсюда мы естественно можемъ понять, что одна часть русской умственной сокровищницы стала уже достояніемъ японцевъ. Если же мы примемъ во вниманіе, что первыя времена русской культурной исторіи главнымъ образомъ являются исторіей дѣятельности духовенства и что наша первая литература почти совпадаетъ съ литературою гомилетической, то окажется, что путемъ переводовъ нашихъ церковно-историческихъ и проповѣдическихъ трудовъ японцы знакомились и съ древней исторіей Россіи.

Переводами книгъ религіознаго отдѣла далеко, однако, не исчерпывается еще просвѣтительная дѣятельность архіепископа на почвѣ сближенія Россіи и Японіи. Архіепископъ старался вкладывать въ души своихъ питомцевъ любовь къ Россіи и необходимость культурнаго ея изученія, онъ распространялъ между юношами знаніе русскаго языка, никогда не уставалъ при случаѣ говорить о необходимости для православныхъ японцевъ изученія Россіи, которая является для нихъ матерью по вѣрѣ, и радовался, когда ученики Суругадайской семинаріи начали печатать въ японскихъ журналахъ переводы изъ русскихъ классиковъ. «Пусть переводятъ и читаютъ; гово-

рять онъ. Узнавъ русскую литературу, узнавъ Пушкина, Гоголя, Лермонтова, графовъ Толстыхъ, Достоевскаго, нельзя не полюбить Россіи».

Эта сторона суругадайской работы очень мало извѣстна русскому обществу, но когда японскій историкъ русской литературы будетъ писать свой трудъ, или когда русскій историкъ всеобщей литературы будетъ изучать вопросъ о проникновеніи русской литературы въ Японію, — и тотъ и другой должны будутъ отмѣтить роль Суругадаи.

Перечислять всѣ произведенія и изданія японцевъ, получившихъ образованіе въ Суругадайской духовной семинаріи и работающихъ надъ переводами русской беллетристики здѣсь нѣтъ возможности, такъ какъ это потребовало бы совершенно спеціальной библиографической работы. Я считаю нужнымъ однако указать хотя бы общій масштабъ, въ которомъ ведутся эти переводы.

1) Однимъ изъ самыхъ видныхъ переводчиковъ является Нобори Сѣму, опубликовавший недавно довольно пространную исторію русской литературы, являющуюся учебникомъ этого предмета въ духовной семинаріи, гдѣ Нобори состоитъ преподавателемъ. Раньше нежели приступить къ изданію этой работы, Нобори опубликовалъ цѣлую серію отдѣльныхъ переводческихъ работъ. Имъ переведены нѣкоторыя произведенія: *Сумарокова, Державина, Хемницера, Дмитріева, Измайлова, Жуковского, Крылова, Гончаровскій* «Обломовъ», *Пушкина*: «Сказка о рыбацкѣ и рыбацѣ»; «Арабъ Петра Великаго»; «Метель»; «Русалка»; «Борисъ Годуновъ». *Гоголя*: «Тарасъ Бульба»; *Тургенева*: «Вѣжинъ дугъ», «Собака»; *графа Льва Толстого*: «О Гоголь». *Антонна Чехова*: «Тифъ»; *Максима Горькаго*: «На днѣ»; *Короленка*: «Огонь». *Андрева*: «Бездна»; «Въ туманѣ»; «Разсказъ о семи повѣшеныхъ». *Куприна*: «Мирное житіе». *Бориса Зайцева*: «Тихія зори». *Бальмонта*: «Крикъ въ ночи». *Арцыбашева*: «Жена».

2) Далѣе мы можемъ назвать писатель-

ницу Сѣнума Каё, которая работаетъ надъ переводами съ русскаго вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, ректоромъ духовной семинаріи Иваномъ Сѣнума. Сѣнума Каё изданы на японскомъ языкѣ переводы: *Сеславина*: «Разсвѣтъ счастья»; *Достоевскаго*: «Бѣдные люди» и друг. Года три тому назадъ г-жа Сѣнума Каё издала небольшой томъ разсказовъ Чехова, который былъ встрѣченъ японскою критикою чрезвычайно симпатично.

3) Д. Кониси перевелъ «Крейперову Софату» гр. Льва Толстого.

Мнѣ представляется здѣсь же умиленнымъ снять съ памяти архіепископа Николая разъ навсегда всѣ тѣ обвиненія, которыя сыпались на него со стороны русской прессы и общества во время и послѣ неудачной войны нашей съ Японіей. Всѣ мы читали тогда жалобы, упреки и вопросы, обращавшіеся по адресу покойнаго архіепископа: «Почему именно онъ не указалъ Россіи на способность Японіи къ такой восприимчивости къ европейской культурѣ, почему именно онъ не выяснилъ, что такое Японія по существу, почему онъ не заявилъ открыто и гласно, что она высококультурное государство? и пр. и пр.».

Я хочу теперь документально показать, что не архіепископъ не выяснялъ, а мы его не слушали; не онъ не печаталъ, а мы не читали; не онъ не говорилъ, а мы не внимали.

Еще въ 1869 году въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ ноябрьской книжкѣ въ предисловіи къ статьѣ «Сѣгуны и микадо» на страницѣ 207-й, послѣ приведенныхъ уже мною равнѣ словъ о хихикающемъ японцѣ, іеромонахъ Николай, писалъ. «Но это ли японецъ какъ онъ есть? Кто пообщаетъ этой фигурѣ въ близкомъ будущемъ мѣсто въ кругу цивилизованныхъ народовъ, кому не покажутся загадочными даже эти воочию совершившіеся факты, что японцы всего 15 лѣтъ тому назадъ казавшіеся такими же непробудно-сонными и не-

подвижными, какъ китайцы, въ настоящее время имѣютъ уже военный флотъ паровыхъ судовъ, на которомъ ни чловѣка европейцевъ, имѣютъ специалистовъ ученыхъ, получившихъ дипломы въ европейскихъ школахъ, механическія заведенія, могущія собственными средствами соорудить пароходъ, наконецъ либеральную конституцію съ выборнымъ началомъ въ основаніи. А между тѣмъ эти факты какъ нельзя болѣе естественны и странно было бы, если ихъ не было. Но чтобы судить такъ, нужно изучить не костюмы и вѣншіе приемы японца, а его духъ въ историческомъ развитіи, изучить его литературу».

Шесть лѣтъ спустя въ 1875 году въ журналѣ «Древняя и Новая Россія», въ охотарской книжкѣ, въ статьѣ «Японія и Россія» архимандритъ Николай, давая характеристику Японіи и японцевъ (на стр. 224—225) высказался еще болѣе опредѣленно. Вотъ его подлинныя слова:

«Итакъ, будетъ ли странностью, если мы скажемъ, что японскій народъ—весьма развитой народъ, въ массѣ не уступающій по развитію самымъ образованнымъ народамъ земного шара? Конечно, читающій европеецъ всегда можетъ найти для чтенія такую умную книгу, какихъ до послѣдняго времени не было въ Японіи; но за то читающій и не столь умныя книги японецъ несомнѣнно стоитъ гораздо выше и по уровню образованія и развитія, чѣмъ не читающій европеецъ, — японецъ же почти всякій читаетъ. Вообще, Японія въ этомъ отношеніи похожа на Америку, гдѣ если наука не достигаетъ такой глубины и высоты, какъ въ наиболѣе образованныхъ государствахъ Европы, за то распространена шире, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ.

«Свобода и самостоятельность японскаго народнаго духа, японская національная гордость, значительный уровень умственнаго развитія и вмѣстѣ свѣжесть и бодрость народа — служить двигателями современного прогресса Японіи, столь изу-

мительнаго для всѣхъ, наблюдающихъ его. Цѣлые вѣка японцы, убажываемые своими національными ученіями, дремали въ сладкомъ сознаніи, что они—первая нація въ мірѣ, потомки небесныхъ боговъ, что другіе народы—варвары, стоящіе внѣ попеченій боговъ и проч. Велико было удивленіе ихъ и крайне неприятенъ уколъ для ихъ самолюбія, когда, съ открытіемъ страны для иностранцевъ и особенно съ того времени, какъ сами стали посѣщать иностранныя земли, они увидѣли, что они совсѣмъ не единственная почтенная нація въ мірѣ, что есть много другихъ весьма почтенныхъ націй, и что тѣ, кого они считали варварами, напротивъ далеко ихъ превосходятъ умственнымъ и политическимъ развитіемъ. Но не слѣпы были японцы, чтобы стать упорствовать въ отричаніи этой столь очевидной истины, — не вялы, чтобы терять время въ бесплодномъ уныніи. Они, такъ сказать, быстро перемѣстили центр тяжести своей національной гордости, поставивъ отнынѣ для себя лестной задачей—возможно скорѣе догнать опередившіе ихъ народы, — и вотъ—столько надѣлали въ продолженіе 20 лѣтъ, что въ исторіи другихъ народовъ едва ли найдутся достойныя параллели.

«Исторія японскаго народа не знаетъ пораженій; національный духъ японцевъ не ослабленъ никакими вѣншими несчастьями, никакимъ униженіемъ передъ вѣншимъ врагомъ. И потому, что удивительнаго, если они до послѣдняго времени смотрѣли на себя, какъ на самый великій народъ въ мірѣ, и съ пренебреженіемъ относились къ всѣмъ другимъ народамъ и царствамъ!

«Однако, это далеко не было тѣмъ глупымъ самодовольствомъ и несправимымъ самонѣніемъ, которое для многихъ другихъ народовъ дѣлалось и дѣлается источникомъ великихъ народныхъ бѣдствій и униженія. Достаточно было въ 1867 году нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ съ англійскихъ кораблей, не по японскому

національному флагу, а по прибрежнымъ батареямъ и судамъ двухъ удѣльныхъ князей, Нагато и Сацума, чтобы весь японскій народъ встрепенулся. Осмотрѣвшись, японцы увидѣли и тотчасъ сознали, что они въ военномъ дѣлѣ до того отстали отъ нѣкоторыхъ другихъ народовъ, что весьма легко могутъ быть побиты, могутъ потерять многое. Этою ясностью взгляда и трезвостью сознанія японскій народъ обязанъ тому, что онъ, при многихъ другихъ хорошихъ качествахъ, исторически приобрѣтенныхъ, обладаетъ еще качествомъ замѣчательнаго умственного развитія» (Ib. стр. 222—223).

Можемъ ли мы послѣ этого сказать, что архіепископъ не выяснялъ сущности Японіи для Россіи и не совѣтовалъ обѣимъ державамъ мирно добрососѣдскихъ отношеній, предоставляя, само собою, дѣлать выводы русскимъ читателямъ, каковою будетъ Японія, при той характеристикѣ, которую давалъ онъ ей, если вмѣсто дружественной державы она окажется врагомъ.

Сближеніе Россіи съ Японіей, свидѣтелями котораго являемся мы въ послѣдніе годы, также не было для архіепископа новостью. Онъ былъ убѣжденъ, что рано или поздно дѣло къ этому придетъ, и открыто высказалъ свой взглядъ на это ровно за 30 лѣтъ до заключенія англо-японскаго союза. Вотъ что писалъ онъ по этому поводу:

«Все, что дѣлается въ Японіи, болѣе чѣмъ всякое другое государство, должно интересовать Россію, какъ непосредственную сосѣдку ея на крайнемъ востокѣ. Оба государства — молодыя, полныя свѣжихъ силъ и надеждъ на долгую историческую жизнь. Притомъ же, оба — совершенно различныя по своему географическому положенію, вслѣдствіе чего въ будущемъ они могутъ только помогать другъ другу, но не встрѣчаться одно съ другимъ на перекрестныхъ дорогахъ и не мѣшать одно другому.

«Японія — морская держава, это — Англія будущаго. Многочисленность ея народонаселенія при тѣснотѣ территоріи и живая предпримчивость народа предвѣщаютъ въ весьма близкомъ будущемъ широкое развитіе ея мануфактуръ и ея вишней промышленности, при чемъ и въ торговыхъ интересахъ и, по всей вѣроятности, въ необходимости кое какихъ территоріальныхъ приобрѣтеній на моряхъ, какъ для нуждъ своихъ флотовъ, такъ и для колонизаціи, она не замедлитъ столкнуться съ Англією и другими государствами, сильными на моряхъ.

«Россія, напротивъ континентальная держава, не имѣющая ни морской торговли, ни колоній. Въ будущемъ ей предстоитъ такой долгой и такой многоплодный трудъ надъ разработкою ея собственныхъ богатствъ и надъ развитіемъ внутренней промышленности, что на многіе вѣка не предвидится возможности для Россіи искать себѣ дѣла и вмѣстѣ насущнаго хлѣба, подобно Англіи, преимущественно въ заграничной торговлѣ и въ развитіи колоній. Избытки ея внутреннихъ богатствъ, конечно, станутъ литься за границу, равно какъ изъ-за-границы не перестанетъ поступать то, въ чемъ она сама нуждается. Но это не будетъ главной задачей въ ея исторической жизни, это будетъ то, въ чемъ Японія же можетъ принести ей существенную пользу, равно какъ и сама получать выгоду отъ того. Словомъ, положеніе обонхъ государствъ такое, что имъ, повидимому, въ будущемъ предстоитъ только пріязнь, дружба и взаимныя услуги». («Японія и Россія,» стр. 228—229).

Этимъ убѣжденіямъ покойный архіепископъ оставался вѣрнымъ до гроба. Онъ признавалъ, что между Россіей и Японіей нѣтъ никакихъ существенныхъ поводовъ для разногласій, никакого столкновенія интересовъ, затрагивающаго жизненныя потребности обѣихъ націй, и потому смотрѣлъ на минувшую войну какъ на простое недоразумѣніе, явившееся слѣдствіемъ

взаимнаго непониманія. И потому и послѣ войны, какъ и до нея, онъ по прежнему твердилъ русскимъ о необходимости неуклоннаго изученія Японіи. Въ одномъ извѣстномъ мнѣ письмѣ къ генераль-губернатору Унтербергеру онъ писалъ о необходимости изученія Японіи такъ:

«У всѣхъ большихъ европейскихъ народовъ давно уже нашлись ученые, которые написали для своего отечества многіе томы объ Японіи и во всѣхъ отношеніяхъ познакомили свое отечество съ нею. Не говоря уже о научномъ интересѣ этихъ трудовъ, польза отъ нихъ великая. Напримѣръ, не поставила бы Англія Японію о плечо съ собою, если бы глубоко не узнала, что она достойна этого; не было бы и нашей несчастной войны съ Японією, если бы мы глубже знали Японію».

Димитрій Позднѣевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діакониссы въ русской Церкви.

Обычно въ изслѣдованіяхъ, касающихся исторіи чина діакониссъ или молчаливо предполагается или прямо заявляется, что чина діакониссъ въ русской Церкви не существовало. Между тѣмъ, уже на основаніи однихъ теоретическихъ соображеній, можно усумниться въ справедливости такого взгляда. Посвященіе діакониссъ существовало въ Константинопольской Церкви до второй половины XI вѣка, а непосвященныя виѳалтарныя діакониссы существовали здѣсь и потомъ. Между тѣмъ русская Церковь, начиная съ X вѣка, нѣскольکو вѣковъ была нераздѣльной частью Церкви Константинопольской, и ея устройство было точной копіей устройства Церкви Константинопольской, насколько это позволяли мѣстныя условія, и потому вполне естественно предположить, что и чинъ діакониссъ, какъ часть такового устройства, существовалъ и въ русской Церкви,

тѣмъ болѣе, что ихъ помощь особенно была нужна при крещеніи женщинъ новообращеннаго народа, да и храмы у насъ въ древности, какъ и у грековъ, имѣли женскія отдѣленія. На сторону такого предположенія рѣшительно становится нашъ знаменитый покойный историкъ Е. Е. Голубинскій. Е. Е. Голубинскій считаетъ нашихъ просвиренъ преемницами древне-русскихъ діакониссъ. Онъ полагаетъ, что должность просфоренъ, не существовавшая у грековъ¹⁾, установлена у насъ послѣ половины XII вѣка и не позднѣе второй половины XIII вѣка, но создана была у насъ эта должность просфоренъ не совсѣмъ вновь, а ими были сдѣланы или стали женщины, уже прежде бывшія при церквахъ въ должности діакониссъ. Упомянувъ о существованіи діакониссъ у грековъ какъ въ древнее, такъ и въ настоящее время, Е. Е. Голубинскій пишетъ: «Есть большая вѣроятность думать, что эти діакониссы или смотрительницы женскихъ отдѣленій церковей были и у насъ и что онѣ-то и стали у насъ просфоропеками, соединивъ въ себѣ двѣ должности. И не только весьма вѣроятно предполагать, что у насъ эти діакониссы были, но даже едва ли не должно будетъ усвоить имъ за древнее время особое, такъ сказать, совсѣмъ причетническое значеніе. Вальсамонъ о современныхъ ему діакониссахъ

¹⁾ Это мнѣніе Голубинскаго не совсѣмъ вѣрно. И въ греческой Церкви просфоры не всегда покупались, какъ онъ думаетъ, а иногда существовали особыя лица, занимающія ихъ приготовленіемъ. Уже въ Лавсаикѣ Палладія говорится: «Я видѣлъ, какъ эта добстая вдова (Кандида) трудилась пѣлыми ногами, модела мuku своими руками и пекла просфоры». Русскій пер., Сиб. 1854, гл. 127, стр. 292; MG. 34, 1250, с. 145. Ср. Номоканонъ при Большомъ Третьякомъ по греческому тексту, статья 7. Павловъ, М. 1897, стр. 103. «Елико же время не причащаются, ниже просфоры не мѣсятъ, то чю призываютъ иныя чистыя, яже причащаются и мѣсятъ е.» Алтонъ Верчелльскій пишетъ: «diaconas oblationibus sacerdotibus offerendos praeparant», ML, 134, ep. 8; Maser († 1671 г.) свидѣтельствуетъ въ своемъ Hieroglossicon'ѣ, что въ его время въ Миланѣ женщины, доставлявшія хлѣбъ и вино для храма, назывались діакониссами (Robinson, 94).

каствія», чтобы доказать, что любовь къ родинѣ и своей отечественной власти не мирится съ любовью ко всѣмъ людямъ и что она является признакомъ нѣкоторой отсталости. Такимъ людямъ мы напомнимъ прежде всего примѣръ Спасителя, возлюбившаго «вся человѣки», но пришедшаго прежде всего къ родному единоплеменному народу: «*eo sua prius*» (Іоанн. 1, 11), повѣствуетъ объ этомъ св. Евангелистъ Іоаннъ. Напомнимъ имъ и слова, сказанныя недавно бывшимъ главой свободолобиваго американскаго народа въ собраніи ученыхъ академикомъ не менѣе свободолюбивой Франціи: «кто говоритъ,—сказать онъ,—что любить міръ, а не отечество, тотъ на самомъ дѣлѣ не любить ни того, ни другого».

Но въ царѣ мы чтимъ не только нашу національную историческую власть. Мы чтимъ въ немъ и Боговѣнчаннаго Покровителя самой дорогой и заветной святыни русскаго сердца—Церкви православной. «Помяни, Господи, благовѣрнаго и христовлюбиваго Государа нашего»,—молимся мы за литургіей въ самую священную минуту тайнодѣйствія,—*возлагаю* въ сердцѣ его *блага* о Церкви Твоей и всѣхъ людехъ Твоихъ». Едва ли кто станетъ оспаривать, что самымъ высшимъ благомъ для нашей Церкви въ настоящій моментъ является оживленіе въ ней соборнаго разума и вообще соборнаго начала. Въ этомъ—условіе ея внутренняго расцвѣта и жизни; въ этомъ—залогъ возрожденія тѣхъ многихъ силъ церковныхъ, которыя иногда вянутъ и гаснутъ, не находя себѣ примѣненія. И мы знаемъ исторически, какое живое участіе принимали православные цари въ пробужденіи этого соборнаго начала. Всѣмъ намъ вѣдомо и то, какъ заботы объ этомъ близки сердцу Нашею Государа, какъ слава Церкви дорога для Него не менѣе, чѣмъ слава государства.

Помолимся же нашей русской, православной душой о томъ, чтобы Царь царей продлилъ драгоцѣнную жизнь Нашею

Царя православнаго на многія лѣта и всегда направлялъ бы ее ко благу Церкви и къ утверженію ея славы.

Протоіерей Петръ Миртовъ.

Архіепископъ Николай Японскій ¹⁾.

Воспоминанія и характеристика.

VI.

Японская Церковь во время русско-японской войны.

Я перейду теперь къ самымъ тяжелымъ годамъ жизни архіепископа Николая въ Японіи, вызвавшимъ на него со стороны какъ японскаго, такъ и русскаго общества всего болѣе нареканій и въ результатъ послужившимъ къ наивысшему его прославленію. Это—годы русско-японской войны. Раньше нежели говорить о доблестномъ поведеніи въ этотъ періодъ архіепископа, мы должны будемъ остановиться на нѣкоторое время на вопросѣ объ отношеніи въ эти годы къ японской православной Церкви японскаго общества.

Нужно было ожидать, что Церковь эта, соборъ которой господствуетъ надо всѣмъ Токио, привлечетъ на себя всѣ взгляды и въ разгарѣ первыхъ страстей, возбужденныхъ войною, станетъ ближайшею мишенью самыхъ не сдержанныхъ и злыхъ атакъ. Такъ дѣйствительно и было: нѣкоторая часть японской прессы совершенно не знала удержу въ проявленіяхъ злобы противъ православія. Газета «Нихонъ», суммировавшая распространенныя въ обществѣ мнѣнія о православной Церкви, писала: «Православная Церковь является злымъ мѣстомъ, откуда сыпятся проклятія на голову Японіи, и гдѣ молятся за ея пораженія. Она всегда была центральнымъ агенствомъ шпионовъ, состоящихъ на русской службѣ. Японцамъ ненавистенъ ку-

¹⁾ Окончаніе. См. № 16 «Церк. Вѣд.» с. г.

поль русскаго собора, который, возвышаясь надо всѣмъ городомъ, какъ бы шлетъ презрѣніе самому императорскому дворцу, ненавистенъ храмовой колоколь, который каждое воскресное утро своимъ гвалтомъ докучаетъ мирному сну жителей.

«Православная Церковь въ Японіи, писала эта газета, не порвала всей связи съ Россіей и получала отъ послѣдней матеріальныя средства, на которыя существовала. Она была поэтому, взятая въ цѣломъ, только вѣтвью русской Церкви. Черезъ Святѣйшій Синодъ, въ которомъ председательствуетъ мірянинъ, какъ представитель русскаго Императора, японская православная Церковь находилась всецѣло въ рукахъ русскаго правительства. Ея епископъ и священники, какъ и ихъ русскіе собратья, были только агентами, оплачиваемыми какъ чиновники и повиновавшіеся получаемымъ инструкціямъ».

Та же самая газета въ другой статьѣ, обращенной къ православнымъ японцамъ, совѣтовала имъ оставить то гибельное положеніе, въ которое они себя поставили черезъ свою связь съ Церковью православною, «фактической главою которой является русскій Императоръ. Перемѣнивъ вѣроисповѣданіе, они могли бы, подобно газетѣ, также хорошо исповѣдывать христіанство и въ то же время избѣгать тѣхъ опасностей, которыя сулитъ имъ связь съ Церковью русскою».

Если одна часть японской прессы занималась во время войны главнымъ образомъ вопросомъ о политическихъ отношеніяхъ между православною Церковью и русскимъ правительствомъ, то другая поведла свои нападки еще далѣе, противъ всей православной Церкви въ самомъ ея существѣ. Ея обряды, связанные съ почитаніемъ иконъ, трактовались печатью какъ суевѣрія, пустой формализмъ и пр. и пр. Газета «Ямато», напримѣръ, съ ожесточеніемъ нападала на самыя христіанскія таинства и, между другими пунктами, въ вопросахъ, предлагаемыхъ новообращаемымъ христіа-

намъ во время совершенія крещенія, находила преступленіе, прямо предусмотрѣнное въ японскомъ уголовномъ законодательствѣ. Въ вопросѣ, предлагаемомъ обращаемому въ православіе японцу: «стрицаешься ли отъ суевѣрія буддизма и синтоизма?» и гдѣ дальше излагаются подробности различныхъ суевѣрій, въ концѣ чина обращенія въ православіе спрашивается: «отрицаешься ли отъ всѣхъ боговъ и буддъ этой религіи, отъ ихъ ложнаго и извращеннаго ученія во всей полнотѣ и частностяхъ: проклинаешь ли ихъ и плюешь ли на нихъ?» (Kore wo nogoі oyobi kore ni tsubaki sugi ka). Редакторъ при этой фразѣ теряетъ всякое самообладаніе: «Можно ли, говоритъ онъ, допустить въ богослужбномъ обрядѣ что-либо болѣе дикое и отвратительное?» Далѣе онъ приводитъ статью 263 уголовного законодательства, которая формулируется такъ: «виновные въ публичномъ неуваженіи къ синтоистскимъ и буддѣйскимъ храмамъ, могиламъ и мѣстамъ, посвященнымъ культу, подлежатъ штрафу отъ 2-хъ до 20 іэнъ». Послѣ этого онъ прибавляетъ: «фраза, которую мы только что привели, употребляемая въ открытомъ богослужбномъ обрядѣ, не представляетъ ли собою тяжелаго оскорбленія по отношенію къ нашимъ національнымъ религіямъ? Не является ли она, по крайней мѣрѣ, подстрекательствомъ къ ненависти и къ дѣйствіямъ противъ этихъ религій?» По этому поводу редакторъ напоминаетъ, что назадъ тому нѣсколько лѣтъ одинъ житель Мияги-кэнъ, получивъ крещеніе въ русской Церкви, не нашелъ ничего болѣе безотлагательнаго, какъ буквально выполнять вмѣстѣ съ 10 другими христіанами названное предписаніе греческаго ритуала. Они отравились въ мѣстный буддѣйскій храмъ, выгнали изъ него статую Фудо, покрыли ее плевыми, подвергли всевозможнымъ издѣвательствамъ и, наконецъ, раздробили въ куски. «Эти проявленія дикости, заключаетъ авторъ, не представляютъ ли собою естественный результатъ нетерпимо-

сти религіи, которая учить презрѣнію и оскорбительному отношенію къ божествамъ страны?»

Изъ этихъ нападокъ на православную Церковь, помимо отдѣльных замѣтокъ въ ежедневныхъ газетахъ, которыя характеризуются только бранью и повтореніемъ однихъ и тѣхъ же легкомысленныхъ и необоснованныхъ популярныхъ обвиненій, выдѣляется какъ по объему, такъ и по имени автора статья современнаго японскаго философа г. Иноуэ Тэцусироо, напечатанная въ журналѣ «Shin Bukkyo» (Новый буддизмъ). Авторъ этой статьи имѣетъ степень доктора японской литературы. Онъ родился въ префектурѣ Фукуока въ 1855 г., съ 1884 по 1890 годъ изучалъ философію въ Германіи и Франціи и съ 1890 г. состоитъ деканомъ литературнаго факультета Токіоскаго университета и профессоромъ философіи и исторіи философіи въ послѣднемъ. Среди его многочисленныхъ трудовъ выдающимися являются: «Жизнь Будды», «Восточная философія» и др. Профессоръ Иноуэ съ высоты пьедестала, на который воздвигли его знанія и масса статей, написанныхъ имъ за послѣднія 15 лѣтъ, пророчествуетъ въ «Shin Bukkyo» о будущности религіозныхъ идеаловъ человѣчества. Онъ не признаетъ существованія личнаго Бога, а только безлично реальное бытіе, въ духѣ пантеизма. Когда говорятъ о реальномъ бытіи, какъ основномъ началѣ, служащемъ къ объясненію вселенной, то, по мнѣнію г. Иноуэ, едва ли даже нужно и говорить о томъ, что это бытіе должно быть безлично. Понятіе личности, по взгляду японскаго ученаго, влечетъ за собою ограниченіе, тогда какъ основное начало абсолютно. Качества личности прилагаются только къ бытію конечному, основное же бытіе безконечно. Поэтому представляется ошибкою низводить абсолютное и безконечное бытіе на уровень существа конечнаго и ограниченнаго. Съ этой точки зрѣнія Иноуэ опровергалъ уже раньше философію Лотце, признающаго безконечное существо

личнымъ, и заявилъ, что мнѣніе Лотце имѣетъ большую аналогію съ буддійскою доктриною Амиды. По этому ученію, чело-вѣкъ возвышается, мало-по-малу очищаясь отъ всякой дурной мысли, и можетъ такимъ образомъ приблизиться къ основному началу.

Религія будущаго, по мнѣнію японскаго профессора, осуществится въ полномъ сляніи религіи и нравственности, при чемъ подъ послѣднею Иноуэ разумѣетъ не ту условную мораль, которая ограничивается чисто вѣшними правилами, обрядами или какимъ-либо этикетомъ, но нравственность, обеспечивающую сердечный миръ и дающую прочныя основы для жизни. Представляется заблужденіемъ, по взгляду Иноуэ, вопросъ о религіи будущаго связывать съ вопросомъ о какой-либо изъ нынѣ существующихъ религій, напримѣръ, съ буддизмомъ или христіанствомъ. Ошибочно также думать, что нужно непременно принадлежать къ той или иной религіи, такъ какъ раньше чѣмъ существовали эти послѣднія, была уже религія естественная. Правда, она была полна суевѣрій, но это не мѣшаетъ дѣлу. Идеаломъ профессора Иноуэ является очищеніе этой первобытной религіи отъ всѣхъ суевѣрій, и тогда только будетъ получена истинная религія, сливающаяся съ нравственностью, словомъ, религія идеальная.

При свѣтѣ этихъ руководящихъ идей профессоръ Иноуэ въ названномъ журналѣ «Shin Bukkyo» обрушился со всею силою на православіе. Онъ говоритъ, что русско-японская война повлечетъ за собою полнѣйшую революцію въ религіозныхъ идеяхъ европейскаго міра. «Хотя настоящая война, пишетъ онъ, по единодушному взгляду всей японской націи, не имѣетъ ничего общаго съ войною религіозною, но съ русской точки зрѣнія дѣло представляется совершенно иначе. Всѣ тѣ богослуженія и религіозныя торжества, которыя имѣли мѣсто въ Россіи въ связи съ отправленіемъ войскъ и генераловъ, всѣ тѣ молитвы, которыми безостановочно просить о побѣдѣ,

мнѣніе, что «Святая Русь» сражается на Дальнемъ Востоцѣ съ народомъ буддійскимъ, «врагомъ христіанскаго имени»—все это даетъ настоящей войнѣ, разсматриваемой съ точки зрѣнія нашего противника, характеръ войны религиозной и святой. Но если посмотрѣть на результаты всѣхъ этихъ молитвъ, богослуженій и религиозной помпы, то легко придти къ заключенію, что они оканчиваются лишь непрерывною серіею пораженій и постояннымъ триумфомъ «врага христіанскаго имени». Это первое заключеніе. Второй выводъ, равно очевидный, сводится къ тому, что Россія, не смотря на всѣ претензіи монополизировать въ свою пользу титулъ религиозной націи, на практикѣ представляется какъ только возможно далекою отъ идеала религиознаго народа. «Не упоминая уже о Кишиневской рѣзнь и о потопленіи въ 1900 г. многихъ тысячъ китайцевъ въ Благовѣщенскѣ, самые отчеты о настоящей кампаніи не доказываютъ ли намъ почти ежедневно вѣроломство, безнравственность и жестокость русской арміи? Злоупотребленіе флагами Краснаго Креста, изуродованіе труповъ, грабежи и насиліованія женщинъ и проч., всѣ эти факты обычны въ жизни русскихъ отрядовъ. Представляется поэтому довольно страннымъ, что нація, ведущая себя подобнымъ образомъ, претендуетъ на названіе христіанскаго народа и на то, чтобы небо покровительствовало успѣху ея оружія».

«Ясно, пишетъ Иноуэ, что надъ всѣми религіями и надъ всѣмъ разнообразіемъ вѣрованій царитъ одно верховное правило, соотвѣтственно съ которымъ и оцѣниваются въ концѣ концовъ человѣческія дѣянія и предъ которымъ блѣднѣютъ всѣ религиозныя названія. Это правило составляетъ мораль, составляетъ человѣчность, гуманность. Взглядъ, что правда находится на сторонѣ тѣхъ, кто только носитъ имя христіанъ, представляетъ собою одну изъ тѣхъ грубыхъ иллюзій, которымъ настоящая война нанесетъ смертельный ударъ».

«Религія не является только пустымъ

названіемъ, но требуетъ для себя постоянныхъ упражненій. Она состоитъ въ строгомъ выполненіи требованій религиозной совѣсти. По поводу японскихъ побѣдъ нѣкоторые выражались, что японцы одерживаютъ ихъ потому, что они—христіане на дѣлѣ, тогда какъ русскіе таковыми не являются. Заинтересованность цѣли писателей этого класса слишкомъ очевидна. Нѣтъ, пишетъ Иноуэ, нашъ триумфъ нисколько не исходитъ изъ духа христіанства. Большинство нашихъ солдатъ—буддисты, и христіанство въ арміи считаетъ своими представителями полное меньшинство. Духъ, создавшій насъ такими, какими мы теперь являемся, имѣетъ своими источниками буддизмъ, конфуціанство, преданія рыцарства или самурайства (бусидоо) и прогрессъ нашего образованія. Этотъ духъ, ясно доказанный настоящею войною, нисколько и ни въ чемъ не уступаетъ духу христіанства. Проникая собою практическую дѣятельность, онъ воплощаетъ въ себѣ то, что я считаю истинной религіей. Тогда какъ Россія, которая придаетъ такъ много значенія пустому названію религіи, совершенно не имѣетъ понятія объ ея сущности, этою сущностью владѣемъ мы, хотя и не носимъ никакого формальнаго религиознаго названія. Если двѣ націи, столь христіанскія, какъ Англія и Америка, выражаютъ намъ свои симпатіи въ настоящей войнѣ, то это уже знакъ, что старый предрасудокъ, придававшій такъ много значенія пустымъ религиознымъ названіямъ, исчезаетъ. Религія, довольствующаяся только однимъ названіемъ, не больше какъ трупъ религіи, истинная же религія заключается всецѣло въ жизненной практикѣ, и на этой именно почвѣ будутъ базироваться отнынѣ симпатіи и антипатіи народа къ народу».

«Въ мірѣ, продолжаетъ Иноуэ, въ настоящее время существуютъ различныя религіи: буддизмъ, браманизмъ, іудейство, христіанство, магометанство, конфуціанство и пр. Религіи эти расчлениются на множество сектъ, а эти послѣднія въ свою

очередь распадаются на различныя вѣтви. Но такъ же точно, какъ секты и ихъ вѣтви представляютъ собою только подраздѣленія главныхъ религій, такъ и эти послѣднія по существу не что иное, какъ развѣтвленія единой религии, религии истины, которая ими управляетъ и ихъ въ себѣ заключаетъ. Въ различныхъ религіяхъ мы усматриваемъ не больше какъ видоизмѣненія одной и той же единой истинной религии, созданныя временемъ и условіями. Если вы хотите обращать вниманіе на названія, вы будете ихъ считать до безконечности; если же вы объедините всѣ религіи и возвыситесь до ихъ основы, то непременно придете къ одной только истинной и живой религии».

«Религіи истины составляютъ гуманность и справедливость, и выше ея ничего нѣтъ. Всѣ отдѣльныя секты, каково бы ни было ихъ названіе, отвѣчаютъ только отдѣльнымъ чувствамъ и личнымъ вкусамъ. Если буддизмъ сравниваютъ съ «моци» (пирожокъ изъ риса), а христіанство съ «саке» (рисовая водка), то представляется совершенно естественнымъ, что тѣ, кто любятъ моци, будутъ ихъ ѣсть, а кто любитъ саке, будутъ его пить. Представляется совершенно естественнымъ и законнымъ, чтобы каждый слѣдовалъ своему личному вкусу. Но въ то же время никоимъ образомъ недопустимо заставлять людей противъ ихъ воли ѣсть то, что имъ совершенно не нравится. Говорить, на примѣръ, что если не вѣрить въ буддизмъ или не состоять христіаниномъ, то значить уже не быть и человѣкомъ,—грубая ошибка. Во всѣ времена и повсюду были люди большой мудрости и высокой добродѣтели, хотя они не состояли ни буддистами, ни христіанами. Но наоборотъ, невозможно утверждать, что можно быть достойнымъ имени человѣка, игнорируя гуманность и справедливость. Гуманность и справедливость не подчиняются личнымъ вкусамъ, и здѣсь мы касаемся уже универсальной морали, того конечнаго пункта, къ которому тяготеютъ всѣ религіи.

Поэтому ошибочно говорить, что религіи выше нравственности, такъ какъ эта послѣдняя является вѣнцомъ и цѣлью всякой религии, и вѣѣ ея религія бесполезна. Поэтому служители религии, не соблюдающіе законовъ нравственности, сдѣлали бы лучше, если бы вовсе не говорили о религии. Говоря это, я разумью особенно главнѣйшія буддійскія секты въ Японіи, внутренне раздоры которыхъ уже съ давнихъ поръ служатъ источникомъ непрерывныхъ скандаловъ».

«Каждая страна можетъ создать для себя подъ влияніемъ своей религии особенную цивилизацію. Путемъ гармоничнаго слиянія всѣхъ цивилизацій человѣчество получитъ когда-либо высшую и универсальную цивилизацію. Это будетъ однимъ изъ результатовъ настоящей русско-японской войны: возвысивъ престижъ желтой расы и Востока, она несомнѣнно приведетъ къ слиянію двухъ цивилизацій, восточной и западной, и къ царству въ мірѣ истинной религии—универсальной морали».

Статья эта много обсуждалась въ японской прессѣ. Газета «Нихонъ» если и не подражала профессору Иноуэ въ его роли пророка, то во всякомъ случаѣ вторила ему въ его нападеніяхъ на православіе. По ея мнѣнію, «Россія, претендуя на христіанство, имѣетъ только внѣшнюю его сторону. Оживляющій Россію духъ, проявляющійся въ ея религии и нравахъ одинаково, всегда остается все тѣмъ же монголизмомъ, который европейская цивилизація только покрываетъ сверху легкимъ своимъ слоємъ, не измѣнивъ его сущности. Обращеніе народа въ христіанство, проведенное по приказу одного князя Владиміра, не оказало никакого вліянія на сердце націи. Почитавшіе раньше языческіе идолы были замѣнены только христіанскими иконами. Съ крестомъ на шеѣ и четками въ рукахъ (?) русскій остается доселѣ тѣмъ же самымъ монголомъ, готовымъ на всякія варварскія дѣянія. Орды дикихъ казаковъ такъ же, какъ и население изъ мужиковъ, состав-

вляющее армію Царя, хранить въ своихъ жилахъ кровь своихъ предковъ-монголовъ и въ своихъ проявленіяхъ дикости только слѣдуютъ импульсу наслѣдственности.

Газета «Майници», во имя принциповъ протестантства, проводникомъ которыхъ она служить, видитъ въ религиозномъ строѣ Россіи причину ея запоздалости и отсталости въ прогрессѣ и различныхъ бѣдствій, испытываемыхъ русскимъ народомъ. «Религія, всецѣло связанная съ политикою, писала эта газета, сохранила свою деспотическую форму, которую дали ей ея прежнія сношенія съ Церковью римскою. Именно эта религиозно-политическая организація помѣшала Россіи воспользоваться, подобно всѣмъ другимъ европейскимъ народамъ, великими теченіями идей и свободы, созданными реформаціею съ одной стороны и французскою революціею съ другой. Благодаря именно этому, подъ эгидою настоящаго Царя, лично склоннаго къ добротѣ и снисходительности, въ Россіи имѣютъ мѣсто такія проявленія несправедливости и религиозной нетерпимости, какъ недавно бывшія въ Финляндіи. Представитель царя въ Святѣйшемъ Синодѣ убѣжденъ, какъ онъ заявилъ, что изъ всѣхъ націй Европы только одна Россія, благодаря ея сильной политико-религиозной организаціи, въ состояніи противостоять потоку тѣхъ вредныхъ идей, которыя угрожаютъ Западу разрушеніемъ. Благодаря этимъ чудовищнымъ предразсудкамъ, удерживается въ Россіи доселѣ религиозный деспотизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ существуетъ и источникъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыя падаютъ теперь на русскій народъ».

Наряду со всѣми этими безконечными нападками, въ которыхъ переплетались системно выходки противъ русскаго народа, русскаго правительства, русской исторіи, православной Церкви вообще, православія въ Россіи и православія въ Японіи, чрезвычайно пріятно засвидѣтельствовать ту корректность, которую обнаружило въ дѣлѣ отношенія къ православію въ Японіи То-

киосское правительство. Министерство внутреннихъ дѣлъ для прекращенія всѣхъ тѣхъ враждебныхъ проявленій къ православному японцамъ, которыя обнаруживались въ различныхъ пунктахъ страны, въ апрѣлѣ 1904 года разослало слѣдующій циркуляръ провинціальнымъ властямъ:

«Съ начала военныхъ дѣйствій между Россіею и Японіею христіане православной Церкви сдѣлались предметомъ постоянныхъ преслѣдованій. (Nichiro senso irai kakuchi ni oite seikyoha shinto no hakugai serarugu koto himpin ari). Министръ внутреннихъ дѣлъ не можетъ обойти молчаніемъ факты подобнаго рода и потому посылаетъ мѣстнымъ властямъ слѣдующій циркуляръ:

«Обнаруживающаяся ненависть къ православнои Церкви въ настоящій моментъ враждебныхъ дѣйствій между Россіею и Японіею, равно какъ и проявленія недоброжелательства противъ христіанъ этой Церкви и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ сношенія съ этими христіанами, не согласуются съ надлежащимъ поведеніемъ цивилизованной націи (bummei no kokumin no kodo ni arazu). Даже во время войны позоръ подобныхъ поступковъ набрасываетъ тѣнь на честь страны. Поэтому всѣмъ должностнымъ лицамъ, поставленнымъ для охраны порядка, надлежитъ дать соответствующія инструкціи и увѣщанія населенію, находящемуся подъ ихъ управленіемъ, и быть особенно строгими и бдительными. Имъ надлежитъ употребить всю свою энергію въ примѣненіи къ охранѣ спокойствія христіанъ и ихъ друзей и дѣйствовать такъ, чтобы народъ въ своемъ поведеніи не разлучался съ достоинствомъ, причествующимъ великой націи».

Съ другой стороны министръ внутреннихъ дѣлъ, послѣ свиданія съ г. Хонда ёнци, членомъ евангелической лиги (Fukuin domeikwai), въ составъ которой входитъ большая часть христіанскихъ протестантскихъ сектъ, отправилъ президенту этой лиги слѣдующую декларацію, прося сообщить ее членамъ всѣхъ различныхъ ре-

лигіозныхъ обществъ, съ которыми лига находится въ сношеніяхъ:

«Съ началомъ военныхъ дѣйствій министерство внутреннихъ дѣлъ съ особеннымъ вниманіемъ наблюдало за проявленіемъ чувствъ, которыя можетъ вызвать какъ въ нашей странѣ, такъ и за границу, различіе расъ и религій воюющихъ сторонъ. Оно приняло мѣры, чтобы эти проявленія чувствъ не вызывали беспорядковъ и столкновеній и не создавали бы неправильнаго представленія о взглядахъ правительства и націи.

«Вслѣдствіе этого министерство внутреннихъ дѣлъ дало предписаніе префектуральнымъ властямъ о надлежащей охранѣ русскихъ подданныхъ, а министръ просвѣщенія послалъ по тому же вопросу спеціальныя инструкціи различнымъ образовательнымъ учрежденіямъ. Министръ, узнавъ затѣмъ, что въ различныхъ округахъ имперіи имѣли мѣсто проявленія недоброжелательства по отношенію къ христіанамъ православной Церкви, глубоко сожалѣлъ объ этомъ. *Признавая религію неотъемлемымъ элементомъ цивилизаціи*, онъ полагаетъ также, что залогомъ хорошей политики служить предупрежденіе всякихъ расовыхъ столкновеній. Исходя изъ этихъ именно принциповъ, наше правительство во время японо-китайской войны, когда наша армія дошла до Ляо-дуна, удвоило бдительность, чтобы церкви, построенныя французскими и англійскими миссіями, не потерпѣли ни малѣйшаго поврежденія. Известно, что бдительность эта увѣнчалась въ свое время полнымъ успѣхомъ. Въ настоящее время, когда война ведется со страной христіанскою, правительство обращаетъ еще болѣе серьезное вниманіе на то, чтобы общественное мнѣніе, отбросивъ узкіе взгляды и дурныя чувства, принявъ положеніе откровенно либеральное, и чтобы поведеніе японскаго народа на дѣлѣ было въ полномъ согласіи съ императорскимъ указомъ, который объявляетъ, что «эта война не имѣетъ другой цѣли, кромѣ обез-

печенія спокойствія имперіи и мира на Дальнемъ Востокѣ. Мы просимъ васъ сообщить это христіанскимъ обществамъ и миссіонерамъ, съ которыми вы находитесь въ сношеніяхъ».

Правительство, очевидно, опасалось проявленія недоброжелательства или преслѣдованій православныхъ со стороны послѣдователей туземныхъ религій, а потому еще раньше приведенныхъ инструкцій, 19 февраля 1904 года тѣмъ же министерствомъ внутреннихъ дѣлъ были разосланы аналогичный по содержанію слѣдующій циркуляръ начальникамъ всѣхъ буддійскихъ и синтоистскихъ сектъ въ имперіи:

«Война объявлена. Въ моментъ, когда всѣ граждане должны быть вѣрноподданными и добрыми слугами отечества, тѣ, на комъ лежитъ высшее управленіе религіозными дѣлами, обязаны возбудить ревность въ сердцахъ служителей культа, находящагося въ ихъ юрисдикціи, къ поощренію гражданъ къ исполненію ихъ обязанностей и отыскивать соотвѣтствующія для сего мѣры.

«Хотя дипломатическія сношенія съ Россією и прерваны, но представляется яснымъ, что по отношенію къ отдѣльнымъ членамъ воюющей націи не должно быть никакого чувства ненависти и вражды, и особенно на почвѣ религіозной. Каково бы ни было различіе вѣрованій и сектъ, всѣ лица безъ исключенія должны трактоваться равноправно. Нѣтъ никакихъ основаній къ уклоненію отъ принциповъ терпимости, которые до сей поры проводились въ жизнь, и это особенно необходимо имѣть въ виду въ отношеніи къ религіозной пропагандѣ. Пусть всѣ служители культа обращаютъ на это самое серьезное вниманіе. Тѣ же, въ рукахъ которыхъ находится завѣдываніе и управленіе дѣлами, обязаны дать подчиненнымъ соотвѣтствующія указанія, чтобы на этой почвѣ не могло происходить никакихъ прискорбныхъ инцидентовъ».

Подписано: «министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кацура».

Въ тотъ же день слѣдующее распоряженіе министерства было дано и чиновникамъ культа синтоистскаго, завѣдующимъ охраною національныхъ японскихъ храмовъ:

«Состоящіе на службѣ при отправленіи религиозныхъ обязанностей славнымъ богествамъ и завѣдующіе ихъ культомъ должны стараться объ исправленіи своихъ обязанностей съ уваженіемъ и достоинствомъ, котораго эти обязанности требуютъ. Въ настоящій моментъ, когда война нашимъ великимъ государемъ объявлена, и когда его послы отправились въ храмъ Исэ и въ различныя другіе храмы имперіи, чтобы прочитать предъ богествами манифестъ объ объявленіи войны, хранители храмовъ должны, согласуясь съ волею микадо, удвоить свою ревность въ отправленіи обязанностей, сократить излишніе расходы и въ чистотѣ совѣсти выполнять свои благородныя функціи».

Эти циркуляры министерства внутреннихъ дѣлъ очень много комментировались японскою прессою въ невыгодномъ для правительства и православія духѣ. Руссофобская «Нихонъ» писала, что инструкціи министерства далеко не служатъ къ чести бонзъ и синтоистскихъ служителей, какъ и не находятся въ соотвѣтствіи съ достоинствомъ страны. «Нужно ли напоминать о принципахъ терпимости по отношенію къ иностранцамъ»? спрашивала «Нихонъ». Если существуютъ люди, которымъ нѣтъ необходимости говорить о подобныхъ вопросахъ, то это именно служители синтоистской и буддѣйской религій. То, что не слѣдуетъ отступать отъ правилъ справедливости и добраго отношенія къ другимъ и что нужно остерегаться возбуждать недоразумѣнія во время войны такъ же, какъ и во время мира, это, кажется, такіа азбучныя истины, что о нихъ едва ли нужно и говорить! Если служители двухъ культовъ, къ которымъ обращается инструкція, не въ состояніи понимать такихъ простыхъ истинъ, то они недостойны занимать вѣренныя имъ посты и ихъ нужно сейчасъ же

уволить. Конечно, если существуетъ въ мірѣ народъ, полный религиозной терпимости и врагъ фанатизма, то это именно нашъ, по крайней мѣрѣ въ новѣйшую эпоху. Событія въ родѣ возмущенія Амакуса (возстаніе на почвѣ религиозной въ 1637—1638 гг., въ которомъ принимало участіе большое число христіанъ), относятся къ далекому прошлому. Въ настоящее время (зависитъ ли это отъ индифферентизма къ вопросамъ религіи, мы не будемъ объ этомъ говорить) представляется совершенно удостовѣреннымъ фактомъ, что мы не питаемъ никакихъ чувствъ антагонизма или вражды къ религиознымъ сектамъ, каковы бы онѣ ни были. Что русскій соборъ съ своимъ куполомъ доминируетъ надо всѣмъ. Тою, что онъ заставляетъ всѣхъ слушать свой безпокойный гвалтъ надъ головами, мы къ этому совершенно равнодушны. Поляки и финляндцы могутъ смотрѣть съ чувствомъ извѣстнаго недоброжелательства на русскія церкви, строящіяся въ ихъ земляхъ и знаменующія собою отнятіе ихъ территорій. Относительно же себя, мы, смотря на Церковь Николая, отнюдь не получаемъ впечатлѣнія, будто мы тѣмъ связываемся съ службою Его Величеству Императору Всероссийскому. Въ Европѣ много войнъ, даже новѣйшихъ, и въ особенности войны русско-турецкія могли имѣть, среди вызвавшихъ ихъ причинъ, побужденія религиозныя. Что же касается до нашего народа, то настоящая война такъ же, какъ и война съ Китаемъ, не имѣетъ ничего общаго съ мотивами и дѣяніями этого рода. Поэтому инструкція министра внутреннихъ дѣлъ представляется нѣсколько оскорбительною не для синтоистскихъ и буддѣйскихъ служителей только, но и для всего народа японскаго».

Другіе журналисты наоборотъ, находя циркуляры министра по религиознымъ вопросамъ колыми, такъ какъ въ нихъ «даются уроки нравственности и добраго поведенія служителямъ Будды и синтоизма», выражали взгляды, что подобное предупрежденіе излишне. Опасенія министерства,

какъ бы въкоторыя лица не воспользовались войною, какъ предлогомъ и удобнымъ случаемъ для удовлетворенія своихъ неприязненныхъ чувствъ противъ иностранныхъ религій, по ихъ мнѣнію, совсѣмъ не лишены основанія.

Послѣдній взглядъ, какъ кажется, болѣе подтверждался ходомъ событій религиозной жизни Японіи за время войны, чѣмъ мнѣніе «Нихона», и представляется очевиднымъ, что министерство было совершенно право въ опредѣленіи чувствъ значительной группы лицъ, по крайней мѣрѣ, въ буддѣйской церкви. Въ послѣдней несомнѣнно существовало опредѣленное стремленіе перенести происходившую войну на почву религиозную и доказать, что отъ исхода войны зависитъ и самая судьба буддизма въ Японіи. Въ этомъ отношеніи въ имперіи обнаружилась рѣзкая разница между дѣйствіями высшихъ властей буддизма, находившихся несомнѣнно подъ вліяніемъ взглядовъ правительственной, и практикою народною.

Такъ, глава самой обширной секты буддизма, Ниси Хонганзи, разослалъ своимъ 30.000 храмамъ и семи миллионамъ подчиненнымъ ему вѣрующимъ энциклику, въ которой совершенно въ духѣ министерскаго циркуляра убѣждалъ ихъ проявлять энергію и самоотверженіе въ исполненіи своего долга, въ связи съ войною.

«Конечно, писалъ онъ, предпріятіе это превышаетъ личныя силы отдѣльнаго человѣка и потому необходимо просить помощи Амида (буддѣйское божество, особенно почитаемое въ сектахъ Синсюу и Монтоку) и при его поддержкѣ безъ колебаній и опасеній исполнять свой долгъ. Для вѣрующихъ, нашедшихъ въ вѣрѣ непоколебимую силу и неварушимый миръ, смерть въ бою представляется столь же легкою, какъ перо птицы. Что же касается до тѣхъ, кто не занимаетъ мѣста въ рядахъ сражающихся, то они обязаны путемъ матеріальныхъ приношеній и содѣйствіемъ всякаго рода въ отношеніи солдатъ трудиться изъ всѣхъ силъ во славу нашего оружія и для воззвѣщенія отечества».

Глава секты Оотани-ха (Хигаси-Хонганзи) разослалъ своимъ вѣрующимъ аналогичное воззваніе.

Наряду съ этими существовали однако цѣлый рядъ фактовъ и противоположнаго характера, которыхъ именно правительство и опасалось. Такъ, на примѣръ, на буддѣйскомъ митингѣ въ одной изъ под-префектуръ главный начальникъ секты Ниси-Хонганзи, чтобы болѣе возбудить ревность вѣрующихъ къ борьбѣ со врагомъ, убѣждалъ ихъ смотрѣть на войну съ Россіей, какъ на чисто-религиозную, заключающую въ себѣ рѣшеніе вопроса о жизни и смерти для самого буддизма.

«Настоящая война, говорилъ онъ, имѣетъ важныя послѣдствія не только для страны, но и для буддизма. Если страна падетъ, буддизмъ падетъ вмѣстѣ съ нею. Исторія показываетъ намъ, что магометане, занявъ Индію, разрушили буддизмъ. По развалинамъ храмовъ съ трудомъ можно признать слѣды античнаго буддизма въ странѣ, и съ грустью приходится думать, что не упадокъ вѣры у послѣдователей буддизма создалъ эти развалины благородныхъ зданій, а произвело ихъ желѣзо завоевателей. Жители не могли противостоять завоевателямъ, и вмѣстѣ съ исчезновеніемъ ихъ свободы исчезла и религія. Въ Китаѣ также повсюду, куда проникали магометане, какъ побѣдители, буддизмъ мало-по малу пересталъ существовать. Такимъ же образомъ и настоящая война съ Россіей, въ случаѣ побѣды послѣдней, будетъ имѣть аналогичныя послѣдствія. Петръ Великій въ своемъ завѣщаніи сдѣлалъ православную Церковь государственною религіею Россіи и хотѣлъ при содѣйствіи этой религіи объединить подъ своею эгидою цѣлый міръ. Въ настоящее время процвѣтаніе этой религіи связано съ благочестіемъ русскихъ въ отношеніи къ ихъ Богу и выражается въ безчисленномъ множествѣ церквей, покрывающихъ русскую территорію. Нетерпимость и религиозная ненависть русскихъ къ другимъ сектамъ, религіямъ и исповѣданіямъ

создавала войны съ Турціею и недавній избіеніи въ Кишиневѣ. Съ другой стороны, политика русскаго правительства заключается въ томъ, чтобы въ Россіи не было другихъ религій, кромѣ Церкви православной. Поэтому, если только мы позволимъ побѣдѣ перейти въ русскія руки и если мы окажемся вынужденными согнуться подъ русскимъ игомъ, нашимъ храмамъ придется конецъ. Отъ побѣды или пораженія въ этой войнѣ зависитъ жизнь или смерть самой нашей религіи, и потому вѣрующіе на подѣ брани должны сражаться не только за родину, но и за вѣру»...

Другія журнальныя статьи и мѣнія еще сильнѣе приведеннаго стремились перевести войну на религиозную почву, а поэтому правительству пришлось принять въ этомъ направленіи даже и активныя мѣры.

Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ пресвященный Николай оказался въ Японіи въ очень тяжеломъ положеніи. Въ моментъ, когда открытіе военныхъ дѣйствій было неизбежнымъ, представлялось вопросомъ, долженъ ли онъ быть остаться, какъ пастырь, среди своего стада, или же возвратиться въ Россію и провести тамъ время войны? Представители его Церкви на собраніи 7 февраля н. ст. 1904 года единогласно просили епископа, жизнь котораго принадлежала православной Церкви въ Японіи, остаться съ ними и увѣрили его, что они съ своей стороны сдѣлаютъ все возможное, чтобы ни онъ, ни Церковь не пострадали во время войны. Епископъ, горячо поблагодаривъ ихъ, высказалъ въ отвѣтній рѣчи, что онъ уже самъ принялъ предъ Богомъ рѣшеніе остаться въ Японіи и не въ посольствѣ, а на томъ же мѣстѣ, вблизи собора и что онъ вѣряется ихъ преданности по отношеніи къ нему самому и ко всему тому, что касается интересовъ христіанства, такъ же какъ и благосклонному покровительству японскихъ властей, защитниковъ собора и собственности православной Церкви въ Японіи противъ всѣхъ на-

паденій. Онъ прибавилъ: «Я надѣюсь, что объявленіе военныхъ дѣйствій не принесетъ съ собою никакой перемѣны въ дѣятельности нашей Церкви. Катехизаторы будутъ продолжать проповѣдывать Евангеліе Спасителя, ученики—посѣщать школу миссіи, а я самъ отдамся всецѣло переводу нашихъ богослужебныхъ книгъ съ своимъ помощникомъ Накаи.—Разъ война объявлена, вашъ долгъ заключается въ томъ, чтобы молиться о побѣдѣ Японіи, вы должны приносить благодаренія Господу при всякомъ извѣстіи объ японской побѣдѣ. Этотъ долгъ православная Церковь налагаетъ на всѣхъ вѣрующихъ въ каждой отдѣльной странѣ. Нашъ Учитель Иисусъ учитъ насъ патриотизму и вѣрности родинѣ. Христосъ Самъ проливалъ слезы о судьбѣ Иерусалима: въ этомъ случаѣ Онъ далъ доказательство Своего патриотизма, и мы должны идти по стопамъ Учителя.

«Сегодня по обычаю я служу въ соборѣ, но отнынѣ впредь я уже не буду принимать болѣе участія въ общественныхъ богослуженіяхъ нашей Церкви. Это не потому, что для меня будетъ опасно показываться въ соборѣ, но доселѣ я молился за процвѣтаніе и миръ японской имперіи. Нынѣ же, разъ война объявлена между Японіею и моею родиной, я, какъ русскій подданный, не могу молиться за побѣду Японіи надъ моимъ собственнымъ Отечествомъ. Я также имѣю обязательства къ своей родинѣ, и именно поэтому буду счастливъ видѣть, что вы исполняете долгъ въ отношеніи къ своей странѣ. Въ силу именно этого, на сколько дѣло касается меня лично, я не могу принимать въ это время участія въ общественномъ богослуженіи японской Церкви».

Эту свою рѣчь, произнесенную въ Токио, архіепископъ Николай подтвердилъ потомъ официально всей Церкви слѣдующимъ документомъ:

«Окружное письмо епископа къ японскимъ православнымъ христіанамъ для успокоенія Церкви, встревоженной объявленіемъ войны Японіи съ Россіею».

«Благочестивымъ христіанамъ святой православной Церкви великой Японіи.

Возлюбленные о Господи братія и сестры! Господу угодно было допустить разрывъ между Россіею и Японіей. Да будетъ Его святая воля. Будемъ вѣрить, что это допущено для благихъ цѣлей и приведетъ къ благому концу, потому что воля Божія всегда благая и премудрая.

Итакъ, братія и сестры, исполните все, что требуетъ отъ васъ въ этихъ обстоятельствахъ долгъ вѣроподанныхъ. Молите Бога, чтобы Онъ даровалъ побѣду вашему императорскому войску, благодарите Бога за дарованныя побѣды, жертвуйте на военныя нужды; кому придется идти въ сраженія, не щадя своей жизни, сражайтесь не изъ ненависти къ врагу, а изъ любви къ вашимъ соотчичамъ, помня слова Спасителя: «нѣтъ больше той любви, какъ если кто положить душу свою за друзей своихъ» (Іоаннъ 15, 3). Словомъ, дѣлайте все, что требуетъ отъ васъ любовь къ отечеству. Любовь къ отечеству есть святое чувство. Спаситель освятить это чувство Своимъ примѣромъ: изъ любви къ Своему земному отечеству Онъ плакалъ о бѣдственной участи Іерусалима (Лук. 19, 41).

Но кромѣ земного отечества у насъ есть еще отечество небесное. Къ нему принадлежатъ люди безъ различія народностей, потому что всѣ люди одинаково дѣти Отца Небеснаго и братья между собою. Это отечество наше есть Церковь, которой мы одинаково члены и по которой дѣти Отца небеснаго, дѣйствительно, составляютъ одну семью. Поэтому то я не разлучаюсь съ вами, братія и сестры, и остаюсь въ вашей семьѣ, какъ въ своей семьѣ. И будемъ исполнять вмѣстѣ нашъ долгъ относительно нашего небеснаго отечества, какой кому надлежитъ. Я буду, какъ всегда, молиться за Церковь, заниматься церковными дѣлами, переводить Богослуженіе; вы, священники, усердно пасите порученное вамъ отъ Бога словесное ваше стадо;

вы, проповѣдники, ревностно проповѣдуйте Евангеліе еще не познавшимъ истиннаго Бога, Отца Небеснаго; всѣ христіане, мирно ли живущіе дома или идущіе на войну, возрастайте и утверждайтесь въ вѣрѣ и преуспѣвайте во всѣхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ. Всѣ же вмѣстѣ будемъ горячо молиться, чтобы Господь поскорѣе возстановилъ нарушенный миръ. Да поможетъ намъ во всемъ этомъ Самъ Господь.

Благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любовь Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами. Аминь.

Великой Японіи православной Церкви епископъ *Николай*».

24 января—11 февраля 1904 г.

Вдумываясь въ положеніе православныхъ японцевъ и архіепископа Николая, создавшееся съ объявленіемъ русско-японской войны, мы не можемъ не признать его въ высшей степени затруднительнымъ и тяжелымъ. И православные японцы и архіепископъ оказались въ томъ положеніи, которое въ доктринѣ нравственной философіи называется *collisio officiorum*, т. е. столкновеніе двухъ видовъ нравственныхъ обязанностей. Въ данномъ случаѣ это были: для православныхъ японцевъ долгъ по отношенію къ родинѣ, совершенно естественное чувство патриотизма, и долгъ религиозный, чувство естественнаго дружескаго отношенія къ Россіи, отъ которой они получили свою вѣру. Молодой Церкви было такъ легко уклониться въ ту или другую сторону и сдѣлать ошибочный шагъ. Уклониться въ сторону патриотизма значило войти въ столкновеніе съ совѣстью, требовавшею мира съ учителями исповѣдуемой религіи. Отдать излишнее уваженіе послѣднимъ—значило навлечь на себя подозрѣніе соотечественниковъ въ излишнихъ симпатіяхъ къ враждебной къ родинѣ странѣ.

Положеніе архіепископа было еще болѣе тяжелымъ, такъ какъ ему надлежало, во-первыхъ, дать указанія о разрѣшеніи

вопроса о столкновении нравственныхъ обязанностей своей паствы, во-вторыхъ, разрѣшить аналогичный же вопросъ и для самого себя. У него же лично столкновение обязанностей выразилось нѣсколько иначе. Представлялось два вопроса: во-первыхъ, долженъ ли онъ благословлять свою паству на войну съ Россіей, его родиной, въ чемъ проявилось столкновение обязанностей въ отношеніи къ Богу и въ отношеніи къ родинѣ. Онъ разрѣшилъ этотъ вопросъ такъ, какъ ему приказывалъ епископскій долгъ руководителя паствы, т. е. въ строгомъ соотвѣтствіи съ Евангеліемъ. Вторую коллизіей былъ вопросъ—оставаться ли ему въ Японіи и такимъ образомъ навлечь на себя подозрѣніе русскихъ въ томъ, что настолько «объяпонился», что даже забылъ родину, или же бросить свою паству въ самое опасное для нея время, когда существуютъ постоянныя возможности отпаденія отъ православія и уничтоженія враждебно настроеннымъ народомъ самой мисси. Этотъ послѣдній вопросъ архіепископъ разрѣшилъ въ первомъ смыслѣ, не смотря на то, что подвергалъ жизнь свою явной опасности.

По общему признанію японцевъ, православная миссія и соборъ уцѣлѣли во время войны единственно благодаря тому, что счастье въ войнѣ оказалось всецѣло на ихъ сторонѣ. Такъ думало и японское правительство, ибо съ самаго начала военныя дѣйствій оно назначило въ миссію сильную военную охрану, оставшуюся тамъ въ теченіи всей войны. Когда же японскій транспортъ былъ пущенъ ко дву русскими крейсерами и въ Токио начались по этому поводу волненія, то на дворѣ мисси и въ прилегающемъ къ ней районѣ было поставлено свыше роты солдатъ. Архіепископъ и самъ хорошо сознавалъ угрожающую ему опасность, ибо, распукаясь соборъ духовенства въ 1904 году, онъ сказалъ такъ:

«Любезные собратія! Прощаясь нынѣ съ вами, я не могу удержать нѣкоторое

особенное движеніе чувства, и потому говорю вамъ отъ глубины сердца и прошу и васъ принять мое слово къ сердцу. Надѣюсь, что мы увидимся и въ будущемъ году, какъ обычно, въ такое же время. Но можемъ ли мы съ увѣренностью сказать это? Видите, какъ охраняютъ это мѣсто и меня съ нимъ? Значитъ, *есть опасность*. Будемъ уповать, что такая тщательная охрана не останется тщетною и что Ангелъ Божій покроетъ своимъ крыломъ и защититъ отъ бѣды миссію. Но на всякій случай примите мое прощальное слово, какъ *завѣщаніе*, которое, впрочемъ, если буду живъ, не перестану говорить вамъ при каждомъ свиданіи».

Такимъ образомъ архіепископъ Николай при разрѣшеніи во время войны затрудненія поступилъ какъ подобаетъ истинному христіанину, не остановившись передъ страхомъ людской молвы, безъ боязни, что скажетъ о немъ въ той и другой странѣ общественное мнѣніе и теперь, когда мы можемъ смотрѣть на его поступокъ какъ на прошлый, мы ясно видимъ, что онъ поступилъ правильно, что онъ спасъ отношенія русской и японской православныхъ Церквей, совершенно снялъ съ японской православной Церкви всякія подозрѣнія въ политическихъ интригахъ въ пользу Россіи, доказалъ свою собственную непричастность къ политикѣ и разъ на всегда установилъ возможность полнаго взаимнаго довѣрія между Японіей и Россіей.

Нечего и говорить, на сколько тяжело было личное положеніе архіепископа во время русско-японской войны. Онъ рассказывалъ, что совсѣмъ не читалъ газетъ, полныхъ ликованіемъ побѣдителей и издѣвательствами надъ Россіей, не могъ ни съ кѣмъ говорить о томъ, что его интересовало всего болѣе, долженъ былъ прекратить всякую переписку съ Россіей и жить душою въ полнѣйшемъ одиночествѣ, только занимаясь дѣлами. Онъ отдавалъ однако всегда справедливость японцамъ и ихъ такту во время войны. Въ своей рѣчи

при прекращеніи дѣятельности общества духовнаго утѣшенія военнопленныхъ 18-го февраля 1906 года онъ сказалъ членамъ этого общества слѣдующее:

«Благодарю васъ лично отъ себя, прошу вмѣстѣ съ симъ принять мою благодарность и всѣхъ окружающихъ меня братій и сестеръ. Господня воля совершается въ побѣдахъ и пораженіяхъ,—это мы, какъ хрістіане, ясно знаемъ и этому твердо вѣруемъ. Вы радовались во время побѣдъ, дарованныхъ вамъ Господомъ, и не могли не радоваться; но ни разу никто изъ васъ не отягчилъ моей печали обнаруженіемъ предо мной своей радости и торжества. Мы каждый день были вмѣстѣ, дѣлая общее дѣло, но, будучи вмѣстѣ, мы не были я—русскій, а вы—японцы, а были братья и сестры во Христѣ, дѣти одного Отца Небеснаго. При началѣ войны вы желали, чтобъ я остался съ вами, и обѣщались беречь меня,—и вы блистательно исполнили свое обѣщаніе, вы сберегли меня не только физически, но и нравственно, за что я особенно благодаренъ вамъ. Это всегда глубоко трогало меня, и на всю остальную жизнь мою останется для меня дорогимъ утѣшительнымъ воспоминаніемъ изъ этого неутѣшительнаго для меня времени.»

Не смотря на такіа неблагопріятныя условія, архіепископъ не оставлялъ и своихъ обычныхъ трудовъ наставленія вѣрующихъ, выясненія ихъ отношеній къ Россіи и защиты православной Церкви отъ сыпавшихся на нее нападеній. Этой дѣли имъ было посвящено нѣсколько посланій къ хрістіанамъ, изъ которыхъ одно я считаю нужнымъ здѣсь привести для характеристики этого рода работъ почившаго владыки.

Второе окружное письмо епископа къ японскимъ православнымъ хрістіанамъ, по случаю войны.

«Благочестивымъ хрістіанамъ святой православной Церкви великой Японіи.

Возлюбленные о Господѣ братья и сестры! Въ отвѣтъ на мое письмо отъ 11-го

февраля я получилъ почти изъ всѣхъ церковей выраженіе радости о томъ, что я на время войны остался въ Японіи. Этотъ привѣтъ моихъ хрістіанъ въ свою очередь радуетъ меня, такъ какъ показывается, что моя любовь къ нимъ не остается безъ отвѣта. Это служить мнѣ лучшей наградою за мои посильные труды для дѣла Божія здѣсь.

Во многихъ письмахъ я встрѣтилъ выраженія, что какъ ни печальна война сама по себѣ, но для православной Церкви она будетъ полезна тѣмъ, что исправить неправильныя понятія объ отношеніи японскихъ православныхъ хрістіанъ къ Россіи. И я вполне увѣренъ въ этомъ: война несомнѣнно принесетъ это благо. Какія это неправильныя понятія? О васъ говорить, будто вы, какъ православные, зависимы отъ русскаго Императора, который будто бы есть глава православной Церкви, и потому заподозрѣваютъ вашу искренность въ служеніи вашему собственному Императору и вашей странѣ. Какое ложное понятіе о православной Церкви! И какое страшное подозрѣніе основано на этой жи! Русскій Императоръ отнюдь не есть глава Церкви. Единственный глава Церкви есть Исусъ Христосъ (Ефес. 1, 22; Колос. 1, 18), ученіе Котораго тщательно хранить въ чѣлости православная Церковь,—и русскій Императоръ въ соблюденіи сего ученія есть такой же почтительный сынъ Церкви, какъ и всѣ другіе православные хрістіане. Нигдѣ и никогда Церковь не усвоила ему никакой власти въ ученіи и не считала и не называла его своимъ главою. Это заблужденіе образовалось на западѣ Европы отъ незнанія русской Церкви, и оттуда перешло въ Японію, и здѣсь нынѣ, такъ же какъ и тамъ, широко распространено. Если основаніе ложно, то тѣмъ болѣе ложно построенное на немъ. Если русскій Императоръ не есть глава Церкви для русскихъ, то тѣмъ менѣе онъ есть глава Церкви для васъ. Для васъ онъ есть не болѣе,

какъ братъ по вѣрѣ; такъ же какъ и всѣ русскіе единовѣрные вамъ. Надъ вами русскій Императоръ не имѣетъ ни тѣни какой-либо религіозной власти; между вами и вашимъ императоромъ онъ отнюдь не станвится, и вашей вѣрности отечеству вашему ни на волосъ не мѣшаетъ. Какъ вашъ братъ по вѣрѣ, русскій Императоръ, конечно, только желаетъ, чтобы вы были хорошими христіанами, усердно исполняющими всѣ христіанскія обязанности, а въ томъ числѣ и блюденіе вашей вѣрности и преданности вашей родной странѣ и вашему императору. Эти истины вы съ самаго начала, когда сдѣлались христіанами, и всегда потомъ знали, и ничего несогласнаго съ ними никогда не слыхали отъ вашихъ катехизаторовъ и священниковъ, такъ какъ и они въ свою очередь иначе ничего не слышали отъ своихъ наставниковъ и не видѣли въ учебникахъ Догматики и Каноники и ни въ какихъ другихъ книгахъ, когда воспитывались для своей службы въ миссійскихъ училищахъ. Но не знающіе и не хотящіе знать православнаго ученія не знаютъ и этихъ истинъ и потому думаютъ и говорятъ о васъ совершенно противное. Сколько мы говорили и писали противъ этого заблужденія. Сколько книжекъ издали для уясненія истины. Но всѣ усилія наши были—точно попытки голою рукою разбить твердую скалу.

И вотъ, наконецъ, пришло время рухнуть этой скалѣ и разлетѣться въ прахъ. Началась война съ Россіей,—и православные усердно молятся о дарованіи побѣды своему Императору, съ одушевленіемъ провожаютъ своихъ воиновъ на войну, вполне увѣренные, что они будутъ геройски защищать свое отечество противъ непріятеля; воины съ энтузіазмомъ идутъ, испросивъ благословеніе и молитву у своихъ священниковъ, чтобы Богъ помогъ имъ безукоризненно исполнить свой долгъ относительно отечества; православная семинарія составляетъ и жертвуетъ своему родному воинству десятки тысячъ экземпляровъ

японско-русскихъ разговоровъ, для напечатанія которыхъ всѣ воспитанники принесли свои лепты; православная женская школа отдѣляетъ изъ своего состава наставницъ для благотворительнаго служенія раненымъ воинамъ; всѣ православные христіане по всей Японіи съ радостью жертвуютъ, кто сколько можетъ, на военные нужды отечества или на содержаніе семействъ воиновъ. Не ясно ли какъ день, что православіе не только не вредитъ патріотическому служенію своему отечеству, а, напротивъ, возвышаетъ, освящаетъ и тѣмъ усиливаетъ его? Если кто, видя все это со стороны православныхъ, станетъ еще говорить о нихъ что-нибудь неподобное, то придется только съ сожалѣніемъ сказать, что кто упорно противится истинѣ, того нѣтъ средствъ убѣдить. Но думаю, что немного найдется такихъ, а что вообще откроютъ глаза на православіе и посмотрятъ на него дружелюбно всѣ тѣ, кто до сихъ поръ не имѣлъ возможности убѣдиться въ неприкосновенности его къ взводимымъ на него обвиненіямъ.

Итакъ, возлюбленные братья и сестры, стойте твердо въ вѣрѣ и продолжайте въ эти трудные дни служить вашему отечеству всѣмъ, кто чѣмъ можетъ; продолжайте неуклонно исполнять и всѣ другія христіанскія обязанности, чтобы чрезъ васъ святилось имя Божіе и воздавалась хвала Отцу нашему Небесному; продолжайте также молиться, чтобы Богъ сократилъ бѣдствіе войны и скорѣе послалъ опять миръ намъ.

Благословеніе Божіе да будетъ со всѣми вами, и да возсіяетъ скоро свѣтъ истиннаго Христова Евангелія во всемъ вашемъ отечествѣ. Аминь.

Великой Японской православной Церкви епископъ *Николай*.

29 февраля—13 марта 1904 г.

Говоря о времени русско японской войны, немислимо обойти молчаніемъ дѣятельность архіепископа Николая по отношенію

къ организаціи духовнаго утѣшенія русскихъ военнопленныхъ. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что онъ былъ ихъ ангеломъ-хранителемъ, и многіе офицеры и солдаты, съ которыми мнѣ приходилось видѣться, не могли безъ слезъ вспоминать объ архіепископѣ. Никто изъ нихъ никогда и не думалъ, попавъ въ Японію, имѣть возможность слышать церковную службу, видѣть священниковъ, получать таинства. Архіепископъ сосредоточилъ на военнопленныхъ всю свою любовь и пѣжностью старался смягчать для нихъ тяжесть плѣна и неволи. Вотъ нѣкоторыя проявленія дѣятельности православной духовной миссіи въ отношеніи къ военнопленнымъ.

Въ 1904 году для удовлетворенія духовныхъ нуждъ русскихъ въ Японіи архіепископомъ Николаемъ были назначены три молодыхъ и наиболѣе дѣятельныхъ священника, знающихъ русскій языкъ.

Священникъ церкви въ Осака, Сергій Сузуки, съ мая мѣсяца былъ поселенъ въ городѣ Мацуяма для служенія у военнопленныхъ въ этомъ городѣ и въ Маругамѣ; священникъ церкви въ Маэбаси, Павелъ Морита, съ іюля поселенъ въ Химези для военнопленныхъ въ этомъ городѣ и въ Фукуцямѣ; священникъ церкви въ Кіото, Симеонъ Миѣ, съ октября каждыя двѣ недѣли, по предписанію епископа, посѣщалъ для Богослуженій военнопленныхъ въ Нагоѣ и Сизуока. Въ началѣ 1905 г., съ переводомъ военнопленныхъ изъ Портъ-Артура въ Японію, священникъ Симеонъ Миѣ сталъ служить, кромѣ того, у поселенныхъ въ Тенгаѣя, близъ Оосака. Для другихъ же мѣстъ, гдѣ были поселены военнопленные изъ Портъ-Артура, архіепископъ командировалъ еще двухъ священниковъ, знающихъ русскій языкъ: священникъ Алексѣй Савабѣ изъ Токио былъ переведенъ къ военнопленнымъ въ Хамадэра, также близъ Оосака; священникъ Андрей Мэтоки изъ Хакодате отправленъ на о. Кюусю,

служить у поселенныхъ въ городахъ Даири и Фукуока.

Отправляя священниковъ для служенія у военнопленныхъ, архіепископъ снабжалъ ихъ священными сосудами, облаченіями, славянскими богослужебными книгами и всѣмъ потребнымъ для совершенія Богослуженій, въ молитвенныя же мѣста посылалъ св. иконы въ кіотахъ. Всѣ помѣщенія военнопленныхъ также были снабжены архіепископомъ иконами.

Для чтенія военнопленныхъ архіепископъ Николай разослалъ, въ 1904 году, изъ запасной бібліотеки миссіи 2211 религиозныхъ книгъ, 5072 религиозныхъ брошюры, 1127 научныхъ и разнаго свѣтскаго содержанія книгъ и брошюрь.

Словомъ, съ самаго начала появленія въ Японіи русскихъ военнопленныхъ, архіепископъ Николай вмѣнялъ себѣ въ обязанность дѣлать для нихъ все, что позволяли его средства и силы, и неуклонно исполнять это.

Независимо отъ этого японскіе православные христіане учредили между собою «Общество духовнаго утѣшенія военнопленныхъ», собирали пожертвованія и употребляли ихъ на помощь миссіи въ содержаніи священниковъ у военнопленныхъ, на подарки военнопленнымъ и на посѣщеніе ихъ для духовнаго утѣшенія.

Въ 1905 году дѣятельность православной миссіи въ отношеніи военнопленныхъ еще болѣе усилилась.

17 священниковъ и 6 діаконовъ почти весь годъ были исключительно священнослужителями для русскихъ военнопленныхъ, число которыхъ, послѣ Сахалинскихъ пораженій, превысило 73 тысячи; даже катехизаторы тѣхъ городовъ, гдѣ жили военнопленные, были отвлекаемы отъ своего прямого дѣла необходимостью такъ или иначе служить военнопленнымъ. «И нужно сказать при этомъ, писалъ позднѣе архіепископъ Николай, что никто изъ насъ здѣсь нимало не сѣтовалъ на это временное уменьшеніе силъ для служенія япон-

ской Церкви. Напротивъ, священнослужители съ великою радостью шли служить духовнымъ нуждамъ русскихъ братьев; мѣстные христіане также со всею готовностью отпускали ихъ на это служеніе и сами, гдѣ представлялась возможность, старались въ свою очередь, чѣмъ и какъ могли, служить военнопленнымъ. Словомъ, всё въ совокупности христіане наши, безъ всякихъ постороннихъ внушеній, сочли своею обязанностью дѣлать все, для нихъ возможное, къ облегченію участи военнопленныхъ, сами выражая, что этимъ они желаютъ хоть нѣсколько заплатить свой долгъ благодарности за попеченіе своей Матери—русской Церкви здѣсь, что всё безъ исключенія священнослужители наши съ честью совершили свое служеніе, своимъ усердіемъ, добросовѣстностью и любовнымъ отношеніемъ къ военнопленнымъ приобрѣли и съ ихъ стороны непритворную любовь и уваженіе; объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ подписки русскихъ на иконы или облаченія въ подарокъ своимъ священникамъ; объ этомъ еще болѣе свидѣтельствуетъ множество полученныхъ мною отъ военнопленныхъ писемъ, въ которыхъ они благодарятъ за присылку священниковъ, хвалятъ ихъ усердіе, просятъ наградъ для нихъ. Нельзя умолчать, что и обратно какъ священнослужители, такъ и всё христіане наши немалую духовную пользу приобрѣли отъ военнопленныхъ. Послѣдніе, какъ природныя христіане, сами не заботясь о томъ, показали на себѣ примѣръ новымъ христіанамъ, каковъ долженъ быть христіанинъ въ своемъ отношеніи къ Богу и въ своемъ поведеніи. Священники, по отпуску военнопленныхъ, возвратились къ своимъ мѣстамъ, полные трогательныхъ воспоминаній и разказовъ о томъ, какъ набожны русскіе христіане, какъ усердны къ церковной службѣ, съ какимъ благоговѣніемъ приступаютъ къ св. таинствамъ, съ какимъ самоотверженіемъ жертвуютъ на церковь и на нужды ближнихъ и т. п. Этотъ запасъ воочію видимаго благочестія

и добрыхъ христіанскихъ дѣлъ, будемъ надѣяться, надолго послужитъ источникомъ наученія для новыхъ христіанъ и немало перейдетъ въ жизнь ихъ».

Русско-японскою войною Промыселъ, казавшійся, закончилъ тѣ тяжелыя испытанія, которыя онъ налагалъ на архіепископа Николая. По заключеніи Портсмутскаго договора отношенія русскихъ къ Японіи радикально перемѣнились. Обнаружилось прежде всего давножданное архіепископомъ стремленіе Россіи къ изученію Японіи, хотя и не въ томъ масштабѣ, который онъ считалъ нужнымъ для Россіи, но все же на иныхъ, сравнительно съ прежнимъ, основахъ. Дѣятельность владыки, проведшаго, какъ добрый кормчій, свою Церковь черезъ валѣвшую бурю цѣлою и неповрежденною, и много потрудившагося для русскихъ военнопленныхъ, была оцѣнена, и пресвященному Николаю былъ пожалованъ санъ архіепископа, что придавало бодрости и всей японской Церкви. Въ Россіи начали обособываться общества для изученія Востока и Японіи, которыя впервые признали заслуги архіепископа какъ ученаго въ области японовѣдѣнія и стали избирать его своимъ почетнымъ членомъ. Первымъ изъ такихъ обществъ было Императорское Общество Востоковѣдѣнія. Далѣе архіепископу пришлось еще примѣнять свой педагогическій опытъ къ оборудованію школы японскаго языка для русскихъ дѣтей, присланныхъ изъ восточной Сибири, и онъ имѣлъ уже утѣшеніе видѣть нѣсколько человекъ изъ своихъ питомцевъ работающими въ Россіи на почвѣ японо-русскихъ отношеній. Вся та небольшая группа лицъ изъ русскихъ, которая являлась въ Токио послѣ войны для изученія японскаго языка, поддерживала дружескія отношенія съ архіепископомъ, и можно было видѣть, съ какимъ чувствомъ удовлетворенія онъ распространялъ на всѣхъ такихъ лицъ свѣтъ приобретенныхъ имъ огромныхъ знаній по японологіи, подъ лучами котораго согрѣвались и возростали эти новыя силы. Нако-

нецъ онъ дождался и того, чего ждалъ такъ долго: къ нему прѣѣхалъ помощникъ, преосвященный Сергій, который предался изученію японскаго языка, совершилъ уже нѣсколько поѣздокъ по Японіи и доставилъ преосвященному Николаю наслажденіе слушать свою японскую проповѣдь. Словомъ, исполнилось желаніе преосвященнаго Николая, о которомъ онъ писалъ еще въ 1903 году такимъ образомъ:

«Я, 68-лѣтній старикъ, доживаю послѣднее время моей жизни, посвящая его, кромѣ общаго завѣдыванія церковными дѣлами, переводу Богослуженія, и давно уже пора подумать о замѣстителѣ меня здѣсь. Для юной японской Церкви будетъ весьма полезно, если, послѣ моей смерти, или въ случаѣ тяжелой болѣзни, станетъ завѣдывать ею не человекъ, достаточно воспитавшійся здѣсь для того, а внезапно присланный, не знающій ни языка ея, ни исторіи, ни характера людей, составляющихъ ее, ни обычаевъ страны. Итакъ, тѣмъ настоятельнѣе нужда не медлить назначеніемъ сюда благонадежнаго миссіонера».

Единственною заботою до самыхъ послѣднихъ минутъ архіепископа оставалась мысль о неоконченномъ переводѣ Библии. Уже на смертномъ одрѣ, находясь въ госпиталѣ Св. Луки въ Пукизи, онъ вызывалъ къ себѣ Накай-санъ и пытался продолжать свою работу, и потомъ, перевезенный, по собственному настоянію, изъ госпиталя назадъ въ духовную миссію, онъ еще разъ порывался заняться переводомъ, но силъ больше не было...

Въ этихъ послѣднихъ попыткахъ работы, какъ и во всей жизни архіепископа, мы должны видѣть оставленный имъ намъ завѣтъ постояннаго труда на почвѣ религіознаго просвѣщенія Японіи и сближенія двухъ странъ во славу православной Церкви и Россіи.

Димитрій Позднѣевъ.

Женскія училища духовнаго вѣдомства.

(по даннымъ отчетовъ о состояніи ихъ въ 1909—1910 учебномъ году).

Въ ряду существующихъ въ епархіяхъ женскихъ духовно-учебныхъ заведеній первыми по времени учрежденія являются женскія училища духовнаго вѣдомства, имѣющія высокое счастье состоять подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны.

Всѣхъ женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства—13, а именно: Царскосельское, Ярославское, Казанское, Виленское, Воднянское, Подольское, Полоцкое, Минское, Паричское, Могилевское, Иркутское и два Кіевскихъ. Послѣднія два училища хотя и носятъ названіе «женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства», но руководствуются въ своей дѣятельности уставомъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, между тѣмъ, первыя одиннадцать училищъ имѣютъ особые Высочайше утвержденные уставы и штаты.

До введенія новаго устава большинство женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства имѣло 3-классный составъ съ двухгодичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ. Въ настоящее же время только одно Виленское училище остается въ прежнемъ устройствѣ, т. е. при трехъ классахъ, но и оно находится на пути къ преобразованію въ шестиклассное и это преобразование должно совершиться въ ближайшіе годы, по окончаніи постройки на изысканныя для того средства новаго училищнаго зданія. Необходимость расширенія, въ соотвѣтствіе съ потребностями современной жизни, учебнаго курса женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства была причиною открытія при нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно: при Царскосельскомъ, Подольскомъ (въ 1903 г.), Минскомъ и Паричскомъ (въ 1909 г.) дополнительнаго педагогическаго класса.

Общее число учащихся въ 11 женскихъ училищахъ, руководствующихся новымъ уставомъ (1901 г.), въ 1909—1910 учеб-